Файзабад

Глеб Леонидович Бобров

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Роман в рассказах "Файзабад" был окончен в 1994 г. Публиковался в журнале СП СССР "Подъем".

- Бобров Глеб Леонидович
  - ЦЕЗАРЬ
  - МОРПЕХ
  - ПИСЬМО
  - КОСОЙ
  - ПРИГОВОРЕННЫЙ
  - СУПЕЦ
  - ОТХОДНАЯ
  - НАЕМНИКИ
  - ВАСЕК
  - ЛАРИСКА, ОРЕХ И МАНЮНЯ
  - СЛАВИК
  - КАЗАКИ-РАЗБОЙНИКИ

Бобров Глеб Леонидович
Файзабад
роман в рассказах

Светлой памяти Сергея Звонарева и Александра Катаева посвящается...

Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б не жалели.
Мы пред нашим комбатом, как пред господом богом, чисты...

Семен Гудзенко. "Мое поколение", 1945 г.

ЦЕЗАРЬ

Второму мотострелковому батальону крупно повезло: у него было сразу два патриарха, две живые легенды - майор Масловский и капитан Ильин. Первый комбат, второй - начальник штаба батальона.

Хороший тандем, хотя близкими друзьями они никогда не были, что, впрочем, и не удивительно: слишком уж разные, непохожие.

Мирослав Борисла́вович Масловский был хрестоматийным примером "белокурой бестии" и в прямом и в переносном смысле этого слова. Рост под метр девяносто, атлетическое сложение, блондин, красавец и неутомимый покоритель женских сердец, умен, бесстрашен и находчив. Прибыв в полк на должность начальника штаба батальона, он уже через несколько месяцев стал комбатом. Его блестящей афганской карьере, видимо, нет равных: за два с небольшим года три воинских звания - капитан, майор, подполковник; три должности начштаба, командир батальона, зам. командира полка по боевой части; три боевые награды - медаль "За отвагу", ордена Красной Звезды и Боевого Красного Знамени. Плюс ко всему любовь и уважение личного состава. И ни одного ранения, ни одного взыскания. Между собой мы его называли Масол.

Капитана Ильина уважали не меньше, а может быть, даже и больше (офицеры уж точно), но вот любить - не любили. Не та порода. Да в солдатской любви он особо и не нуждался. Внешне Ильин был полной противоположностью своего напарника. Чуть выше среднего роста, жилист, сух и педантичен до неприличия, не идущий ни на какой компромисс в делах которые касались службы.

Афганская война наложила на лица комбата и начальника штаба свои, особые, отпечатки. Комбат имел типичное лицо древнего германца (как я себе их представляю), Ильин же - классического римлянина. В полку его все так и называли - Цезарь.

Лет через пять после увольнения, навестив в Харькове своего сослуживца, я услышал фразу, которая очень точно охарактеризовала эту пару. Уже было немало выпито, много чего обговорено, и неожиданно разговор коснулся старой и избитой темы: а кто все-таки из них "круче"? И тогда мой близкий армейский друг и напарник Валера Доброхвалов выдал:

- Не знаю, не знаю... Но думаю, что если их двоих с разных сторон запустить в кишлак, то все, конечно, смотрели бы на

Масла, но живым вышел бы Цезарь!

Валера, безусловно, прав - не повезло бы комбату.

x x x

В высокогорной провинции Бадахшан, где дислоцировалась наша часть, "советская власть" распространялась только на административный центр - город Файзабад. Вся остальная территория полностью находилась под контролем духов. Правда, не равномерно. Были районы, куда можно было "лазить" довольно спокойно, а были и такие, которые мы называли не иначе как "жопа". Такой "задницей" считался, например, трижды проклятый Карамугуль, откуда мы ни разу не возвращались без трупов, или Бахарак, где тоже погибло немало ребят и где я в первый раз близко встретился с капитаном Ильиным.

Неподалеку от кишлака Бахарак еще со времен борьбы против английских колонизаторов находилась старая афганская крепость. Теперь там расположилась наша "точка" - первый батальон. С этим местом в полку связана очень похожая на правду легенда.

Первый командир полка, Батя, вводивший часть в Афганистан, в свое время якобы учился в военной академии вместе с Ассадуло Басиром, который после апрельского переворота ушел в оппозицию и теперь возглавлял крупное (ориентировочно полторы-две тысячи бойцов) формирование. Оно контролировало территорию от Файзабада до пакистанской границы и едва ли не треть всего Бадахшана. О том, что 860-м особым мотострелковым полком командует именно Батя, Басир, говорят, узнал в январе 1980 года, когда полк еще стоял в советском городе Хорог и только собирался в Афганистан. Старой дружбы Басир не забыл и встретил бывшего однокашника по-братски. Полк прошел девственными дорогами высокогорья до самого Файзабада практически без потерь. А вот другая часть, направлявшаяся сюда чуть раньше, была почти полностью уничтожена, не дойдя и до Кишима.

Когда полк обосновался на новом месте, между старым подполковником и Басиром, как гласила легенда, якобы был установлен негласный нейтралитет, и они два года друг друга не трогали. И более того, за все это время ни разу 860-й не был обстрелян с северных и северо-восточных высот. То же самое было и в Бахараке - вотчине Басира. На "точку", а это сорок километров, с утра до вечера свободно гоняли не только практически не охраняемые мини-колонны, но даже и одиночные машины.

Каждое лето восемьдесят первого и восемьдесят второго годов офицеры первого батальона ежеутрене мотались на полковой развод в обыкновенном "уазике".

Пятнадцатого декабря 1982 года на замену Бате приехал подполковник Рохлин, а семнадцатого вечером, то ли не зная о том, что старый друг еще не уехал, то ли в виде прощального салюта, Ассадуло напомнил всем, что он еще жив, и устроил грандиозный обстрел полка. Но, по всей видимости, знал, и ни одна мина, ни одна очередь крупнокалиберного пулемета не легла в районе штаба или офицерских модулей.

Вот с этой-то ночи и наступила для "точки" Бахарак "сладкая жизнь". Теперь ни одна машина под самым усиленным конвоем и близко не могла туда сунуться. "Точку" обстреливали чуть ли не ежесуточно. Командование, подумав, решило усилить ее одним танковым взводом, а заодно и провести колонну со всем накопившимся многочисленным барахлом, которое после отъезда Бати доставлялось туда только вертолетами. И вот в первых числах марта, когда дороги немного подсохли, мощная бронегруппировка двинулась в Бахарак.

Впереди шли саперы, несколько танков и первый взвод разведроты, за ними - возглавляемая комбатом шестая мотострелковая, потом - пятая вперемешку с "шилками" зенитной батареи, а замыкали колонну четвертая МСР и остатки разведроты. Там же шел и БТР Ильина. Пока рассветало, проскочили до Файзабада и с первыми лучами внезапно вынырнувшего из-за гор солнышка, по холодку ввалились в город. Бодренько прогромыхав по узким лабиринтам улочек и выйдя на прямую, гордо продефилировали по бесконечной центральной "улице дуканов". Несмотря на ранний час, людей было много, и, скажу откровенно, радостных улыбок я что-то не заметил.

Километрах в пяти от города прозвучал первый взрыв. Не сбавляя скорости, двинулись дальше. Метров через сто рвануло еще раз, да так, что даже нам в конце колонны и то стало дурно. Так и есть - фугас. Тут же встали. Раскуроченный противоминный трал полетел с обочины, на передний танк "кинули" новый и поехали дальше, но уже не так быстро - теперь впереди, ножками, шли саперы. Минут через двадцать передали по связи: "Есть одна", это сняли первую мину. Потом еще парочку. А через полчаса и второй трал разлетелся в клочья - фугас не мина, найди, попробуй.

К обеду прошли только треть бахаракской дороги, километров двенадцать. И еще два подрыва. Отделались по легкому: несколько разорванных траков и каток. Через час встали окончательно. Видя, что одними минами такую резвую толпу не

остановишь, духи буквально на глазах у разведчиков взорвали древний каменный мост через Кокчу. С наскока его не восстановить, брода поблизости тоже не оказалось; делать нечего - пришлось разворачиваться.

Теперь наши машины шли следом за остатками разведроты в голове колонны, и БТР Ильина пылил сразу за сто сорок девятой БМП, на последнем "десанте" которой сидел будущий автор этих строк. В течении получаса я спокойно созерцал неподвижную фигуру капитана, его бесстрашное лицо. Но вот началось то, что в принципе и не могло не начаться - обстрел. И какой! Не возрадуешься...

К той весне я прослужил уже полгода, это была не первая моя операция, и как поступать в подобных ситуациях, я был научен хорошо. Быстренько нырнув в десант, так, что над броней осталась торчать одна голова, я напялил каску и, по привычке оглянувшись назад, вдруг пораженно замер... Цезарь! Капитан Ильин, свесив ноги в люк башни бронетранспортера, сидел все так же неподвижно; лицо его было все таким же бесстрастным и спокойным. Можно было подумать, что свинцовые птички над головой не по его душу чирикали. Вдруг грохот, треск, суета; кто длинными неприцельными очередями скалы над головой поливает, кто судорожно забивает отработанные магазины, кто яростно, как последний раз в жизни, матерится по внутренней связи; механики-водители совсем взбесились. А Ильину все нипочем: отдал несколько сухих команд по батальону - и все, военные действия для него закончились. Изредка повернется, проверит строй несущихся сломя голову машин, иногда рукой кому-то что-то покажет и опять выпрямится; лицо - тень не промелькнет; серые глаза - вдаль. Не летящий по бездорожью БТР под ним, а Форум. Император!

На подходе к городу духи сбили вертолет. "Восьмерка", как пьяная, раскачиваясь из стороны в сторону, на "аварийке" шлепнулась где-то в садах. По связи передали: удачно, несколько царапин, шишек, да НШ полка, находившийся на борту (а где начальнику штаба находиться, как не в самой гуще боя? Правда, сверху...), руку то ли сломал, то ли вывихнул. Разведка и четвертая мотострелковая быстренько соскочили с дороги и скрылись в лабиринты окраин. Делать нечего - либо мы заберем экипаж и НШ первыми, либо заберем вторыми, но уже не их, а то, что нам от них оставят.

Когда ведомая Ильиным группа из шестнадцати машин минут за десять добралась до места, вертолет уже догорал, а несколько штабистов и вертолетчики, засев в какой-то развалюхе, скупо отстреливались от одиночных бойцов товарища Басира.

Духи при нашем появлении вежливо уступили дорогу. Но не отошли, а разобрались полукольцом по садам и чердакам и, не жалея патронов, начали охаживать уже всю бронегруппу. Разведчики, забрав погорельцев и рассчитывая пристроиться в хвост основной колонне, напрямую стремглав понеслись по полям, а капитан повел остатки машин через город перекрывать господствующую над мостом высоту.

В центральных кварталах духи наседали уже не так рьяно, но все равно нет-нет да прохаживались по броне длинными очередями в упор. Потом, у самого моста, два раза врезали из РПГ, а это уж и вовсе не шуточки. Первая граната прошла в нескольких метрах над торчащими из "десантов" головами, а вторая угодила как раз между бронетранспортером начальника штаба и сто сорок девятой БМП. Но и это не загнало Ильина в глубь "десанта"! Он остановил бронегруппу, машины развернули пушки, дали несколько залпов (это метров-то с десяти-пятнадцати!), разнесли вдребезги полдувала и дом, откуда сработал РПГ. После этого Ильин спокойно дал команду: "Вперед". Ну правильно - нечего стрелять, только руки с оружием выставляя над забором. Либо давай прицельно - лоб в лоб, либо вообще сиди дома и не высовывайся! Таким воякам Ильин не кланялся... Да и никаким другим тоже.

Вот так, ни с чем бронегруппа вернулась в полк. Погибли замполит танкового батальона (кумулятивная струя гранаты пробила башню и перерезала майора пополам) и один из бахаракских лейтенантов (сквозное пулевое ранение в грудь, через обе половинки бронежилета, навылет). Несколько солдат получили легкие раны. Второй батальон обошелся вообще без потерь, и на разборе операции комполка отметил четкие и слаженные действия его подразделений.

Через две недели после этого выхода я уехал в двухмесячную командировку, и дальнейшие перипетии бахаракской истории прошли без моего участия.

x x x

В штабе армии очень обиделись на нетактичное поведение товарища Басира и, видимо, решив примерно наказать, начали подготовку к крупномасштабному вторжению в его вотчину. В полк прибыло несколько полковников из отдела боевого планирования и начали готовить блестящую акцию по усмирению бывшего "нерадивого" ученика советской академии, а ныне непокорного и зарвавшегося главаря "крупного бандитского

формирования мятежников". Поскольку эти штабные вояки получили свои полковничьи звездочки не за действительные боевые операции, а за своевременную окраску заборов и жухлой травы, натянутые по нитке койки и лихие "прогибы" перед вышестоящим начальством, то в итоге у них получилась самая бездарная и безмозглая операция, пожалуй, за всю историю афганских событий, которая, помимо всего прочего, обошлась батальону в две трети его личного состава.

Слава богу, меня там не было, как не было там и остальной пехоты четвертой мотострелковой, а вот механики-водители и операторы-наводчики поехали. От них-то мы и узнали, как это было.

А началось все до безумия тупо, с самого начала - сплошной идиотизм. Кабульские стратеги не рискнули вновь проводить колонну, а кинули батальон на "точку" вертолетами. Их меньше всего интересовало, что техника первого батальона, уже два года с лишним зарытая по самые башни в капонирах, стояла "на приколе". Видимо, в своих штабах они крепко выучили лишь одну-единственную военную доктрину: "В Советской Армии техника всегда на ходу!" Еще меньше их волновало, что на виду у всей провинции на "точку" высадили чуть ли не двести человек и два дня их там бессмысленно мариновали: "Перед кем прятаться? Подумаешь! Кучка полуграмотных отщепенцев!" А в этой "кучке" ровным счетом в десять (!) раз больше бойцов, чем во всем втором рейдовом батальоне с разведротой в придачу! О том, что "отщепенцами" командует бывший полковник, я уже не говорю. Одним словом, посадили солдат на старую, кое-как приведенную в чувство технику и двинули в глубь территории. Пройти успели целых одиннадцать километров. А на двенадцатом батальон уже ждали...

Сверху раскинулось просторное плато, а под ним, метрах в ста - ста пятидесяти по прямой - небольшая речушка, безымянный приток Кокчи. Через речушку брод - одной машине узко. На плато - несколько снайперов, под водой - мины; но о том еще никому не было известно. Кое-как прибыли, начали переправляться. Первая машина прошла, за ней вторая, а вот третьей не повезло. Попробовали обойти - не повезло еще одной. Разворачиваться - еще подрыв! А тут и снайпера взялись за дело.

Потом взрослые дяди, делая сокрушенные лица, совершенно серьезно говорили: "Да... По всей видимости, работали профессионалы. Может, даже наемники! Еще бы - такая результативность..." Слушать противно. Сам снайпер, знаю - с дистанции сто-двести метров, а тем более сверху вниз, нет проблемы "попасть - не попасть"; есть проблема "куда попасть" - в

голову, живот или коленный сустав (если, конечно, нужен живым или в качестве приманки для тех, кто поедет его потом вытаскивать). В батальоне любой толковый снайпер с дистанции в 200 метров сбивал банку из-под сгущенного молока вообще без оптики!

И вот эти "наемники" на заранее тщательно продуманных и старательно подготовленных позициях сидят сверху, как в дотах. И не спеша, не суетясь, не пригибаясь, как в тире, отстреливают каждого, кто высунется из оставшихся машин. Это уже не война, не бой, не перестрелка, - это охота для престарелых членов Политбюро! Полтора десятка убитых и умерших от ран, более восьмидесяти раненых! А кто скажет, скольких потом отправили домой с инвалидностью? Впрочем, чему удивляться - профессионалы...

А вот наши кабульские "профи" сами с батальонами не пошли, они руководили непосредственно из "Крепости", да еще и комполка в колонну не пустили, - с собой оставили, дабы не скучно им "руководить" было. Ну, понятно: не царское это дело - под пулями ползать. Полководцы по карте воюют!

Мне не известно, какие они команды давали, когда батальоны уже влезли в засаду, но доподлинно известно, что выводили всю группу двое - майор Масловский и капитан Ильин. И еще известно, что оба они связь с "боевиками-штабистами" не поддерживали, а действовали по обстановке. Да это и понятно, - чтобы поддерживать связь, нужно находиться внутри машины, а Масловский и Ильин, как рассказывали очевидцы, во время всей операции в машины не разу не садились. И не столько потому, что они были такие уж герои или что десанты БМП были буквально завалены телами убитых и раненых, а по той простой причине, что оба они действительно выводили батальоны.

По свидетельству механика-водителя сто сорок шестой БМП ефрейтора Баранцова (заработавшего на той операции медаль "За боевые заслуги" и первую группу инвалидности пожизненно), комбат и начальник штаба поделили обязанности следующим образом: первый ликвидировал застрявшие машины, второй выводил людей. И оба за машинами не отсиживались. Масол, взяв с собой несколько бойцов, под огнем взорвал три БМП, одну удалось поджечь; правда, больше ничего сделать не смогли - еще три "брони" пришлось оставить вместе с оружием и полным боекомплектом. А Ильин тем временем в полный рост, не пригибаясь (свидетельство как минимум семи человек, трое из них офицеры), ходил от машины к машине, вместе с солдатами грузил погибших и раненых, помогал перевязывать и выводил, выводил, выводил людей из-под огня.

Если мне кто-то скажет, мол, это моральный долг офицера - быть примером для подчиненных, не прятаться под пулями, выполнять под огнем свои служебные обязанности и т. д., то я предлагаю для начала представить ситуацию, когда каждый, повторяю - каждый, кто высовывал голову из-за брони, получал пулю (все погибшие до единого и почти треть раненых имели черепно-мозговые огнестрельные травмы). На операции "Возмездие" были подсчитаны позиции, с которых духи вели огонь. Их набралось восемь. И еще одиннадцать временных окопов, в которых обнаружили два с половиной десятка отработанных гильз крупнокалиберной винтовки. Итого - от пяти до десяти снайперов. Скорострельность автоматической винтовки в боевом режиме где-то двадцать-тридцать выстрелов в минуту; о дистанции и эффективности стрельбы я уже говорил, дальше сами считайте...

И вот два офицера ведут обескровленный батальон под прикрытием постоянно глохнущих машин, все десанты которых забиты телами убитых и раненых вперемешку и на которых не работает две трети пушек (тогда еще на вооружении стояли устаревшие БМП-1, и духи первыми же выстрелами продырявливали им стволы). Оба, как угорелые, носятся под пулями. Ну, Масловскому хоть бы что - заговоренный! Ни одной царапины. А вот Ильину повезло меньше.

Вначале милостивое предупреждение Судьбы - красная карточка. Пуля попадает в центр груди, бронежилет не берет, но с ног сшибает, как городошной битой. Солдат, кинувшихся на помощь, Ильин останавливает взглядом (О! Это он умел) и поднимается сам. Но буквально через несколько минут очередная пуля пробивает ему мышцу плеча. И опять - никакой помощи, никаких перевязок! Время! С каждой секундой новые потери. А когда уже почти вырвались из западни, - еще одна пуля - в спину. Сквозь бронежилет! (К сведению, при прямом попадании, даже если пластины бронежилета не пробиты, на теле остается кровоподтек размером с десертную тарелочку, а кроме того лопаются кости и отскакивают органы, расположенные по направлению движения пули). Ильин поднялся сам. Никаких остановок; себе - поблажек нет. И в конце, когда вывели всех, последняя - в шею. Мягкие ткани, ничего не задето.

А значит - опять никаких остановок. Опять - время!

И только после того, как батальон полностью вышел из-под огня и Ильин убедился, что ни одного убитого, ни одного раненого на поле боя не забыли, он позволил себе, на ходу, приложить один тампон к шее, а другой засунул под плечо. Естественно - сам! А санинструктора, подлетевшего помочь

командиру, коротко отшил: "К раненым!" Как потом рассказывал связист комендантского взвода второго батальона сержант Брывкин, у капитана по прибытии на "точку" даже портянки оказались пропитаны кровью. Но по возвращении в полк Цезарь не ложится в санчасть, а через неделю после трех ранений выходит на утреннюю зарядку.

Вскоре подвели итоги операции. "Виновным", естественно, оказался подполковник Рохлин. Его сняли с занимаемой должности и с понижением отправили куда-то под Газни. За своего командира пытались вступиться несколько офицеров, в том числе, конечно же, и Масловский с Ильиным. Но эта акция была обречена с самого начала - их даже толком и не выслушали. И это несмотря на то, что за полгода Рохлин сумел добиться небывалого авторитета у боевых офицеров и солдат. Его не просто уважали и любили. Подполковника боготворили в прямом смысле этого слова. По рассказам старослужащих - даже Батя не имел такого почета. И дело было не только в личном обаянии и редкой для армии человечности Рохлина (к слову, он нашел время лично познакомиться и переговорить с каждым новобранцем призывов 1982 и весны 1983 годов), но в первую очередь - в поистине блестящих и, главное, бескровных операциях, которые он провел за шесть месяцев командования полком. Только раз, в начале весны, в районе кишлака Фергамуш, часть понесла потери (разведрота напоролась в кишлаке на засаду и потеряла пять человек убитыми и несколько ранеными). Но тут уж ничего не поделаешь - Судьба. У Рохлина был свой, хорошо проверенный на боевом опыте почерк, свой конек: стремительный комбинированный десант с бронетехники и вертолетов одновременно как снег на голову.

И никаких длительных подготовок и маневров на виду у всего района. "Скрытная концентрация и внезапный удар - жуковский стиль!" - так оценил этот почерк Масловский на одном из разводов батальона. После Рохлина подобные операции уже не проводились. Его сменщик подполковник Сидоров предпочитал иную тактику ведения боевых действий - пускал пехоту в качестве приманки, подсадной утки. Чем заканчивается подобная тактика, все, кто побывал на афганской войне, прекрасно знают.

А подполковник Рохлин, по слухам, буквально через полгода после перевода в Газни вновь отличился, был поставлен на должность комполка и якобы даже получил звание Героя Советского Союза.

Как были наказаны "боевики" штаба армии, я не знаю. Уверен, что никак. Нас же, уцелевших солдат и офицеров части, наказали, и очень даже изощренно - прислали в полк нового

командира, подполковника Сидорова, который, похоже, всех подчиненных считал своими персональными козами и поступал с нами в полном соответствии с собственной фамилией.

Были, правда, и поощрения. Убитых наградили посмертно: офицеров орденами Боевого Красного Знамени, солдат и сержантов - орденами Красной Звезды. Раненых тоже наградили в зависимости от тяжести ранения, но уже медалями. Всех раненых... Кроме офицеров. Ни Масловский, ни Ильин отмечены не были. Спасибо и на том: только обошли и даже не наказали!

Бывшего товарища Басира тоже не наказали, хотя и попытались еще раз. Собрали такую армию, что Ассадуло только ахнул, покрутил пальцем у виска и ... увел своих людей в Пакистан.

Правда, ненадолго, всего на две недели - как раз на время проведения армейской операции "Возмездие". За ним ушли и все жители района Бахарак. Очень веселая была операция и результативная: как же - отбили у супостата (вообще без стрельбы) семь ржавых остовов от БМП.

На этой операции я в первый раз за службу побывал вместе с Ильиным на ночной рекогносцировке. Это была его невинная слабость, и он никогда и никому не разрешал проводить ее без своего участия.

Обычно все начиналось следующим образом. Цезарь улыбался и говорил: "Ну что - пойдем, погуляем?" Потом брал несколько ребят покрепче, и часа на два, а то и на три - вперед. В тот раз была моя первая и, слава богу, последняя ходка в паре с капитаном. Марафон для двужильных! Легче застрелиться перед началом, чем угнаться за Ильиным. Принцип первый - никаких поблажек себе. Принцип второй - непосильного с людей не требовать, только то, что положено. А выполнить все то, что положено, да еще в связке с Цезарем, и есть та самая почти непосильная для солдата задача.

Ильин взлетел на скалы - как по ступенькам взбежал, пока мы выползли следом, языки на плечи повываливались.

- Фамилия?

- Такой-то...

- Отлично! Вот на эту сопочку. Смотришь в прицел, прикидываешь, - и уже к следующему: - Твоя фамилия?

- Такой-то...

- Вот на эту скалу. То же самое. Все понятно? Вперед! А вы за мной!

Только вскарабкался - упал. Какой прицел?! Какой "прикрываешь"?! Язык бы втянуть да воздуха побольше, а он уже сигналит. Что делать? Встал, побежал... И попробуй не побежать!

И быстро! Отстанешь - до конца рекогносцировки не нагонишь! Это только лоси да волки на таких скоростях передвигаются!

И в полку, кстати, было то же самое. Ни разу за полтора года совместной службы я не помню случая, чтобы Ильин не пришел проверить караул. А если батальон не на операции, то из семи пять дней в неделю он в карауле. И каждую ночь капитан не спит, два-три часа ходит, посты проверяет. Но он не был тем человеком, который никому не доверяет и поэтому все делает сам.

Чужой работы Ильин никогда и ни за кого не делал. А лишь проверял, как подчиненные выполняют свои служебные обязанности. Сам он выполнял их безукоризненно. Ни одного упущения, ни одной ошибки, пусть самой незначительной, за всю службу он так и не допустил.

А как Ильин умел постоять за себя и свое решение! И как мог за него ответить!

В середине лета 1983 года был отдан приказ по воинской части: в очередной раз пристрелять и перепроверить все оптические приборы и прицелы. Ротный взял пятерых снайперов, пару гранатометчиков; мы взвалили на себя АГС, три РПГ, все "СВДшки", собрали в вещмешки прицелы от остальных АГСов, патроны, гранаты и не спеша поплелись на полигон. Капитан, естественно, был уже там. Расположились между пятой и минбатом, так же не торопясь занялись делом. Людей немного, работа рутинная - тысячу раз деланная переделанная, настроение летнее, занимаемся... Дежурный по полигону иногда поднимает мишени, иногда нет, в общем, все работают.

Начало спора я пропустил, заинтересовался на фразе: "Да ладно, капитан, так никто не стреляет!"

Поворачиваюсь. Спиной ко мне стоит Пухов, мой командир роты, а рядом главный минометчик батальона добряк капитан, которого даже солдаты иногда в глаза называли Леша, улыбаясь, что-то доказывает Ильину. Подхожу поближе. Цезарь молчит, минометчик шутя горячится:

- Ну ладно, командир! Ну, под километр из СВД без прицела, может, и он, - тыкает в меня пальцем, - попадет! Но из АГСа - извини! Ну... допустим! Кто тебя знает?! Но вот из миномета! Ну уж нет! Из-ви-ни! Я, капитан, десять лет на "самоварах" сижу, "абортов" тысячу, наверное, сделал! Отвечаю! Без прицела никто и никогда не стреляет! Никто! Даже духи!

Ротный чуть ли не в голос смеется, Ильин, как всегда, бесстрастен. Спокойным голосом, без тени сомнения:

- Пари?

Порешили следующим образом: начштаба делает по три

выстрела из винтовки, гранатомета и миномета. Оптики - нет, для СВД цель - ростовая фигура на вершине холма, где-то восемьсот-восемьсот пятьдесят метров, для АГС - кабина от "Урала", это метров девятьсот, и для миномета - остов "уазика" метрах в шестистах. Для победы достаточно было сделать хотя бы одно попадание из каждого вида оружия. Приз - десять банок югославского джема из военторга. Ильин стоял молча и отсутствующим взглядом смотрел на заснеженные перевалы, а все технические вопросы решали между собой наш ротный и Леха Белов. В роли рефери выступил начполигона. Пухов спросил - согласен ли тот на такие условия. Цезарь молча кивнул.

Начал без разминки. Я уже подсуетился, прицел снял. Протягиваю. Спокойно берет винтовку, не спрашивая, пристреляна ли, становится на линию и двумя выстрелами с колена укладывает крайнюю мишень. Солдатня радостно заорала, ротный просиял, а командир минбата выдал нечто шутливое, но не очень радостное. Кабину Ильин накрыл тоже со второго раза и третий раз стрелять из гранатомета, конечно же... не стал, - пошел к минометам.

Направился почему-то не к первому, а сразу ко второму, но и тот ему чем-то не понравился, выбрал третий. Примерно выставил, походил вокруг, посмотрел, еще подкрутил, еще отошел, посмотрел, чуть-чуть подправил и, уже не вставая... положил с колена мину. Пока она по траектории набирала высоту, пока со свистом падала, Ильин встал, отряхнул штанину и повернулся к Леше. По всему его виду было ясно - стрелять он больше не намерен. И правда - мина легла настолько рядом, что многострадальный ситообразный "уазик" крякнул, подскочил, и что-то там от него в очередной раз отвалилось. (А ну-ка - два года мишенью отработать!) Солдатики взвыли от восторга. Но Белов решил напоследок немного поломаться:

- Нет, извини, командир. Это не прямое попадание! Так что давай, еще два выстрела за тобой.

Ильин, конечно, вполне мог послать его подальше и вечером все равно получить свои законные десять банок, но какой Цезарь унизился бы до спора с плебеем?! Он молча развернулся, подошел к миномету, взял из ящика мину и... не притрагиваясь к миномету, небрежно положил ее в ствол. Выпрямился, чуть ли не по-уставному развернулся на месте и, не оборачиваясь, направился в расположение полка. Да и оборачиваться нужды уже не было. Толпа, окружившая спорщиков сплошным кольцом, не то что взвыла, а буквально завизжала от восторга, когда мина рванула точно посередине искореженной машины.

Леха, засмущавшись, побежал следом, то ли извиняться, то

ли обговорить время подношения приза. Тем временем солдаты минометчики, как всегда, все опошлили своими комментариями. Как оказалось, после выстрела тренога (или как там она называется) "самовара" дает незначительную осадку на грунте, и следующая мина ложится всегда дальше предыдущей. Чем больше выстрелов, тем меньше осадка - грунт утрамбовывается. Обычно это несколько метров в начале стрельбы, и чем дольше стрельба, тем меньше разлет. Я тут же помчался за подтверждением. Так и есть! В ящиках первых двух минометов было полно мин, а в третьем всего одна. Такая жалость - как все банально!

Второй случай произошел через несколько месяцев. Проводили очередную колонну. Осень, жара неимоверная. И вот она - долгожданная ночевка на "точке" Второй мост.

До ночевки, впрочем, еще далеко, часа три только, но дальше сегодня уже точно не пойдем. И очень хорошо, "точка" эта, не считая Каракамара, самое благословенное место на всей дороге. Главное ее достоинство не в том, что район относительно спокойный и сама "точка" довольно просторная, а в том, что на ней заботливыми солдатскими руками (для себя же!) сделано маленькое озеро с проточной водой. Дно каменное, базальт, вода как стекло - ни песчинки, прогревается за день градусов до сорока - сауна!

В полусотне шагов, под самым мостом, в Кокчу вливается какой-то приток, именуемый всеми почему-то Пяндж. Туда не то что лезть - смотреть страшно. Кокча дикая, ледяная, мутная, а вот приток ее, не менее дикий и ледяной, чист и прозрачен - дно каменное, и галька по берегу.

Пока "молодняк" огромной толпой запрудил бассейн, мы, "старики", терпеливо стоим в боевом охранении - вечерком спокойно попаримся, и людей поменьше, и времени раз в десять побольше. Рядом стоит Ильин, разговаривает с седоусым капитаном, начальником точки. Ему, конечно, купаться некогда, ему вообще отдыхать некогда. Правда, и он себе послабление позволил - каску снял. Все-таки "точка" Второй мост, дальше сегодня не двинемся. А в горах Ильин каску ни за что бы ни снял. А как же?! Положено в боевых условиях иметь каску на голове? Положено! - какие еще тут могут быть вопросы? Это Масловский, уже будучи подполковником, в конце службы мог позволить себе роскошь выйти на операцию с одним болтавшимся где-то у колена пистолетом Стечкина (это, примерно, как выйти на Куликово поле, вооружившись спортивной рапирой, или на Бородинское сражение с резиновой дубинкой, а может, и еще хуже!)

Цезарь же, не дававший поблажек никому и ни в чем, не давал послаблений и себе. Но сейчас, коль уж прибыли, можно и расслабиться, каску снять, с капитаном парой слов переброситься. Начальнику "точки" эти колонны - как гвоздь в одном месте, стоит, материт все и вся. Принялся за реку, за Пяндж.

- Сколько раз я вашей босоте говорил: есть бассейн, там мойтесь! Так нет же, горячая! И лезут в Пяндж. А потом мне же и идти, задницу за них подставлять!

Судя по всему, он имел в виду вполне конкретный случай, когда несколько месяцев назад течением унесло санинструктора нашего батальона, который вздумал искупаться в этом притоке! Уже далеко за "точкой" духи его из Кокчи выловили. И замордовали. То, что от санинструктора осталось, через месяц нашел этот седоусый капитан вместе со своими гавриками. Он упаковал останки в полиэтиленовый мешок из-под "выстрелов" и на очередной "восьмерке" отправил в полк. И на том спасибо - убитый, не пропавший без вести, да и родителям есть, где поплакать.

Ильин смотрит на реку и неожиданно, как будто сам себе, говорит:

- Нормальная река.

Капитан устал, ему не до шуток, он раздраженно машет рукой:

- Ой! Ладно... Мне только мозги не пудри! - и как бы в подтверждение своих слов, зло сплевывает в воду.

Меня бы он, конечно, такими доводами сразу убедил, и я бы поверил, что река действительно - полное дерьмо. Я бы поверил. Но Цезарь?! Он смотрит еще раз на Кокчу, потом на капитана и уверенно, глаза в глаза, говорит ему:

- Здесь можно плыть.

Это уже почти оскорбление. Ну, как минимум, вызов. Капитан взвивается: "А-а-а! Ну, давай, давай!"

Те, кто хотя б чуть-чуть знают Ильина, замирают. А он спокойно направляется к реке, так же неторопливо раздевается... заходит в быстрину по пояс, ледяной водой аккуратно и тщательно смывает с себя грязь, копоть и пыль "колонны", а умывшись и потянувшись до хруста, резко бросается в середину потока! Абсолютно отчетливо помню, как в тот момент вздрогнул.

Неплохо зная Ильина, я все равно был почти уверен, что сейчас он обмоется, отшутится и вылезет на берег. Но, оказывается, знал я его очень даже плохо. Это Цезарь-то вылезет?! Цезарь от слова откажется?! Как же, ждите!

Вынырнул Ильин через мгновение. Но за это время его снесло

течением метров на пять, а до Кокчи всего-то ничего - и тридцати не будет. И тут Ильин поплыл... Кролем. Против течения. Все, кто стоял рядом, только что рты не пораскрывали. В моем сознании капитан всегда ассоциировался с чем-то жестким, холодным и острым - как клинок кинжала, как кусок стекла в полете. Эта речушка была ему подстать - точно такая же. И вот схлестнулись две стихии - бешеные, непокорные, стремительные. Счет шел не на метры... а на сантиметры. Цезарь плыл с какой-то звериной мощью, яростью и остервенением. Лица видно не было, но тело буквально сотрясалось от напряжения. И не было ясно, кто выигрывает, а кто уступает: река или Цезарь - он стоял на месте! На доли секунды река отбрасывала Ильина на полметра ниже, потом он возвращался, вырывал свое.

Так продолжалось, может, минуту, может больше, но вот Ильин, как-то неуловимо крутнувшись на месте, пронесся метров пять вниз по течению и в два прыжка вылетел на берег. Какой стоял рев! Даже седоусый руками развел:

- Ну, мужик, бля! Ну, мужик! Извини...

Цезарю, понятно, все эти восторги побоку. Молча оделся, зашнуровался, накинул бронежилет, подцепил автомат и каску и потопал к себе на БТР. И даже отдышаться за это время успел незаметно - буркнул что-то ротному, а по голосу и не слышно, что устал. Цезарь! Ему-то тогда и тридцати, пожалуй, не было...

x x x

Последний раз я увидел капитана Ильина в конце мая или в начале июня 1984 года. Полк уже успел перейти на летнее время: ложились в двадцать три ноль-ноль, вставали в четыре утра, а недостающие три часа досыпали днем, как раз во время самого сильного солнцепека. В тот день рота заступила в наряд, мы, несколько "дедушек", завернувшись в мокрые простыни, отчаянно пытались уснуть. Но тщетно. Я выполз из палатки, опрокинул на себя бачок воды и уселся в "курилке".

Возле санчасти приземлился Ми-8. Помню, еще отметил про себя - к чему бы? Раненых в полку тогда не было, трупов тоже. Ну да ладно, мало ли чего. Минут через пять прилетает взводный, лейтенант Звонарев:

- Бобер! Накинь куртку и за мной... Бегом!

Делать нечего, пришлось вылезать из-под масксети на солнце. Через несколько секунд догнал лейтенанта, и почти бегом мы направились в палатку штаба батальона. По дороге спросил:

- Что за спешка?

- У Ильина дембель... Вертолет за ним пришел.

Вот оно что! Где-то с месяц назад, по слухам, получать полк ушел куда-то в Венгрию подполковник Масловский. Теперь пришла очередь и его бывшего напарника. Замена ему прибыла еще неделю назад, но хозяйство батальона, державшееся на Ильине (а кому бы он его доверил в отсутствие комбата?), было не маленьким, и только сегодня, видимо, передача была закончена.

Когда примчались в палатку штаба, капитан собирал последние вещи. Даже в этом проявился его характер: всю службу он прожил в расположении батальона, хотя имел право, как старший офицер, жить в офицерских модулях. Но соседство с майорами и подполковниками тыла и штаба полка его не привлекало, и он с первых дней службы, как все командиры взводов и рот, остался жить в палатке. Впрочем, популярности ему это не прибавило: "Жопу рвет!" - решило большинство офицеров.

Отправка была, судя по всему, неожиданна и для Ильина. Заранее у него оказались собранными только небольшой чемодан да спортивная сумка. Но капитан все равно не суетился, а спокойно собирал личные вещи в линялый, но чистый вещмешок.

Заметив нас, он повернулся, кивнул мне головой на книжную полку и сказал:

- В сумку, - а потом, обращаясь уже к Звонареву, добавил: - Сережа, разбери сухпай.

По имени! Вот это да! Оказывается, близостью дома даже Цезаря можно растопить... до определенных пределов, разумеется.

Целая книжная полка и еще два десятка книг двумя аккуратными стопочками сверху даже для читающих офицеров по афганским меркам - домашняя библиотека. Сейчас, десять лет спустя, я, к моему великому сожалению, не могу вспомнить, какие книги были на полке у Ильина. Помню только, что сверху, в стопочках, лежали те, что мы называли "Для служебного пользования" - уставы, тактико-технические характеристики стрелкового оружия стран НАТО, партийные материалы и прочее. Но это сверху, в стопочках, а на полках была иная литература - "штатская". Одну из этих книг я все же увидел и запомнил. Может быть потому, что она лежала чуть в стороне, отдельно от других.

Я взял ее последней. Среднего формата, темно-зеленая, скорее всего из серии "Литературные памятники" (а может, и из какой-либо иной, теперь уж не вспомнить), и на обложке имя автора: Гай Юлий Цезарь! То ли письма, то ли записки о какой-то давно минувшей войне. Так вот оно что! Повернувшись спиной к

офицерам, я быстро открыл томик.

Этого я никак не ожидал увидеть... Весь текст, сверху донизу, был испещрен пометками, подчеркиваниями, карандашными бисерными надписями на полях и между строк. Ни одной чистой страницы! Пролистал до конца - то же самое. Даже комментарии, на треть книги, и те проработаны с карандашом в руках. И обложки внутри были усеяны номерами страниц, значками и пометками; и листочки, собранные из разных тетрадок, которые я обнаружил внутри книги, тоже были густо и убористо исписаны от руки.

Вот она - настольная книга Цезаря!

Интуитивно я почувствовал, что положить сейчас эту книгу вместе со всеми остальными будет почти что святотатством. Повернувшись к Ильину, я тихо сказал:

- Товарищ капитан, ваша книга...

Он оценил. Внимательно посмотрел мне в глаза, аккуратно взял томик. Поправил листочки и положил в планшет.

Наконец-то собрались. Ильин окинул взглядом палатку и направился к выходу. Тут вмешался Звонарев:

- А на дорожку посидеть, товарищ капитан?!

Улыбнувшись внутренне, я наклонился за сумкой и чуть ли не замер, как в немой сцене. Боже! Что дембель делает с человеком?! Несгибаемый Цезарь подчинился! Развернулся на месте и молча сел на краешек заправленной койки. Сели и мы. Посидели. Помолчали.

Я подцепил сумку с книгами и оказавшийся удивительно легким чемоданчик; взводный набросил на плечо вещмешок. Двинулись к санчасти. Пошли напрямик. Через расположение пятой роты. Под грибком - дневальный. Незнакомый, порядком опустившийся молодой солдатик. Видимо, только-только прибывший в полк. Молодой, а ситуацию оценил сразу. Глянул искоса, лениво зевнул, но так, чтобы мы заметили, и, отвернувшись, облокотился на столб. Ну понятно, это мы их, "молодых", никого не знаем, а они то, наоборот, - всех знают! Кто ему Ильин? Уже никто! И Звонарев всего лишь лейтенантик чужой роты. Это я понял сразу. Оценил, естественно. С-сучка! Посчитал ты быстро, гаденыш, но не учел, что есть еще и другая власть!

Оторвавшись на несколько метров, я притормозил возле грибка, поставил вещи на землю и дал секунду на то, чтобы дневальный успел как следует оценить и мои стоптанные, надетые на задники кеды, и мою непокрытую голову. И мой кожаный ремень, свисавший немного ниже последней пуговицы. Когда же дневальный оценил, я, сопровождая слова

многообещающим взглядом, прошипел в побелевшее, вытянувшееся его лицо:

- Как стоишь... Душ-шара!

Подействовало моментально. Дневальный резво подобрался по стойке "смирно", подтянул автомат и высоким, осипшим голосом, что было сил, отчаянно заорал:

- Дежурный по роте, на выход!

Проходивший мимо него Ильин автоматически кинул на ходу: "Отставить" и как эхо, уже за спиной командиров, я тихим, но таким же выразительным шепотом остановил дневального:

- Молча-ать...

Он подчинился, отбой не продублировал, и через пару минут на переднюю линейку выполз заспанный дежурный по роте - сержант моего призыва Петенька Лиходеев. Тут уж ничего не скажешь - не повезло молодому! Сержант сладко зевнул, потянулся, посмотрел в спину удалявшимся офицерам и лениво протянул:

- М-м-м... Дембель у Цезаря?

- Угу. Объяснишь своему ублюдку, как стоять надо! - мрачно посоветовал я.

А Петенька широко улыбнулся, скосил глаз на невольно сжавшегося духа и, кивнув головой на чемодан, спросил: - Помочь?

Я отмахнулся и подался вслед за офицерами. Бывшего начальника штаба второго батальона уже ждали; при нашем приближении двигатель стал набирать обороты, и на многословные, слезливые прощания времени не оставалось. Да никто и не рассчитывал на долгое прощание. Я залез в вертолет, поставил вещи и выскочил наружу. Капитан Ильин пожал руку Звонареву, потом мне, быстро поднялся на борт, встал в полный рост в проеме люка и вдруг, устремив взгляд в сторону штаба полка отдал честь! Мы только что не вздрогнули. Вначале замерли, потом как-то тоже подобрались, подтянулись. И я краем глаза успел заметить, как у взводного еле заметно то ли дернулась, то ли просто сжалась рука. Но честь он Ильину не отдал! Да и не мудрено - голый пустырь, одинокая "восьмерка", двое одетых не по форме военных перед ней, и какая-то странная выходка капитана...

Возвращались мы молча. По лицу взводного было видно, что сейчас его лучше не трогать. Под грибком пятой роты стоял новый дневальный, а из палатки доносились ленивые команды: "Ра-а-аз... Два-а-а..." Я злорадно отметил: коль у нашего "дедушки" столь приторно-усталый, заунывный голос, то, значит, все - всерьез и надолго. Ну вот - даже его проняло! Заходить не стал.

x x x

Где-то через полгода, зимой, в колонне я выбрал время и откровенно спросил у Звонарева:

- Слышь, командир... А ведь хотели тогда честь отдать? - и сразу понял, что наступил на больную мозоль. Взводный сначала попытался сделать вид, что не понял:

- Когда это - тогда?

- Цезарю - честь отдать!

- Ты в дозоре? - жестко, но не глядя на меня, спросил Звонарев.

- Да!

- Ну так вот и занимайся своим делом!

Случались минуты, когда Сереге лучше было не перечить. Сейчас именно и была такая минута. Я развернулся и молча полез на броню.

Взводный прошелся из конца в конец колонны, взял из люка плащ-палатку, бегло проверил посты и полез под БМП спать. Через полчаса встал - опять проверил посты. Но больше спать не пошел, залез ко мне на башню и, угостив "цивильной", минут пять просидел молча. А потом, без предисловия, вдруг сказал:

- До сих пор себе простить не могу! - И опять замолчал. А через несколько минут далеко отшвырнул окурок и на прощание обронил фразу, под которой подписался бы и я:

- За таким мужиком - подсумки бы носил!

МОРПЕХ

В начале лета 1984 года на смену Масловскому в батальон прибыл угрюмый звероподобный капитан. На утреннем разводе полкач, представляя его личному составу, произнес:

- Товарищи солдаты, сержанты, прапорщики и офицеры! Представляю вам нового командира батальона, капитана Мищенко (фамилия изменена). Выражаю надежду, что он продолжит славные традиции батальона и будет достойной сменой подполковнику Масловскому.

Многоопытный личный состав на это лишь безрадостно вздохнул, кто-то вполголоса язвительно буркнул: "Как же", - и по рядам впервые прошелестело новое имя - Морпех. С той минуты его иначе в батальоне никто и не называл.

Если Масловский внешне был похож на древнего германца, то наш новый командир по всем статьям смахивал на фашиста из дешевых комедий "совкового" кинематографа. Причем на фашиста самого наихудшего пошиба - начальника гестапо или концлагеря, ну, в лучшем случае - командира зондеркоманды, шаставшей по белорусскому Полесью. К несчастью, вскоре выяснилось, что он и внутренне почти полностью соответствует своему внешнему облику. А облик у него действительно был устрашающий.

Рыжая детина под два метра, а то и выше; центнер с лишком проарматуренного широкой костью, тренированного тела; пудовые кулаки размером с пудовую же гирю. Сама махина обута в яловые вибрамы сорок шестого размера, а с ее вершины на вас взирает нечто, отдаленно напоминающее лицо.

Представьте себе еще одну пудовую гирю, на ней ежик из коротких, торчащих в разные стороны светло-рыжих волос. Лба почти нет. Он такой узкий и низкий, что его почти не видно. Нависающие мощные надбровные дуги практически скрывают глубоко посаженые глазки, маленькие и такие светлые, что сливаются с никогда, казалось, не загоравшим конопатым лицом. Нос тоже махонький, но его видно; не нос - ястребиный клюв, и ноздри всегда расширенные, зверские. Густые усы вслед за носом топорщатся вперед, да еще в разные стороны. А все остальное пространство лица занимает челюсть. С которой, случись вступить в единоборство, не справился бы даже герой древних - Самсон.

Впервые, еще тогда на разводе, посмотрев на нового комбата, мы сделали однозначный вывод - не попадаться! И не ошиблись...

На второй день пребывания в должности Морпех решил

проверить, как его подчиненные проводят утреннюю зарядку. И, хорошо зная армейские нравы, сразу после подъема двинулся не на спортгородок, а прямиком в палатки. Естественно - не прогадал. Как он инспектировал другие роты, я не знаю, а вот в нашей, четвертой мотострелковой, не повезло моему другу, замкомвзвода Саше Хрипко. Будучи в тот день дежурным по роте, он не счел нужным вовремя выскочить из противоположной двери, за что и поплатился.

Когда Морпех, с трудом протиснувшись в непомерно узкую для него щель прохода, прямо лицо Шурику рявкнул: "Почему не на зарядке?!", тот сразу обомлел, растерялся и вместо четкого доклада: "Товарищ капитан! За время вашего отсутствия...", - и далее по тексту, промямлил нечто невразумительное. Морпех, по-видимому, тут же определил: "Виновен!" и бережно, чтоб, упаси господи, чего не сломать, взял Шурика левой рукой (или лапой) за шею, легонько наклонил и так же легонько опустил ему правую на поясницу. Видевшие эту картину двое дневальных и парочка уборщиков-духов утверждали, что Морпех действительно ударил совсем не сильно, только руку опустил! Но этого оказалось достаточно, чтобы вместе с его кулаком у Шурика опустилась и почка, и потом он целую неделю "на облегченке" стоял в нарядах.

Через несколько дней в штабе полка на стенде "Наша спортивная гордость" появилась физиономия нового комбата, а под ней скромная надпись: "Мастер спорта СССР по боксу, чемпион Туркестанского военного округа в супертяжелой весовой категории командир второго МСБ капитан Мищенко". Эта новость, честно говоря, никак на нас не подействовала - нам и так уже все было ясно. Вывод даже у нас, "стариков", был один: "Все, мужики. Вешайтесь!"

x x x

Вешаться не пришлось. Морпех сходил на большую операцию в урочище Аргу. Потом под его командованием мы всем батальоном прошвырнулись в славный район "Зуба", потом провели парочку колонн, и как-то сразу все изменилось. Солдаты вдруг увидели, что новый комбат очень даже толковый мужик и ведет себя правильно: солдат в усмерть не гонит, не подставляет и, главное, сам повоевать не прочь, в машинах да на перевалах не отсиживается. К тому же на операциях его суровый норов переключился на товарищей моджахедов да на отцов-командиров - штабных полководцев. Это нам пришлось по душе, поскольку мы сами их шибко не жаловали.

Впервые во всей красе Морпех показал себя в конце Аргунского рейда. Мы взяли несколько пленных. Были они духами или не были, никто того не знает, но когда батальон возвращался в полк, двое бабаев, сидевших на броне машины комбата, перед самым КПП дружно сиганули с моста в реку. Сам по себе этот поступок уже практически чистое самоубийство, но Морпех, судя по всему, судьбе не слишком доверял. Процедив сквозь зубы: "Не стрелять!", он встал на крыше БТРа, скинул с плеча АКС и всадил по полмагазина в каждую из несущихся по течению голов. Так бабаев и понесло дальше - спинами вверх.

Полкачу такое поведение почему-то не понравилось, и он по связи обложил комбата открытым текстом. Дальше произошло нечто небывалое: капитан Мищенко теми же самыми словами популярно объяснил подполковнику Сидорову, что, мол, нечего горло драть и давать тупые указания, кому и как поступать в столь нестандартных ситуациях. А кроме того добавил: "...а если еще раз позволишь себе меня обгавкать, то в полку я тебе харю сверну!" (Естественно, тирада была покруче, но всего словами не напишешь.)

После такой отповеди рейтинг Морпеха в глазах личного состава подпрыгнул сразу на несколько пунктов вверх. Но, по-видимому, не только в наших глазах. Командир полка сразу же после операции начал упорную полугодовую борьбу по выживанию Морпеха из части.

Первый подходящий случай подвернулся довольно быстро. Уже на второй день по возвращении в полк приковылял какой-то побитый дедок и пожаловался, что у него шурави забрали девять тысяч афгани.

- А из какого вы кишлака? - первым делом поинтересовались штабисты хором. - Ах! Из такого-то! Ой, как хорошо! - и, на всякий случай еще раз сверившись по совсем тепленьким оперативным картам, резво помчались на доклад к полкачу. Как же - случай мародерства во втором мотострелковом!

Построили личный состав, поименно пересчитали, сняли все наряды, нашли недостающих и пустили мужичка-дехканина по рядам - ищи! Кто тебя обокрал?! Дедулька тыкает пальцем - этот и этот... Двух солдат вместе с "замком" и взводным на гауптвахту, а их ротного на пару с комбатом - на ковер. Шустрому мужичку вернули деньги (у солдат их так и не нашли; пришлось заплатить полковые) да еще сверх добавили на радостях, и он, счастливый от свершившегося правосудия, удалился в свой кишлачок. Наивный!

Начальником особого отдела у нас был пожилой матерый и, определенно, порядочный мужик: за два года ни одного солдата и

ни одного офицера он так и не посадил; все больше духами занимался, со своими недосуг было возиться. И на этот раз - походил, страху нагнал на солдатиков и отпустил с миром. Недели не просидели.

Морпеху вся эта история была как нож в спину, в течение полутора недель от одного его вида все дружно шарахались в разные стороны. А тут наконец-то долгожданный выход примерно в направлении злополучного кишлачка. Ну, как такую возможность упустить? Он берет с собой один из взводов четвертой роты, делает ночью приличный крюк и утречком наведывается к старому приятелю - на чаек. Мужичок тоже оказался не дурак, да вот беда - годы на те. Приметив небольшой отряд, направлявшийся к его усадьбе, он бегом кидается в противоположном направлении, но недостаточно быстро - снайпера дружно перебивают ему обе ноги. Пока старичок, пытаясь подняться, барахтался в пыли, подоспел Морпех и без лишних слов - полмагазина в голову. До полкача, конечно, "информация" дошла, но, по слухам, особист как отрезал: "Сами разбирайтесь!"

Дальше - больше. Отмечали офицеры какое-то событие, крепко выпили, начали "общаться". Пообщались и Сидоров с Морпехом. Суть конфликта осталась в полку неизвестна, но зато результаты - на лице у полкача. Подполковнику просто очень повезло... Всего лишь вспухшая губа да синяк во весь глаз. А могло быть и поинтересней. Мой землячок, батальонный связист Гена Брывкин, рассказывал, как Морпех на нескольких операциях делал пленным духам "обезьянку". Выполнялось это упражнение следующим образом: он брал бабая левой рукой за шею, немного продергивал на себя, а основанием правой ладони, снизу вверх, "тюкал" в переносицу. Гена утверждал, что бил Морпех совсем несильно. Вполне допускаю, может быть, и так... Но только ни один бабай после этого не выжил.

Опять Сидорову пришлось утереться, не пришьешь же к делу пьяную драку с командиром полка! Обидно-то как. Ходил подполковник вокруг да около и выходил все-таки - "аморалку". Повод предоставил сам Морпех, правда, уже на другом сабантуе. Нашел он там себе подругу, как тогда говорили - выбил походную жену. И самое интересное, что он ее действительно - выбил.

Увидел капитан дебелую девку лет тридцати, с почти такими же, как у него огненно-рыжими стриженными волосами. И то ли внушительные ее габариты, то ли одинаковый окрас сыграл свою роль, но Морпех так сильно возжелал стриженую, что не стал ждать, пока она отделится от перекуривающей толпы подвыпивших сослуживцев, а пошел сразу - напролом. Ну, там

проламывать особо и не нужно было - сослуживцы дорогу уступили без особого сопротивления. Подошел Морпех к девке и запросто, по-свойски, сказал: "Пошли!" Все засмеялись, девка ему что-то ответила, но, видимо, не в той форме, как следовало бы, комбат же парень линейный, возьми да и влепи ей такую оплеуху, что она, как подрубленная, с глухим мертвым звуком рухнула под ноги онемевшей толпе.

Присутствовать при убийстве никто не пожелал. Толпа тут же стремительно рассосалась. Морпех терпеливо ждал. Через несколько минут девка с трудом поднялась. Но поскольку рядом уже никого, кроме Морпеха, не было, то ей пришлось рыдать на его могучей груди (можно подумать, что если бы там кто-то был, то он бы посмел встать между ними!) Морпех, как умел, утешил ее, и они, обнявшись и пошатываясь, пошли в ее комнату. Прямо-таки старая, дружная семейная пара!

А потом началась любовь. Не знаю, чем Морпех заворожил стриженую, может, необычным видом ухаживания, а может, "кротостью" характера, но она положительно сошла с ума. И стала делать то, на что другие женщины в полку ни за что бы не решились. Она приходила за Морпехом в расположение батальона и уводила его средь бела дня. Под руку! Да что там под руку! Они могли целый день разгуливать по территории части, словно влюбленные дети, держась за руки! Служба была заброшена полностью. Единственное, для чего Морпех еще делал исключение, так это боевые выходы.

Полкач, естественно, своей возможности не упустил и начал давить. Как он "воздействовал" на девушку, не знаю, а вот на комбата навалился круто. Морпех, правда, поначалу посылал его куда подальше и не сдавался. Сидоров взбеленился, отдал приказ по караулу: "С шести ноль-ноль и до двадцати двух ноль-ноль капитана Мищенко в модуль # 2 не пропускать!" Тот посмеялся над этим приказом и продолжал ходить. Тогда комполка стал ежедневно сажать на гауптвахту по несколько дневальных (Морпех ведь каждые три-четыре часа ходил в модуль, ночи ему явно было мало) и начальника караула в придачу. Офицеры взъелись и стали три шкуры драть с дневальных по модулю. После такой накачки один из молодых солдат артдивизиона передернул перед комбатом затвор автомата. Морпех подошел вплотную, упер руки в бока, а ствол в живот и небрежно бросил: "Ну, давай..." У солдатика хватило ума не оправдываться. Он потупился, притянул автомат и виновато прошептал: "Простите меня, товарищ капитан..." Обошлось...

После этого случая Мищенко стал пробираться в модуль через окно. На это надо было посмотреть! Маленькое, словно

средневековая бойница, окно, тонюсенькие фанерные стеночки, все трещит, стонет, ходуном ходит, и туша комбата, зависшая в проеме!

Так продолжалось до середины сентября, а потом Сидорову все же удалось задействовать какие-то рычаги и отправить капитана дослуживать афганский срок в Кандагар; правда, без понижения в должности - комбатом. А на его место оттуда прислали бравого майора средних лет. Где-то через месяц, уже по своим каналам, вслед за возлюбленным умчалась и его боевая подруга.

x x x

Новый командир полностью оправдывал другую народную поговорку: "Ни рыба ни мясо". Так его и прозвали - Мямля. Первую неделю майор как неприкаянный ходил по батальону - "доставал" всех уставом, отданием чести и формой одежды. И уж во всем блеске, во всем боевом великолепии он проявил себя на первой же операции: рассыпал цепью две роты и послал в атаку на кишлак. Офицеры чуть ли не в глаза обложили его трехэтажным матом и дали отбой.

К тому времени я уже был дембель. На операции нас, призыв сентября 1982 года, таскали до середины января восемьдесят пятого, но даже за эти несколько месяцев я так и не запомнил фамилии нового комбата - все Мямля да Мямля. А вот одну операцию под его доблестным руководством помню хорошо.

В конце ноября 1984 года нас посадили в вертолеты и "кинули" в Бахарак, на "точку". Просидели мы там двое суток. На третьи, утром, опять посадили в "восьмерки" и весь батальон вернули в полк. Мы ничего не поняли, ну и ладно - начальству видней. Через неделю - то же самое. Привезли, выгрузили, сутки просидели. Говорят: "Завтра в ночь выходим". Радости, понятно, никакой - третий месяц как должны уже быть дома, а тут на тебе высокогорье, морозы стоят лютые, да и местечко - еще то! Деваться некуда вечером, часов в восемь, вышли.

Проскочили по долине километров десять, добрались еще до одной старинной крепости - там тоже "точка", но уже не наша, а ХАДа. Два часа, пока офицеры о чем-то совещались, мы слонялись по ней взад-вперед, потом команда: "Выставить посты. Отбой!" Ну и ну. Легли. Утром построили офицеров, отдельно проинструктировали. Пришла очередь инструктировать и рядовой состав. Подходит наш новый ротный, гвардии капитан Степанов, и, густо покраснев, объясняет ситуацию:

- Мужики! Посмотрите на этот перевал! - посмотрели еще вчера ночью "полная жопа". - Так вот, мужики, наш батальон вчера должен был туда подняться и прошмонать парочку тамошних горных селений. Но бабаи говорят, что у вершины перевала стоит сильный и хорошо укрепленный пост душманов... и поэтому наш командир, - отводя глаза, называет фамилию комбата и, вполне заметно, как бы сжимается сам, - пожалев вас (!), принял решение: туда не идти!

Мы чуть с хохоту не повалились! Вот так решение! Но это, как оказалось, было еще не все. Ротный, поперхнувшись, продолжил:

- По приходе на "точку" и в полк, смотрите - не подведите своего комбата... да и всех нас. Говорите: мол, ходили, и все было как обычно ничего особенного (ну правильно - никого не завалили, вот и "ничего особенного"!).

Капитан вряд ли догадывался, как нам в ту минуту было жалко его. Боевому офицеру произнести такую ахинею перед строем своих солдат - да легче пулю в лоб пустить самому себе. Повезло Мямле - не было Ильина рядом... Не дожить бы ему до утра!

Вот когда батальон помянул добрым словом капитана Мищенко. Такого позора мы еще не знали! Так дешево облажаться при духах второму МСБ до этого ни разу не приходилось...

x x x

Сейчас, заново прокручивая в памяти события тех лет, вспоминая людей, с которыми провел эти годы, людей, под чьей командой служил, я прихожу к выводу, что все же самой яркой фигурой среди наследников "патриархов" был не Морпех и уж тем более не Мямля, а сменщик капитана Ильина - новый начальник штаба второго мотострелкового батальона. Самая яркая личность - ослепительно серый цвет! Так ослепил, что до сих пор никак прозреть не могу...

С этим человеком я прослужил восемь-девять месяцев; шесть-семь месяцев вместе ходили на операции и... Я его не помню! Вообще! Совсем ничего... Не то чтоб не помнил имени или фамилии, нет! Не помню даже внешности; более того - звания его не знаю! Как и не было такого человека у нас... Полная амнезия! Жалко мне? Нет!

И последнее. Уже заканчивая этот рассказ, припомнил одну деталь из истории капитана Мищенко.

Морпех с первой и до последней своей операции носил в

заднем кармане жилета гранату Ф-1, к которой изоляционной лентой были прикручены две двухсотграммовые тротиловые шашки... Для себя.

ПИСЬМО

Вспоминая Парамонова, многие повторяли, на мой взгляд, совершенно бессмысленную фразу: "Не напиши он того письма - был бы человеком!" А я утверждаю обратное - и без письма он стал бы самым прославленным полковым чмырем.

Олег Парамонов по прозвищу Параша прибыл в часть вместе с ребятами нашего призыва - семнадцатого декабря 1982 года (фамилия изменена). Это был крупный, рослый - за метр восемьдесят пять, упитанный блондин с узкими плечами и толстым задом. Несмотря на сверкавшие из-под белесых ресниц удивительные ярко-голубые глаза, красавцем его назвать было нельзя: большой с горбинкой нос, толстые, вывернутые и всегда влажные губы, выдвинутый вперед косо срезанный узкий подбородок.

Курс молодого бойца я проходил в Термезском карантине, и мне неизвестна история службы Парамонова до того, как он попал в наш полк. Но, по словам ребят, которые вместе с ним были в "учебке" в Иолотани, к нему несколько раз приезжали родители, и вскоре после этого к Олегу крепко прилепилось определение: "маменькин сынок". Это, впрочем, было понятно и так, без рассказов, по одной лишь лоснящейся физиономии.

В роте весь наш призыв попал под жесткий "присмотр" дедов и еще не убывших дембелей. Некоторые ребята поддались сразу, а некоторые все же держались. Парамонов тоже держался, и с достоинством. Помню, когда его спрашивали, откуда он родом, Олег спокойно отвечал: "Из Питера". Так, впрочем, отвечали многие ленинградцы, но дело в том, что не многим дедам такой ответ приходился по душе.

Но вот пролетели первые три недели, мы понемногу обжились, отлично встретили свой первый в Афганистане Новый год, и вдруг с Парамоновым стряслась беда. Он написал письмо...

Четвертого января рота в составе батальона вылетела на вертолетах в район Кишима для проведения реализации разведданных; по-русски - для налета на подозрительный горный кишлачок. Парамонов и еще четверо вновь прибывших в операции не участвовали, они вместе с несколькими старослужащими были оставлены для несения нарядов. Вернулись мы на следующий день, а еще через сутки - восьмого января, Олег вновь заступил в наряд по роте.

Когда он начал писать злополучное письмо, я не знаю, зато всем известно, когда закончил, - в девять двадцать девятого января 1983 года под грибком передней линейки. Рота еще стояла

нм утреннем разводе, когда один из дедушек, оставшихся в палатке, старший сержант и зам старшины Андрей Дарьин заметил, что "молодой" на посту что-то пишет. Андрей тихонько подозвал дежурного по роте, тоже старика, они пошептались и, интуитивно предвкушая веселенькое представление, начали операцию.

К Парамонову примчался озабоченный дежурный и, не давая опомниться, истошно заорал:

- Давай, душара, бегом в оружейку! Сменишь Муху, а того, бля, - сюда... Трассером (т.е. очень быстро - как трассирующая пуля)!

Единственное, что успел сделать перепуганный дневальный перед "налетом" сержанта, так это сунуть письмо под крышу грибка. В следующую минуту он действительно трассером уже бежал к оружейной комнате менять рядового Муху.

Через полчаса к палаткам подошла рота. Офицеров не было - остались на разводе. На передней линейке в небрежно накинутом на плечи бушлате появился старший сержант Дарьин. Дождавшись, когда строй остановился, он многозначительно покрутил над головой исписанным тетрадным листочком и весело сказал:

- Вы че, суки, смерти моей хотите? А-а?!

Мы, молодые, ничего не поняли, а дедушки, напротив, все прекрасно учуяли и наперебой завопили:

- Не тяни! Читай!

И Андрей, борясь с поднимавшимся в нем бешенством, и в то же время давясь от смеха, в первый раз публично прочел самое знаменитое произведение эпистолярного жанра, когда-либо создававшееся в 860-м отдельном мотострелковом полку.

Это письмо потом еще много и много раз читали перед строем. По этой причине в моей памяти оно сохранилось практически дословно. Вот оно:

> "Здравствуй, дорогая Люсьен.
>
> Прости за долгое молчание, не было времени написать. Ты не представляешь себе, как я за тобой соскучился. Но ты ведь понимаешь - война! Чтобы ты не волновалась за меня, сразу скажу: мне несказанно повезло: я успел отличиться в первых же боях. И теперь я не простой рядовой, а персональный снайпер своего командира роты. Воюем мы с ним так: он сидит в бронетранспортере у одной бойницы, а я у другой. Когда он видит душмана, то командует мне: "Олежек, сними!" - и я его вычисляю. Ты не представляешь себе, как это

здорово - быть лучшим! Вокруг горящие кишлаки, грохот снарядов, разбитые машины, и мы прорываемся через этот ад, оставляя за спинами тела уничтоженных врагов! А еще..."

Парамонову страшно, чудовищно не повезло, что он остановился на этом многообещающем "А еще..." Напиши он дальше - хуже все равно бы не стало. Того, что написал, вполне достаточно было на три смертные казни подряд. Но он, оставив простор для чужой фантазии, остановился на этом роковом "А еще..."

x x x

Чтение было закончено, Дарьин властным жестом остановил ревущую толпу и спросил:

- Что будем делать?

Сделать, к счастью, ничего не успели - подошли офицеры. Ротный прочел письмо, пожелтел и подозрительно мягко сказал зам старшине:

- С наряда - снять. Отвести на гауптвахту. От меня - трое суток. Пальцем тронете - изувечу! Бегом!

Безусловно, старший лейтенант Пухов как минимум на три дня Парамонова от расправы спас, но извечный русский вопрос, тем не менее, остался. Правда, вопрос этот был уже не столько к ротному, сколько к его замполиту. Пусть разбирается - на то он и заместитель командира по политико-воспитательной работе. Для него это был шанс. Козырь. Туз козырный! На таком письме можно было чуть ли не карьеру сделать. Любой "нормальный" советский человек такого шанса бы не упустил. Кроме нашего замполита...

У нас в роте замполитом был старший лейтенант Александр Рабинович. Не знаю, может быть, единственный замполит Рабинович во всей Советской Армии. Но это был один из лучших и бесстрашнейших офицеров, с какими мне пришлось когда-либо служить. Правда, у него был тяжелый, можно сказать, даже непростительный для армии порок: Рабинович был добр к людям вообще, а к солдатам добр пристрастно - он их откровенно и не стесняясь жалел. Естественно, что Рабиновича все обожали. К нему даже не пристала почти обязательная в армии кличка. Рядовые между собой, а офицеры в глаза и даже перед строем называли его по имени - Сашей.

И вот Саша с присущим ему мужеством решает спасти

рядового Парамонова. Первым делом он, попирая все существующие уставы, при всех делает замечание старшему сержанту Дарьину:

- Андрей Данилович! Читать чужие письма - хамство.

Бедолага Андрей Данилович чуть в обморок не падает... Дальше - больше. Рабинович идет на губу и предупреждает несущих в тот день караул разведчиков:

- Попробуете отлупить - сниму побои и посажу! Даже за один удар...

И действительно - не били. В течение десяти дней Рабинович ходил на гауптвахту и предупреждал каждого начальника караула.

Если бы Витя Пухов и Саша Рабинович были единственными офицерами в полку, то, может, они бы и сумели спустить эту историю на тормозах. Но воспитателей было много. Слишком много. И помимо всех прочих - двое главных воспитателей части: начальник политического отдела (сокращенно начпо) и начальник особого отдела (соответственно - насос). И вот они-то никак свой шанс упускать не собирались.

И началось... Первым делом Парамонову добавили еще семь суток округлили. Потом письмо зачитали на разводе для всего личного состава воинской части. Видимо, Рабинович не успел сказать тогдашнему начальнику особого отдела капитану Халяве про хамство и чужие письма, а может - просто постеснялся.

Далее, в течение полугода письмо зачитывали при каждом удобном и не очень случае, сопровождая его обильными и многочасовыми глумливыми комментариями.

Особенно упирали на несколько моментов. Во-первых, на то, что не все написанное есть ложь, а есть и два слова правды: то, что девушку действительно зовут Людмила (после этого они приторно улыбались, и следовал длинный экскурс в историю низкопоклонства перед Западом, и солдатам подробно, на многих примерах, объяснялось: почему не Люда, не Люся и не Мила); и еще правдой было то, что Олег действительно был по воинской специальности снайпером (потом делалась сопряженная с многозначительной улыбкой длинная пауза, и победно сообщалось, что он не только винтовку не успел получить, но и на должность снайпера его никто не ставил и, как минимум, полгода ставить не собирался).

Во-вторых, на легендарное несказанно, где, на свою голову, "юный литератор" не забыл поставить ударение. Ну и, конечно же, в-третьих, на не менее знаменитое "А еще..." Тут был целый пласт, который долго и методично разрабатывали наши воспитатели.

Кроме того, последний пункт был особенно удобным

плацдармом для перехода в генеральное наступление на остальных "писателей" - пойманных, не пойманных и гипотетических, в конце которого самым подробным образом излагалось, как именно надо писать домой и что именно. Потом возвращались на брошенные при наступлении позиции и еще раз, удивительно нудно, по пунктам, как слабоумным, объясняли: почему так писать не надо. В ход шли все аргументы, начиная от вполне справедливого и благоразумного пожалеть своих родителей, и заканчивая не очень благовидным утверждением, что те, кто действительно кое-что видел на этой войне (Боже упаси! Слово "война" даже не произносилось, а говорили "исполнение своего воинского долга". Слово "интернациональный" тоже было не в ходу), т.е. кто действительно участвовал в боевых операциях, молчат; а вот языками молотят направо налево исключительно "тыловые крысы" (т. е. все те, кто непосредственно в боевых действиях не участвует, а это около трех четвертей личного состава части). И продолжали дальше: "Так что, если вы действительно бойцы, то помалкивайте!" (Что интересно: так оно и было на самом деле. И особенно это различие проявилось уже после демобилизации. Но не вполне ясно, что первично: психологическая закономерность или неглупая придумка особистов).

Вообще-то и до случая с Парамоновым солдатским письмам уделялось огромное внимание. По крайней мере, не многим меньше, чем огневой подготовке. Причем сразу, с первых дней службы, еще задолго до того, как мы попали в Афганистан. Но после происшествия с Парамоновым кампания против "писак" приняла поистине истерический характер.

Через полтора года после случившегося, летом 1984 года, проводилось открытое партсобрание второго батальона, на котором присутствовал лично начальник политотдела части. В заключительной речи он, по старой привычке пройдясь по истории Парамонова (а тот, к слову, все это время прослужил уже в других подразделениях), в тысячный раз походя клюнул четвертую мотострелковую. И терпение Пухова лопнуло. Ротный встал и спокойно спросил: сколько еще одно из лучших боевых подразделений полка будут прилюдно позорить из-за всеми давно забытого происшествия? Выступавший подполковник с язвительной улыбкой ответил, что столько, сколько они посчитают необходимым для общего дела воспитания личного состава части, и что, если кто-то и забыл, то это его личные проблемы; а вот они (то бишь главные воспитатели), в отличие от офицеров с короткой памятью, допускающих такие проколы (то бишь боевых офицеров, у которых, кроме как по чужим письмам

лазить, и проблем-то больше нет!), никогда и ничего не забывают!

Так бы на лирической ноте партсобрание и закончилось мирно, но тут вмешался не так давно прибывший в роту командир третьего взвода лейтенант Звонарев. В присущей ему откровенной манере он прямо с места, не вставая, заметил:

- Прямо там... Из пустого мальчишеского бахвальства жупел сделали государственную измену! (А так, впрочем, и говорили : "Он предал всех нас!")

То, что после этой ехидной фразы случилось с главным политиком, достойно может быть описано только профессиональным психопатологом! Все фазы эпилептического припадка, исключая только падение на пол и мокрые штаны... Еще час (!) он бесновался, лупил кулаком по столу (графин с водой разбил ненароком), брызгал во все стороны желтой пеной и даже обильно употреблял такие слова и выражения, какие ни до, ни после при личном составе он никогда не произносил даже на операциях!

Несчастные офицеры четвертой роты уже не знали, куда деваться от столь праведного гнева, и рассчитывали если не на трибунал, то на исключение из рядов партии и увольнение из армии, как минимум. Впрочем, обошлось...

x x x

Ну а Параша, а иначе его больше никто и не называл, сразу после отсидки на гауптвахте на какое-то время, пока его судьбу решали на самых высоких этажах полковой власти, вернулся в роту. Там его не били, об этом действительно позаботился неутомимый Рабинович, но и ничего ему не забыли. И без всяких побоев, без насилия и издевательств, устроили такую жизнь, что через несколько дней он с дикими воплями ринулся к реке - топиться.

Мобильный отряд спасения на водах возглавил собственной персоной Андрюша Дарьин. На ходу он объявил всем молодым спасателям следующее:

- Всплывет - завтра ваша очередь топиться!

Нагнали мы Парамонова уже поздно. Он, глубоко задумавшись, стоял по пояс в ледяной быстрине и двигаться дальше, судя по всем признакам, не собирался. Все наши увещевания совершить подвиг во славу роты и смыть своей холодной кровью пятно позора с нас, с Родины и с себя ни к чему не привели, и через несколько минут Параша был благополучно извлечен из воды вовремя подоспевшим замполитом.

Узнав о новой выходке своего "напарника", Пухов не сдержался, влепил ему несколько хороших затрещин и отправил на губу, а сам помчался в штаб полка. Там он без обиняков клятвенно пообещал подполковнику Рохлину, что если тот властью командира части не уберет Парамонова из подразделения, то ротный своей властью возьмет Парашу на первую же операцию в качестве "противоминного трала", со всеми вытекающими отсюда последствиями. Комполка посмеялся и дал команду разобраться. Главные воспитатели экстренно собрались, подумали и решили, что действительно - далее держать такое сокровище в боевой роте просто опасно.

Параша отсидел новую "десятку" и прямо с губы приказом был переведен из второго мотострелкового в распоряжение хозчасти полка. Поскольку места на свинарнике были заняты настоящими преступниками (двое членовредителей, один злостный симулянт и один "очухавшийся" самострельщик), то ему подыскали не менее навозообильный фронт работ - создание полкового огорода. Благо, весна была на носу. Нам же, пехоте, в наследство от Парамонова, кроме постоянных шпилек, досталась новая кличка для всех без исключения снайперов "Вычислитель".

А несостоявшийся прозаик в течение года доблестно ползал на корточках по своему подсобному хозяйству и так прятался от расправы. Опасаться было чего. Параша это знал и поэтому даже для переноски огромного количества ведер навоза выбрал несколько маршрутов в обход палаточного городка. Он как стихийный, но истый спецназовец, делая парукилометровые крюки, два раза по одной и той же дороге не ходил.

x x x

Переломный момент в судьбе Парамонова наступил через полтора-два месяца после очередного осеннего приказа - в октябре-ноябре 1983 года. Во-первых, он номинально стал старослужащим, а во-вторых, успешно справившись с боевым заданием по возведению персонального огорода для высшего командного состава полка, был этим же командованием поощрен - переведен на хлебопекарню. С этого часа начинается его путь к Олимпу. К новому 1984-му он становится замом начальника пекарни, еще через два-три месяца очередной взлет помощник начальника склада НЗ (на складе "неприкосновенного запаса" хранились сухие пайки, а также офицерские дополнительные пайки и сигареты. По тыловой "табели о рангах" - одно из самых блатных мест), ну а к началу лета - вершина его армейской

карьеры: "шестерка" номер один у начальника вещевого склада.

Заметно изменился и внешний облик Параши. Олег наел себе потрясающую ряху и не менее потрясающую задницу. Когда он в ушитой до безобразия форме появлялся на территории палаточного городка (теперь-то он мог себе такое позволить!), батальон от смеха ложился. Мой взводный, лейтенант Звонарев, увидев его в первый раз, тут же ехидненько протянул:

- Объект 120-"Е"! - и прокомментировал: - Сто двадцать - это килограмм, а литера - евнух! Правда, из-за сложности новое прозвище не употребляли, да и нужды не было - старое полностью соответствовало.

На своих складах дедушка Парамонов проявил себя полным подонком. Не знаю, как он обходился с молодыми, но всему полку было известно, что с солдатами второго батальона и разведроты, время от времени работавшими на складах, он в прямом и переносном смысле этого слова поступал именно как Параша. За одну банку сгущенного молока, за одну пачку сигарет с фильтром, за баночку сыра - бежал и "закладывал" своим начальникам-кускам. Без промедления и без всяких исключений. У нас сложилось мнение, что у него хобби такое или даже навязчивая идея - отомстить нам за себя.

Когда пятый или десятый разведчик "загудел" на губу, на переговоры с Парамоновым отправился самый легендарный дедулька разведроты некто Юрцов патологический залетчик, садист и потенциальный урка. Он поймал его и предупредил: еще один раз... и они разъедутся. Юрцов в дисбат, Параша - в морг. Подействовало. Параша больше разведчиков не закладывал, а просто ловил, и если получалось (с такой-то мордой!), все отбирал.

Так продолжалось до сентября 1984 года, до приказа. Главного приказа нашего призыва. В начале октября стали формировать "нулевую" партию дембелей. Это те - самые лучшие, которые еще до прихода замены уезжали первыми. В основном заместители старшин рот и замкомвзвода. Только сержантский состав. Насколько важно было попасть в такую партию, можно судить хотя бы по тому, что следующая "нулевая", но для рядового состава пехоты, уехала домой второго февраля уже 1985 года.

Из моей роты в эту группу попало трое самых-самых: Саша Хрипко, Коля Олексюк и Вова Крохин - все старшие сержанты, все поднявшиеся из рядовых, все с боевыми орденами (а у Олексюка в придачу к "Звезде" еще и медаль "За отвагу"). Четвертым домой поехал Лешенька Грицынок - известный всему полку стукач по прозвищу Тортилла, правда, без боевых наград, но у него были

иные, не менее впечатляющие награды за услуги на "невидимом фронте".

Пятым к ним пристроился Параша, к тому времени уже в звании старшины. Вот так-то, а мы ему когда-то не поверили...

Перед самой посадкой на вертолеты дембелей построили и произвели тщательный обыск личных вещей. Ну, это не страшно, к шмонам солдат приучен. У всех полупустой "дипломат", а то и вещмешок или даже просто пакет. У Олежки - два баула. Ничего - пропустили. Поехали...

На прощание, в виде компенсации, уезжающие всем тем, кто остался, клятвенно пообещали: "Не забудем - не простим!" Причем, не стесняясь тех, кому собирались не забывать и не прощать. Параша, Тортилла и еще сладкая парочка таких же заметно приуныли.

О том, как развивались события дальше, мне известно только со слов очевидцев.

По прибытии в Термез всю группу ожидала долгая и изнурительная нервотрепка - генеральный обыск на таможне. Там уже не мальчики и не добрые полковые дяди, там профи. Физиономисты-психологи. Кого спросят с наивной улыбкой: "Оружие, золото, наркотики... нет? - а кого и разденут донага, да пальцем в одном месте пошуруют. Как с первыми тремя пунктами (то есть с оружием и прочее) - не знаю, думаю, что никак - для таких вещей иные, более надежные каналы существовали. А вот джинсы или часы - целое состояние смело могли отобрать: "не положено" Могли реквизировать фотографии, это под настроение. Да мало ли что, власть-то у них неограниченная.

И тут, на таможне, случился первый казус - группа "особо заслуженных" сержантов каким-то чудесным образом проскочила первой и немедленно испарилась. К вечеру, когда прошли все, их стали искать и не нашли. Хрипко говорит, что один из бывших разведчиков даже слезу по этому поводу пустил. Как бы там ни было, поехали по домам клятвопреступниками. Очень расстроились...

Наши сели в поезд "Душанбе - Москва" и в Волгограде разделились: Крохин - в Москву, Хрипко и Олексюк - на Украину. Дальнейшее известно из пространного письма Володи Крохина.

Их в столицу ехало трое: он со слезоточивым разведчиком - закадычным дружком Юрцова и таким же уголовником, и еще "замок" первого взвода шестой роты Толик Мордовцев - очень крепкий, незакомплексованный парень. Они оккупировали какое-то купе и устроили там затяжную попойку. На следующий день после Волгограда из соседнего вагона "особо заслуженные" привели несколько девчонок-студенток и начали праздновать

дембель уже с ними.

По словам Крохина, девчонки оказались не промах и никому из сержантов, несмотря на их боевые награды, так и "не дали". Они применили испытанный девичий прием - время от времени куда-то незаметно и, главное, не вовремя отлучались. Перед самой Москвой одна из них, вернувшись с очередной прогулки, сообщила, что в соседнем вагоне в купе сидит бравый афганец-десантничек и рассказывает всякие страсти-мордасти. Как она выразилась: "Волосы дыбом..."

Наши сказали: "Ой!", переглянулись и, бросив подруг, бегом рванули по указанному адресу. Каково же было их удивление, когда, зайдя в купе, они увидели увитого аксельбантами Олежку Парамонова - бравого десантника в лихо заломленном голубом берете (пехотинцу натянуть на себя голубую тельняшку уже "в падлу"). Вокруг, смахивая слезы и подливая в его бокал шампанское, сидели несколько жадно внимавших девчушек. Параша явно был в ударе, но, увидев знакомые лица, как-то скис и стал жалобно просить своих спутниц не оставлять его с этими мордами. Но было поздно... На девчонок шикнули. Они, видимо, до этого еще не имели опыта общения с разъяренными дедами и в доли секунды исчезли.

Далее я просто процитирую отрывок из Володиного письма:

> "...Ты знаешь, братишка, мы его даже толком не отмудохали. Получив первый же раз по яйцам, он начал визжать, как свинья, кататься по полу и даже обоссался. Толян плюнул на него, оттащил "разведку" и выкинул спортивную сумку Параши в окно. Мы даже не посмотрели, что там. Потом отобрали у него все документы и тоже выкинули. А "разведка" покромсал ему всю форму и хотел самого порезать, но мы не дали. Представляешь, как это чмо выползет в Москве без военного билета, в рванье?.."

Прекрасно представляю! Москва не Кацапетовка, мимо патрулей не пройдешь. И трех шагов от перрона не ступишь, как поймают, отвезут на гарнизонную гауптвахту, и сидеть ему там несколько месяцев, пока родители не приедут и не выкупят. Ну а у ребят, к слову, хватило ума выйти перед самой Москвой и не испытывать судьбу. Стукачи... они все одинаковы.

Вот такая грустная история.

КОСОЙ

Был у нас в роте весельчак и балагур, нескучный одессит Ванька Косоговский по прозвищу Косой (фамилия изменена). Когда наш призыв прибыл в четвертую мотострелковую, он уже успел отслужить полгода в должности оператора-наводчика. Машины, правда, у него не было, и в горы Ванька ходил как простой пехотинец с автоматом. На нас, вновь прибывших "духов", он не давил, и мы его чистосердечно любили. Никто из нас не мог даже подумать, что этот потешник и клоун в то же время единственный в роте убийца. Настоящий убийца.

В бою, на операциях, убивать приходилось, конечно, многим, но это были не те убийства. Собственно, за убийства они у нас и не считались. Там перед нами был вооруженный противник, готовый нас самих убить в любой момент. С Иваном Косоговским - совсем иное дело.

Эта история произошла в начале января 1983 года во время нашего первого вылета на операцию. Несколько человек в ней, правда, не участвовали. Парамонов, например, в этот день как раз писал свою прославленную "Поэму Вычислителя".

Проводилась реализация разведданных у какого-то безымянного кишлачка, в двадцати пяти километрах от полка в направлении "точки" Кишим. Кинули нас туда на вертолетах. Казалось бы, первая операция - самые яркие впечатления. Но это была банальнейшая однодневка: утром высадили, вечером забрали. В памяти лишь ярко запечатлелось, как при подлете к селению бортмеханик "восьмерки" расстрелял из установленного на турели в дверном проеме пулемета небольшое смешанное стадо - три-четыре бычка и десяток овец. Впрочем, тоже обычное дело, пехота такой возможности никогда не упускала и в колоннах, и даже на операциях. Да и "обоснование" существовало: "душманский сухпай". И теоретическая база была под "обоснование": "Духи не жрут убоину с не спущенной наземь кровью". Логика еще та...

Операция началась в воздухе. Моджахеды к тому времени еще не вполне осознали всю серьезность намерений "шурави" и решались вести огонь из собственных населенных пунктов. К началу 1984 года они таких ошибок в большинстве случаев уже не допускали.

Наша "вертушка" сделала круг над селением. Скинула две небольшие, но достаточно мощные бомбы (сверху бомбежка напоминает просмотр кинофильма и никаких особых эмоций, например, чувства вины, не вызывает, - так, рутинная работа, как

на полигоне или учениях), выпустили обе кассеты НУРСов и высадили взвод на гребень, подпиравший кишлачок с левой стороны холма. Туда же повыпрыгивали и прибывшие на других вертолетах первые два взвода роты.

После еще одного налета авиации и плотного получасового обстрела из стрелкового оружия в кишлак вошла разведка. По связи ротному передали приказ оставить на высоте один взвод прикрытия), есть, всех молодых и парочку сержантов-старослужащих, чтобы в случае чего духи не разбежались) и силами двух взводов "прошмонать" десяток домишек, прилепившихся на "нашем" склоне. Ротный матюгнулся (еще бы - треть роты - новобранцы!), помянул всуе японского бога и, отобрав человек двадцать, тремя небольшими группами пошел вниз. В одной из этих групп находился и Ванька Косоговский.

Это была первая и последняя операция, куда мне под смешки дедов довелось тащить свой штатный РПГ. Лежа меж камней, я тогда страстно желал, чтобы из выходившего справа на кишлак ущелья появился хотя бы один душманюка. Ведь только в этом случае можно было "выплюхать" туда весь свой боекомплект. Мне уже за глаза хватило одной-единственной получасовой пробежки вверх по склону, чтобы сполна ощутить всю прелесть болтавшегося на спине ранца для шести гранат. Но возможности "плюхнуть" так и не представилось. Из кишлака раздавались короткие очереди да редкие взрывы гранат, а группа, стоявшая на "блокировке", так ни разу огонь и не открыла.

Через полтора часа на позиции поднялся Пухов, а за ним два взвода. И хотя внешне все выглядело благополучно, старший лейтенант сразу отвел в сторону своего замполита. И они почти час там о чем-то яростно спорили. Солдаты тоже ничего не говорили, а лишь перешептывались с глазу на глаз. Еще часа через два прибыли вертолеты, и к вечеру рота уже была в полку.

Об этом споре ротного с замполитом и об этих перешептываниях солдат я вспомнил где-то через месяц. К тому времени мы все уже примерно знали, что же случилось тогда на операции.

Но вот как-то в палатке зашел разговор об операциях вообще. Ванька Косой, увлекшись, что-то стал возбужденно рассказывать. И тут из отдельной, отгороженной в углу комнатушки вылетел взбешенный Рабинович и во весь голос рявкнул на него:

- А ну, рот закрой!

Это было настолько непохоже на нашего Сашу, что через пару минут палатка опустела. А уже поздним вечером в расположение взвода зашел ротный и как бы невзначай, вполголоса сказал Ивану:

- Случилось так случилось... И коль обошлось - радуйся. А языком нечего трепать. Понял?!

Сказано было всерьез. Без всяких шуток. И больше к этой истории никто в роте не возвращался.

x x x

Подробности мне довелось услышать лишь через год. Но зато из первых уст, от самого Ивана Косоговского. Был март восемьдесят четвертого, полк проводил операцию в районе высоты "две семьсот" - Санги-Дзудзан, в просторечии именуемой Зубом. Ваня был уже без пяти минут (а точнее, без пяти недель) дембель, а я, соответственно, дедушка. В нескольких километрах от места высадки, на середине довольно просторного плато наша рота была зажата перекрестным огнем двух крупнокалиберных пулеметов. Недаром - укрепрайон. Мы залегли. И так получилось. Что я случайно оказался в паре именно с Ваней.

Только мы с ним начали спешно окапываться, как прилетела вертолетная пара и, перепутав цели, всадила по залегшей роте полкассеты НУРСов. Слава Богу - пронесло. Впрочем, сюрпризы во время той операции начались еще при десантировании. Духи умудрились сбить одну "двадцатьчетверку" и две восьмерки, что уже само по себе - нечто небывалое, потом вот по ошибке родные вертолеты добавили. И все это за несколько недель до "приказа", - как тут не расслабиться и не поделиться наболевшим с ближним своим. Я начал, правда, не очень напирая, расспрашивать Ваню, что же там случилось на той давней операции. Но он разговорился неожиданно легко и рассказал мне обо всем подробно.

Ваня шел в отдельной группе из семи человек проводившей "шмон", по самому краю кишлака. В какой-то момент группа разделилась и в крайнюю усадьбу вошло только двое - Косой и кто-то из дедов.

Дом был пуст. Вдвоем они быстро облазили все закоулки и собирались уже было уходить, но тут Ваня у самой стенки приметил прикрытый, небольшой - в пол человеческого роста дверной лаз. Прислушавшись, он отчетливо услышал за ней напряженное дыхание. Ваня хотел, было позвать напарника, но тот куда-то исчез. И тут Ваня по-настоящему испугался, и, как он сам сказал, в нем взыграл древний инстинкт.

Но это я сейчас так обозначаю - "древний инстинкт", а тогда Ваня сказал какими-то иными словами. Но я и без его слов слишком хорошо знал, ЧТО это такое. Имя этому инстинкту -

жажда крови, или, как в наше время говорят умные дяди - "фронтовой психоз". А это страшное желание. Оно настолько сильно, что нет никаких сил сопротивляться. Я сам был свидетелем, когда батальон открыл шквальный огонь по группе, спускавшейся с холма к колонне. И это были НАШИ солдаты! Отделение разведки, отходившее с прикрытия! Расстояние было метров двести, и то, что это свои, все понимали процентов на девяносто. И, тем не менее - жажда смерти, желание убить, во что бы то ни стало.

Десятки раз я видел собственными глазами, как молодые, "приложив" своего первого "чувака", орали и визжали от радости, тыкали пальцами в сторону убитого противника, хлопали друг друга по плечам, поздравляли; и всаживали в распростертое тело по магазину - "чтобы наверняка". Я знаком с одним снайпером, который, застрелив своего первого "духа", вскочил под сплошным огнем и, как полоумный хлопая в ладоши, прыгал вокруг вздымавшихся возле его ног султанчиков. Потом он успокоился, залег и так же, как и все, всадил в неподвижное тело еще с полдесятка патронов. Не каждому дано перешагнуть через это чувство, через этот инстинкт, задавить в душе этого монстра...

Ваня замер перед дверью. Сердце у него бешено колотилось, но он уже решился. Над дверным проемом была проделана, судя по всему, ведущая в потаенную каморку отдушина. Ваня спокойно выдернул чеку из "эфки", отпустил предохранитель, потом хладнокровно отсчитал несколько секунд и не кинул, а положил (!) гранату на край проема. После этого он легонько, одними пальчиками, подтолкнул ее внутрь. "Эфка" покатилась... А потом грохнула так, что у Вани заложило уши и чуть не "встало" сердце. Но он быстро взял себя в руки, встряхнул головой и дал короткую очередь в дверь. Потом вышиб ее ногой и, присев, замер на пороге.

На полу в комнатушке, вытянувшись во весь рост, лежала мертвая старуха, а чуть поодаль от нее - молодая женщина. Но она еще была жива. Протягивая к Ване руку, женщина что-то хрипела и пыталась ползти. Вокруг старухи и женщины копошились, конвульсивно дергались или просто лежали на полу семеро детей в возрасте от года до пяти-семи лет. По словам Вани, он поначалу просто "вырубился" - как поленом по голове огрели: "Ничего не соображал, как отмороженный!" Но потом, все так же "не в себе", Ваня поднял автомат и выпустил в шевелящийся человеческий клубок остаток магазина. А когда уходил, положил на пол еще одну "эфку"...

Я тогда спросил его - зачем он это сделал? Зачем было добивать? Зачем кинул еще одну гранату? Ваня мне честно

ответил: "Не знаю..." Потом добавил: "Понимаешь - не в себе был. Как кто-то другой..."

Минуты две-три он сосредоточенно молчал, а после, уже задним числом, начал придумывать разные объяснения своему поступку:

Может, не хотел, чтобы мучились - все равно кранты! Да и особисты... ты ж знаешь.

Действительно, знаю. По голове за такие вещи не погладят. Ване еще повезло, что в дисбат или на "зону" не угодил - Пухов с Рабиновичем прикрыли. Хотя одному Богу, наверное, известно, чего им это стоило!

Рассказывать обо всем случившемся Ване было все равно в тягость. Я это почувствовал. И как только он замолчал, я с радостью перевел разговор на что-то иное. Слушать его рассказ было тяжело, да и не мне грехи Ване отпускать.

x x x

Через несколько месяцев в одной из последних партий Ваня уехал домой. И можно сказать - благополучно: за последующие операции он был награжден медалью "За отвагу". Правда, получил ее относительно поздно, в конце второго года службы - такие "залеты" даром не проходят.

Он прислал нам в роту письмо, где сообщал, что устроился на работу в Одесское городское управление внутренних дел, в отряд патрульно-постовой службы; впрочем, для нас это новостью не было: Косой и раньше туда собирался. Кто-то из родственников, служивших в УВД, обещал устроить. А еще Косой прислал маленькую фотографию в форме. Ничего ему идет...

У меня с Косым были самые теплые, почти товарищеские отношения, да и со многими другими ребятами в роте он дружил. Но почему-то при популярном ныне слове "гражданская война" я всегда вижу перед глазами именно эту фотокарточку. Маленькую. Три на четыре всего-то...

ПРИГОВОРЕННЫЙ

Этот случай произошел в сентябрьской колонне 1983 года. Третьим взводом тогда командовал лейтенант Быстров. Мы его за глаза звали Серега, хотя ему было, хорошо за двадцать пять, для армии возраст уже солидный. А возможно, потому, что Серега был "залетчиком" самого бесперспективного толка отказником. Он не хотел служить.

Такое в армии случается - поступил в военное училище в семнадцать, учиться думать самостоятельно начал в двадцать... Конечно, можно было приспособиться и в армии, найти тепленькое местечко, но Серега об этом и слушать не хотел - "в падлу"! Уйти из вооруженных сил "по-хорошему" в то время было все равно, что якуту выехать на ПМЖ в Израиль. Поэтому оставалось лишь два пути: либо навсегда заболеть, либо служить так, чтобы сами отпустили - от греха подальше. Серега именно на это и был нацелен.

Но конфликтовал он только с армией как таковой, солдат же берег и, как это ни странно, - уважал. Мы ему, естественно, платили тем же. Напоследок, перед своим неизбежным и скорым дембелем Серега решил подготовить нас семерых, осенников 1982 года так, чтобы мы выжили сами и, когда уйдут деды, помогли уцелеть остальным, прибывшим на замену. Для этого он, оставив старослужащих в покое, чему они безмерно обрадовались, и везде таскал нас за собой. А приходилось Сереге несладко: ведь и ротный у нас был залетчиком еще тем. В общем, два сапога - пара. При таком раскладе, известное дело, добра не жди. Мы и не ждали. И в ту колонну половина нашего взвода угодила в боевой дозор.

Три четверти дороги колонна, как правило, идет пешком - опасные участки, мины. Впереди, уступами, движутся саперы; группа номер один - со щупами и легкими миноискателями, снимает противопехотки; вторая - с собаками ищет знаменитые пластиковые "итальянки" (миноискатели их практически не брали - всего грамм металла, какая-то деталь взрывателя) и основная фугасы.

Страшная вещь эти фугасы. На метр-полтора вкапывается в землю ящик или, еще чаще, мешок взрывчатки. На поверхность пропускаются две тоненькие проволочки от детонатора и батарейки. Потом немудреная система из двух жестяных полосочек и пары спичек. Вот и все! Люди могут годами ходить - не подорвутся, а от танка оставит такое, что и в металлолом не примут. Да еще и коварно как: несколько машин успевают

пройти, а на третьей или четвертой фугас срабатывает. Миноискатель, как правило, его не берет, а вот собаки находят. Не всегда, к сожалению.

Последняя, третья группа, так и называлась: "последний звонок" Саперы в этой группе работали с импортными, кажется, ГДРовскими, глубинными, особо чувствительными миноискателями, прослушивали землю на полтора метра. И шли всегда на значительной дистанции друг от друга, чтобы передние не мешали. Саперов подпирали один-два танка, всегда с противоминными тралами. Ну а следом шли уже все остальные подразделения.

Так и ходили пару лет, пока духи не пришли к глубокому умозаключению: если устроить засаду и перестрелять саперов, то колонна останется без прикрытия и можно будет, не теряя людей на обстрелах, обойтись одним минированием. Замысел их удался - четверых солдат саперной роты отправили в госпиталь, двоих навсегда "домой", а очередную колонну довели с целым букетом подрывов.

Вот после того командование и ввело в практику боевые дозоры. Человек десять, след в след, шли метрах в трехстах перед саперами и, проклиная все на свете, смотрели больше себе под ноги, чем по сторонам. А еще дозорам вменили в обязанность на серпантинах и участках, где дорога опиралась на скалы, выискивать бортовые мины - нечто среднее между одноразовым гранатометом и взрывным устройством, игрушка очень дорогая и очень эффективная.

За три недели до начала операции Серега повел нас в саперную роту к матерому прапорщику-подрывнику на инструктаж. И потом водил ежедневно на два часа. Перед самой же операцией невзначай порадовал:

- Мужики! Мы в колонне - первые.

Кто-то поинтересовался:

- Вместо саперов, что ли?

Серега ответил:

- Не вместо, а впереди.

Деды сразу заартачились и начали стонать про дембель и про маму того, кто все это придумал. Серега долго смеялся, а потом, хлопнув в ладоши, сказал:

Ну, хватит, хватит! Что вы ноете? Успокойтесь - "черпаки" пойдут со мной, а вы, доходяги, - с замполитом.

Старички расслабленно выдохнули, да и мы обрадовались - с взводным по ровной дорожке шлепать, да еще летом, да еще и без пристального ока штабных отцов-командиров - чего больше надобно? Да и боевой пыл у нас в самом разгаре: до приказа - год,

до дембеля - полтора с хвостиком. Пошли...

x x x

К середине первого дня проскочили точку Карамакар, спешились и потопали ножками. Жара под сорок. Через два часа начисто забыли о бортовых минах, а еще через пару - о минах вообще. До воды бы добраться! Потом вышли из положения - послали гонца к своим машинам. Через час он вернулся весь в пене, пыли и соли. У машин дорвался до воды, а пока до нас добежал, все вышло и высохнуть успело, одна радость - бронежилет изнутри мокрый все еще, распахнулся - продувает. Мы посмеялись и в один присест выхлестали всю принесенную воду. Послали следующего... Пока до "точки" добрались, до меня очередь быть гонцом так и не дошла - какое счастье.

На другой день было полегче - втянулись. Оказалось, что можно и на такой работенке с умом устроиться. Делали так: отрывались на километр-полтора, находили позицию с хорошим обзором, желательно в тени, и садились отдыхать, ждать саперов. Им же доставалось больше всех. Собаки у пацанов, и те к концу дня работать отказывались - морды в сторону воротили, и фляги с хозяйских поясов чуть ли не в наглую сгрызали.

В той колонне все, правда, было как-то подозрительно спокойно. Всего пару раз, через реку, мы заметили наблюдателей. Одного умудрился шлепнуть из автомата метров за семьсот сержант Куделя, единственный из дедулек, захотевший пойти с нами. Остальные исчезли. Разик обстреляли и нас, но как-то лениво, не заводясь и не очень прицельно. Саперы же наши не дремали: сняли несколько мин, и, кажется, фугас.

А за точкой Артедджелау Серега, шутя, подстрелил огромную птицу...

Поджидая саперов, мы в очередной раз залегли в скалах и вдруг видим то ли орел, то ли гриф идет на посадку прямо на наши позиции. Лежим, смотрим. Метрах в пятидесяти от нас и в нескольких шагах от обрыва орел сел. Серовато-коричневый, шея длинная, почти голая, и очень крупный - мне почему-то казалось, что они значительно меньше. Серега, не долго думая, медленно подтянул автомат, поднял, не спеша прицелился, и попал орлу в шею. Птица дернулась, припала на одну лапу и, как палку, воткнула голову в камни.

Серега заорал:

- Бобер!

Я сорвался и кинулся за добычей.

Недаром говорят - орел гордая птица. Пока я бежал, он с трудом поднял голову, в два приема встал на лапы и, пошатываясь, двинулся к краю обрыва.

Мне, честно говоря, было его откровенно жаль, но охотничий азарт молодого дурака перевесил. Я рванул затвор, вскинул и... не успел, - орел ринулся в пропасть. Добежав до края, я уже ничего не увидел. Может быть, ему удалось встать на крыло и уйти, или, скорее всего, орел предпочел погибнуть в ревущей Кокче, но не дать безмозглой солдатне свернуть себе шею.

На четвертый день мы дошли до точки Третий мост. Утром появились машины кишимского батальона - вышли встречать. Мы вздохнули посвободнее. Теперь на каждом километре можно было разжиться воды у рассыпанных цепью по-над дорогой БМПшек боевого охранения.

x x x

Уже под вечер, когда мы подходили к Кишиму, позади нас тяжко и страшно грохнуло. Можно было вообще в армии не служить, чтобы понять - не мина. Но мы все равно остановились и хорошенько осмотрелись. Серега, немного подумав, скомандовал:

Назад!

И правильно сделал, где подрыв - там и засада; отрываться не резон. Лучше уйти под прикрытие танков.

Мы потрусили назад и увидели жуткое зрелище. Посередине дороги, наискось, стоял развороченный корпус танка. Как издевательство над здравым смыслом на нем выглядели совершенно целые тралы - фугас сработал прямо под днищем. Впрочем, все по правилам: контактные пластины на два-три метра были выдвинуты от заряда, танк наехал передком, а фугас сработал на середине корпуса.

Танковая башня была сорвана и, перевернутая, валялась в десяти шагах от вздутого, покореженного остова. Во время взрыва, и это было видно сразу, сдетонировал находящийся внутри машины боекомплект.

Когда мы подошли, вокруг останков уже стояли саперы, разведчики и одна БМП кишимовцев, находившихся неподалеку в охранении. Собаки поскуливали и тащили поводки прочь, солдаты молчали.

Первый раз в жизни я видел "полный подрыв". Раньше я знал о нем лишь из рассказов стариков, но довелось увидеть и самому. Вместе с другими ребятами взвода я подошел к танку и заглянул в башню. Подошел и Серега.

Как описать увиденное, я не знаю... На краю раззявленной, словно колодец в бездну, башни лежал ошметок черепа, Именно черепа, а не головы, потому что кожа была скальпирована, остатки лицевых мышц сорваны и обуглены, мозги куда-то делись, а кровь, почерневшая от жара, копоти и пыли, на кровь уже не походила. И вот посередине этой черно-бордовой обугленной плошки, останки человека в которой мог рассмотреть разве что профессиональный анатом, горел глаз. Непонятно, каким чудом уцелевший, лишенный привычного обрамления и от этого еще более жуткий, устремленный в никуда, зеленовато-серый, подернутый мутной пеленой мертвый человеческий глаз... правый.

Внутри же танка было во сто крат страшнее...

Но меня от страха не сотрясало, не мутило (это только в бездарном кино случается), я лишь отчетливо в тот момент почувствовал: вот она - смерть! Вот и такой она бывает...

Мы угрюмо закурили, а Серега тут же завелся с лейтенантом, командиром кишимской машины. Начало спора я пропустил. Но потом до моего сознания дошло злобное шипение Сереги:

- Ты, парень, на свою сраку сейчас неприятностей выпросишь! Я - в боевом дозоре, а ты, гуля, в обеспечении. Вот и обеспечивай! Нет - я выйду на "Мимозу", лично ему сейчас подчиняюсь, и ты тогда ляжешь рядом с этими! Понял?! Делай, что сказали, и быстро! - Серега отошел от побелевшего лейтенантика, в бешенстве швырнул початую сигарету в пыль и сразу же закурил новую.

Мы подошли к нему втроем: сержант Куделя, Валерка Доброхвалов и я. Серега еще не остыл:

- Вот гондон! Не хочет трупы забирать!

Мы выпучили глаза:

- Как это?

- А вот так! Говорит, соберите, сложите у дороги и сообщите по связи кому надо, подъедут, заберут. Подонок! - Серега длинно и грязно выматерился.

Тут появился Шурик Хрипко, он быстро сообразил, что к чему, и сразу предложил:

- А че мы стоим? Пошли, - харю набьем!

Серега взвился пуще прежнего:

- Я тебе сейчас начищу - мама не узнает!

Мы примолкли.

А на машине кишимцев уже началась настоящая битва - решали, кому идти собирать останки танкистов.

Молодой лейтенант, уже хорошо заведенный Серегой, посылал молодого. Остальные солдаты, явно старослужащие,

воротили морды в сторону и прятали глаза. Молодой упирался. Тогда осатаневший в конец офицер взревел, выдал серию нечленораздельной похабщины и с нескольких ударов ногами сбил его с брони. Солдатик поднялся с земли. Положил автомат на ребристор и обреченно поплелся к танковой башне. Обошел ее вокруг, примерился, а потом полез внутрь. Мы молчали...

Странно, но я очень хорошо его помню. Маленький, худой, сутуловатый, ноги полусогнуты в коленях - типичная фигурка жалкого чмыря. Лицо узкое, востренькое, посеревшее. Кожа, как плохо промешанное ржаное тесто. Угри... Во всем облике - крик души: "Покою!"

Солдатик копошился внутри несколько минут, потом, выпрямившись, появился над срезом башни и положил нечто на противоположный от обломка черепа край. Вокруг танка стояло человек двадцать, и все почти ощутимо, в голос заскрипели зубами: "Чмо-о!" А Валера не выдержал и полез вытаскивать из вещмешка свою плащ-палатку. Куделя помялся и нехотя протянул :

- Дед потом шкуру спустит...

Но тут вмешался взводный:

- Ладно, Валерка, давай!

Куделя замолчал, кивнул Валерке, и тот пошел к башне.

- На! Не мучайся...

Солдатик поднял очумелый взгляд, кое-как принял плащ-палатку и опять скрылся внутри башни.

Минут двадцать мы стояли и смотрели, как он там возится. Никто не порывался ему помочь. Еще через двадцать минут все было окончено. Экипаж из трех человек, находившихся в башне, поместился в одну плащ-палатку, механик-водитель - в другую. Крест-накрест связали концы и закинули узлы на кишимскую БМП. Дальше пока не двигались - ждали комполка.

Солдатик отошел в сторонку. Он напоминал временно ожившего мертвеца. Во всем его виде просматривалась какая-то печать безнадежности. Казалось, он уже не принадлежит этому миру; казалось, что он УЖЕ умер. Все смотрели на него, не отводя глаз. И тут Серега вполголоса, почти шепотом, произнес:

Готов пацан!

Мы повернули головы:

- Что?

- Отбегался, говорю...

Это было настолько созвучно моим мыслям, что я почувствовал, как что-то дернулось и сжалось у меня в груди. Я не удержался и переспросил:

- Как это?

Серега вздохнул и нехотя процедил:

- Покойник он! Увидите...

Мы переглянулись, и, я уверен, еще не один из нас внутренне вздрогнул.

Солдатик тем временем отошел от танка, сел на камень и уставился куда-то за реку. Шурик немного помялся, а потом направился к нему и, прикурив, ткнул сигарету. Солдатик не увидел ее. Тогда Шурик легонько тронул его за плечо.

Солдатик повернул голову и встал. Несколько мгновений он непонимающе смотрел на незнакомого, вымученно улыбавшегося бойца. Потом все понял и начал вытирать руки. Сначала он провел ими по бедрам, потом, приседая, от ягодиц до самых сапог. Потом пристально посмотрел на руки, вытер их еще раз о бока и лишь после этого аккуратно взял протянутую сигарету и сел на свой камень.

Кто-то с его машины заржал, но тут же, осекшись, заткнулся.

Вскоре примчался Сидоров. Не спускаясь с КШМки, он мастерски выматерил саперов, танкистов, нас, разведчиков, кишимцев, духов и остальную "безмозглую сволочь". Все стремглав кинулись от него в разные стороны.

А через пару часов подразделения пришли на "точку" Кишим.

x x x

Мы, дозорная группа, были освобождены от всех нарядов и тут же завалились спать на первом попавшемся свободном месте. Встали в полдень. Полк принимал колонну, и нас целых двенадцать часов никто не тревожил. Назад колонна должна была ехать, а не идти пешком: боевое охранение до "точки" Третий мост осталось на участке, и дорога назад обещала быть неопасной. По крайней мере, в нашем сопровождении она не нуждалась.

Серега утром смотался в штабную землянку на совещание, а потом куда-то в глубь колонны. Вернулся он через полчаса расхлыстанный, взъерошенный, с бешеными глазами и разбитым кулаком правой руки. Мы подскочили и ринулись к нему, но нас опередил ротный:

- Куда?! Яп-понский бог!..

Ну, если Пухов помянул страну восходящего солнца, то под руку ему лучше не соваться. Через минуту к ним подошел замполит, и они втроем полезли на командирскую сто сорок первую. Проговорили, наверное, с час. Потом Серега опять куда-то умчался и появился только перед самым отбоем.

Мы несколько раз до этого подходили к Пухову, надеясь узнать, что же там случилось с нашим командиром, но тот в особые разговоры с нами не вступал:

- У него спросите!

Наконец Серега вернулся, подошел к нам и мрачно обвел тяжелым взглядом напряженные наши лица:

- Ночью обстреляли несколько машин охранения... - И после долгой паузы добавил:

- А пацана, того, убили...

Никто из нас не спросил, какого. Лишь кто-то хрипло поинтересовался:

- Как?

- Снайпер... Из Баланджери. Снял с идущей машины. Всего один выстрел, в голову... Они даже останавливаться не стали!

Мы только выдохнули, и опять кто-то спросил:

- Как, не стали?

- А вот так! С-с-суки зловонные... - Серега яростно выругался. - Ладно, отбой... В четыре выходим. До Третьего на машинах, а потом опять - в том же порядке.

Никто сразу не лег. Мы долго обсуждали новость, гадали и так и эдак, а перед тем как "отбиться", втроем подошли к одинокому Сереге. Залезли на броню, угостились "цивильными"... Несколько минут молчали, не решаясь расспрашивать подробности. Серега начал сам:

- И шанса парню не дала! Хлоп, и приехали...

Тут я не вытерпел и спросил о том, что давно уже вертелось на языке:

- Куда попал?

- Куда?! - Серега резко глянул мне в глаза, потом отвернулся и глухо, как будто говорил лишь самому себе, ответил:

- Вошла в затылок... слева, а вышла у переносицы... Глаз выбила... после этого снова вспомнил обо мне, смерил меня долгим пронзительным взглядом и медленно закончил:

- В правый... Пойди посмотри - у затоки, где санчасть ихняя...

Мы собрались идти втроем, но Валерка вдруг нарушил затянувшееся наше молчание:

- Был и у него шанс!

От неожиданности мы все, как по команде, сели на места, даже Серега.

- Что ты несешь! Какой шанс?!

- Был шанс, - упрямо повторил Валера. - Один... - И резко, немного неестественным голосом, закончил: - Летеху своего на хер послать!

СУПЕЦ

Июнь 1983 года, первый день Бахаракской операции "Возмездие". На "точку" прилетели утром, только вылезли из любовно именуемых "коровами" МИ-6, как нас тут же погнали: "Получайте БК". Случившееся здесь в прошлый раз все помнили хорошо и поэтому грузились под завязку, с перебором даже.

Вдруг подскакивает какой-то штабной и командует: "Каждому по десять Ф-1; пулеметчикам - по пять!" (а пулеметчики, обычно, вообще гранат с собой не брали). Сразу стало понятно: "прогулка" - с заходом в кишлаки. Взяли гранат. Тут новый приказ : "Часть сухпая можно оставить, потом на вертолетах выкинут". Выкинут - не выкинут, это вилами по воде, но все равно команда хорошая: тащить в июне - под пятьдесят на столбике! - на себе лишний груз никому не хочется. Взяли жратвы всего на два дня, да и то кашу на "точке" тут же выбросили. Ну ничего - сидим, ждем.

Подходит старший лейтенант Пухов, глаза горят, автомат с плеча на плечо перебрасывает, как конь - секунды на месте устоять не может. По всему виду ясно - чешутся у Пухова руки; хорошо его в прошлый раз духи зацепили... Еще бы! Он слово себе дал не потерять в боях ни одного человека. А при Бахаракском погроме, фактически в операции не участвуя, четвертая МСР потеряла ранеными три человека, причем одного, ефрейтора Баранцова, впоследствии комиссовали с первой группой. Кстати, слово свое Пухов потом сдержал - за время его командования в роте никто не погиб. А до него четвертая мотострелковая уже успела поиметь свой "скорбный список" из четырнадцати имен. Заимеет и после, когда Пухов уйдет по замене. К весне 1985 года к "списку" добавят еще пятерых. Но пока Виктор Григорьевич Пухов был в роте и сводил с бабаями свои личные счеты...

Построил нас, помолчал и тихо начал:

- Так, мужики... Выходим через двадцать минут. Покурить, на горшок и прочее... Пусть кто-то мне на переходе заикнется - суровой нитью затяну! Потом он поставил задачу первым взводам и вдруг обратился к нашему взводному Быстрову: - А ты, Серега, со своими архаровцами идешь вот на эту точку! Пухов показал место на карте. - Будешь прикрывать правый фланг всей роты и лично мою задницу, понял? Идти вам чуть дальше, чем остальным, но тут недалеко - восемь с половиной по карте. Возьмешь одного человека с первого взвода в помощь на АГС. И еще с тобой пойдет Саша Рабинович - чтоб не скучно было. Да! Минбат сядет как раз между тобой и мной, но идти будет с вами. Все ясно? - И уже обращаясь к нам: - Ну все, мужики, вперед! и в

штаны не делать - прорвемся! И не забудьте: за каждого пленного - десять суток гауптвахты... И по харе - от меня лично!

Через двадцать минут, растянувшись длинной цепью, четвертая рота и минометная батарея вползали в зеленую зону.

Первый подъем начался буквально через тридцать минут после выхода, где-то в шестнадцать ноль-ноль. За час одолели хребет и начали спуск. Через махонькую долинку перед нами возвысилась новая громадина. Глянули приуныли. Но Серега приободрил:

- Ну, что сопли распустили?! Сейчас перевалим, там вообще не долина ущельеце, а следующий перевал - наш. Поднялись, пробежались по гребню и дома! Ну! Давай, пехота, шевели штанами!

Пока вскарабкались, отдышались, спустились и снова начали подъем, последний, - было около двенадцати ночи. Под ноги все чаще стали попадаться банки с кашей и тушенкой - выбрасывали и раскаивались те, кто пожадничал на "точке". К двум часам ночи умолкли подбадривающие шутки офицеров. Дольше всех держались замполит роты Рабинович и командир минометчиков капитан Белов. Но к трем часам и у них осталась всего одна "шутка": Леха Белов стонал: "Шу-рик. Ты еще дышишь?" На что наш замполит отвечал: "Ле-ша! Иди в жопу!" И так - всю дорогу...

Я немало "полазил" по Бадахшану, однажды меня всей ротой три дня тащили на себе, но этот маршрут был самый кошмарный за всю мою службу. Вообще в афганских горах солдат идет "на автопилоте" только в том случае, если знает свою цель. Увидит назначенную высоту, значит, доползет, даже если она за семьдесят километров. Но если солдату сказать: "Вот та высота - наша, и на ней привал!" - а потом передумать и назначить привал на следующей, а на следующей - еще на следующей, он вырубится уже на двадцатом километре. На этот раз случилось именно подобное, но офицеры были здесь совершенно ни при чем.

Главный хребет поднимался террасами, а между ними были небольшие, всего квадратов в сто, каменистые площадки. Пока карабкаемся по скалам, видим небо у края уступа. Ну, кажется, все - дошли. Но только выползем наверх, как перед нами открывается крошечная эта площадка - взводу разложиться негде, а над ней новая каменная стена до самых звезд. И до того дошло, что офицеры вместе с солдатами тащили тяжелое вооружение. Даже Пухов, со своим неунывающим радикулитом, и тот половину последнего подъема попеременно волок на себе ПК двоих очумевших пулеметчиков. Вот тебе и восемь с небольшим - по карте...

К пяти утра поднялись на свою "три сто десять". Попадали...

Какой там окапываться, позиции готовить - приходите, берите голыми руками, хоть любите, через "Е", - не встанем. Часа через полтора отошли, тут новая команда : "Вперед!" Потопали...

Долго спускались по змеевидному серпантину, потом первый кишлак, за ним второй и пошло-поехало: один за другим. Называлось это чудо - шмон зеленки.

Под вечер упал любимый стукачок и жополиз третьего взвода Лешенька Тортилла. Распластался по дороге, отшвырнул от себя тело АГСа и ревет, как белуга: "Пристрели-и-ите! Дальше не пойду-у-у!" Попытались вразумить - не получилось. Пару раз врезали - безрезультатно. А батальон уходит! Все! В общем, надо взваливать эту морду на себя и тащить вместе с гранатометом. Тут появляется Пухов: "В чем дело? " Объясняем - так, мол, и так. Пухов подходит к "подыхающему", на ходу скидывает с плеча АКС, передергивает затвор и спокойно так, буднично, просит:

- Леша, рот открой...

В его интонации, в его внешнем облике было что-то такое, отчего Тортилла сразу затих, молча встал, поднял ранец с гранатометом и понуро побрел дальше. Мы наблюдали за ним молча, и лишь один Быстров не выдержал:

- Гриценок! Что-то он быстро тебя вылечил, а?

Тортилла не ответил...

Вечером полк полностью вошел в долину. Ночевку мы разбили на каком-то холме. Вокруг по склону и на соседних высотках расположились другие подразделения. Наутро повальный шмон продолжился по полной программе. Перед выходом Серега построил нас и поставил боевую задачу:

- Значит так, взвод. Все, что тут говорили по связи, - полное дерьмо! У нас задача одна - третий день без жратвы! Сухпая не было, нет и когда будет - неизвестно. То, что вы по дороге выкинули - никого не волнует (был употреблен иной, близкий по значению термин). Все ясно? Вперед!

Первый же кишлак оказался и самым удачным: взводный с ходу подстрелил молодого барашка. Скотинка резвая однако, - как только заприметил первых бойцов, тут же деру дал, да не тут-то было! Только что и успел - жопкой кучеряво обосраной пару раз тряхнуть на прощанье - 5,45 все ж быстрее, однако.

Резво затащили его в какую-то клуню, Быстров тут же достал предмет зависти всех офицеров батальона - треугольный, острый, как бритва, трофейный нож и мастерски, за каких-то пять минут барашка разделал. Все мясо мы сложили в полиэтиленовый пакет от осветительных ракет и пошли на следующее прочесывание.

В конце дня Валерка подстрелил курицу, но то ли птица оказалась мелковатой, то ли СВД для такой дичи чересчур

сильное средство: от курочки остались только окорочка, часть крылышка да шейка с головой. По образному выражению замка Димки Куделя - рассосалась. Ну да ничего - пошло в тот же пакетик. И уж перед самым привалом подстрелили еще одну курицу, на этот раз более удачно. Серега разделал ее еще более виртуозно: отсек ноги, голову и часть крыльев; потом одним ударом своего восточного кинжала развалил надвое, выпотрошил и, вместе с перьями сняв шкурку, уложился в какие-то пару минут. Профи!

Поздним вечером поднялись на ночлег. Прямо под холмом, метрах в пятистах, раскинулся огромный кишлак. И мы в том районе были не единственными - под нами, на склоне, расположилась шестая рота, а чуть правее и ниже - разведка. Поэтому пошли в кишлак не сразу, а только через час после того, как по связи был дан отбой - "один-один" (т.е. один боец спит - один дежурит).

Серега взял с собой троих: "замка" Куделю, Валерку и меня. Потопали вниз через позиции разведроты, чтоб не переть с бурдюком воды, пятнадцатилитровым ведром и подозрительным пакетом под мышкой через окопы родного батальона.

В кишлаке то тут, то там раздавались подозрительные шорохи: не мы одни такие умные, есть всем хочется. Побродили немного, напоролись на четверых дедов первого взвода - чуть не перестреляли друг друга впотьмах, а потом сыскали и себе подходящую усадьбу - побольше, да на отшибе. Зашли. Дом разделен на две части. В нашей половине никого и, естественно, голо. Явно, хозяева уходили не с пустыми руками. Маленькая печурка у дверей сделана "по черному" - в потолке дыра.

Быстров посадил Валеру напротив входа, в тень, меня послал искать топливо, а сам, пока Куделя доводил и заливал мясо водой, занялся печью. Вязанка сухой травы, висевшая у дверного проема и пущенная на растопку, оказалась не чем иным, как коноплей. Пока поняли, в чем дело, потушили и выкинули тлеющий и жирно чадящий ком, от дыма, затянувшего, как в русской бане, всю верхнюю половину помещения, всем от души "захорошело".

Я быстренько отыскал во дворе сарай с большими стопами кизяка, Димка настрогал щепы с какой-то палки - и дело пошло. И хотя кизячный "уголек" вонял похлеще любой анаши, да и глаза как от перца резало, горел он не хуже газа. Оглянуться не успели, как вода закипела.

Бульон, конечно, великая вещь, но Серега сразу сказал: "Супец на войне - первое дело... после водки, баб, долгого сна и хорошего командира!" (На вопрос: "А какой командир хороший?" -

он всегда неизменно отвечал: "Тот, что не сука!"). Ну, супец так супец. Оставили снайпера в засаде, а сами полезли рыться по хозяйским закромам. Ничего, понятно, не нашли, вернулись и стали дожидаться пустого бульончика. Кизяк между тем перегорел и пошел я во двор за новой партией.

Не успел подойти к сараю, как слышу слабый шорох за воротами. Тихонько снимаю автомат и вжимаюсь в тень, даже испугаться толком не успел. Створка ворот с легким скрипом открывается, и в нее просовывается крошечная головка в чалме, а потом и сам обладатель этой чалмы - сухонький дедуля, метра полтора ростом. Он огляделся, при лунном свете меня в тени навеса не заметил и, крадучись, сделал пару шагов во двор.

Дедушка не дедушка, в темноте не разобрать. Легонько втыкаю ему ствол меж лопаток, левой рукой беру за горло, чуть свожу пальчики и шепчу в замершее ухо: "Бура, дусс... ("Пошли, друг"). То ли фарси для него - родной язык, то ли по жизни - все на лету схватывал, но дедок послушно засеменил в дом.

Дальше объяснялись на пальцах. Оказалось, что бабаеныш - хозяин этой усадьбы. На время операции он перетащил своих жен и детей к себе, в мужскую половину дома, а эта, где мы сейчас находимся, - женская. Мы как смогли, рассказали ему про соль, картошку и прочее. Дедок, в свою очередь, не стал упрямиться и согласно закивал головой. Всей толпой вышли во двор.

Старичок приставил к забору жиденькую лестницу, показал жестом, что идти за ним вовсе не обязательно, и проворно исчез на другой стороне. Мы по очереди поднялись на забор и заглянули в чужую жизнь. У стены дома толклось, как я насчитал, восемнадцать женщин разного возраста. Рядом с ними шныряли два десятка ребятишек. При появлении наших любопытных физиономий женщины и дети притихли и сели наземь. Сразу видно, ученые... Хозяин шикнул на детей, и они мигом исчезли в доме.

Не обманываясь нашим вежливым обращением, бабай второй раз перелезать на женскую половину не стал - передал через забор мешочек с картофелем, домашней лапшей и маленьким пакетиком какой-то красной и горьковатой соли. Опять-таки вежливо попросили его попробовать... дед попробовал и ничего жив остался...

Мы, как могли, поблагодарили его, попрощались, а напоследок спросили, сколько у него жен. Старичок скривился, что-то пробормотал и на пальцах показал - тринадцать! Ай да дедуля, старый кобель!

Через час уже поднимались на свои позиции. Запах от нас разносился - не передать. Несчастные разведчики только слюну

сглатывали, а потом не выдержали такой изуверской пытки и прислали гонца с тремя котелками: "Для офицеров дружественного подразделения!" Мы навалили полные котелки и еще один добавили от себя. Потом отправили полведра на соседние позиции первого взвода - ротному. Шестой мотострелковой тоже перепало - не сидеть же им голодными! Насколько наше варево было сытно и вкусно - объяснять нет смысла (еще бы! три четверти ведра мясо, а остальное - растопленный холодец с добавками!). В общем, когда ели - стонали от восторга.

К вечеру следующего дня с вертолетов нам выкинули долгожданный сухпай и пополнение боекомплекта. Первому мы были, конечно же, рады, второму - не очень: мне только-только удалось отделаться от тринадцатикилограммовой АГСной ленты, а тут на тебе - заряжай по новой! Ну да ничего, я последний раз ходил в гранатометной команде, потом даже в руки эту гадость не брал.

Вернувшись на "точку", узнали, что в подразделениях других полков, принимавших участие в этой "чистке" и прикрывавших долину с высокогорной левой стороны, есть потери - несколько человек (точное количество, естественно, неизвестно) погибли от переохлаждения и истощения сил.

Не повезло мужикам - сухпай, скорее всего, им вовремя не подкинули, а кишлаков на такой-то высоте оказалось, к сожалению, не густо...

ОТХОДНАЯ

Самыми результативными боевыми операциями в нашем полку всегда считались операции по реализации разведданных. Основное отличие их от всех остальных заключалось в том, что подразделения выходили не просто куда-то в горы или в предполагаемый душманский кишлачок, а в конкретное, заранее "вычисленное", находившееся под наблюдением место. Все что угодно: район ночлега правоверных или зимней стоянки их мобильных отрядов, баз оружия или провианта, либо просто населенный пункт - личная собственность какого-либо влиятельного духа.

Операции подобного рода отличались еще и тем, что всегда были тщательно и четко спланированы. Проводились они быстро - без изнурительной, выматывающей нервы подготовки и, что для солдат самое главное, - без многочасовых убийственных горных переходов на виду у всей провинции.

Разведданные поставляли в полк две "фирмы": разведуправление армейская структура и спецподразделение "Кобальт" - структура КГБ (во всяком случае - нам так говорили, правда сейчас выясняется, что все же МВД). И те, и другие жили в городе вместе с военспецами (и сами являлись таковыми), в расположении части они появлялись весьма редко и были окружены сияющим ореолом секретности и таинственности, а следовательно, и огромным количеством самых невероятных слухов. На боевых выходах представители разведуправления или "Кобальта" были не частыми гостями. Например, начальника разведки я почти за два с половиной года службы видел в горах только один раз, во время бахаракской колонны в марте 1983 года.

О деятельности армейской разведки мы вообще не знали ничего. Известна была только фамилия начальника, молодого полковника с внешностью героя-комбата - Орлов. После демобилизации из разговоров с другими "афганцами" я выяснил, что и в других гарнизонах, раскинутых от Джелалабада до Хайратона, начальники разведок носили ту же фамилию (впрочем, я не настаиваю - у меня всего два свидетельства).

С "Кобальтом" дела обстояли немного иначе. Офицеры этой группы намного чаще ходили с нами, правда, исключительно на "свои" реализации, либо принимали участие в крупных полковых акциях (на месте оперативно отсеивали "материал" - пленных). Неоднократно "Кобальт" и сам проводил операции. Для этой цели ему выделяли какое-либо подразделение второго батальона, чаще

всего одну роту.

Нам были известны основные методы их работы, вернее - казалось так. Да никто и не делал из них особого секрета. Половину оперативной информации кобальтовцы добывали через стукачей (по определению начальника политотдела части - "прогрессивной части местного населения, вставшей на решительную борьбу против незаконных бандитских формирований мятежников") и внедренных в группировки моджахедов агентов из числа ХАДовцев, присылаемых по обмену из соседних провинций (так они утверждали, во всяком случае). Вторую половину данных "Кобальт" добывал у пленных.

Нетрудно представить, какие жуткие, леденящие кровь байки ходили в полку о том, что делают с духами в "Кобальте". Все, естественно, исходили из собственного опыта "общения" с захваченными в плен. И это невзирая на постоянную угрозу трибунала. Реального, а не мифического.

Но, как выяснилось впоследствии, все эти слухи оказались ложью. По рассказам моего земляка, сержанта погранвойск Александра Лунева, все время прослужившего в охране "Кобальта" (вот уж точно - "блатная служба": два года в кроссовках и джинсовом костюме!), рядовой состав при допросах пленных никогда не присутствует. Воплей и криков тоже никто из солдат не слышал. Правда, частенько после очередного "посетителя" в мусорном ведре находили использованные ампулы от неизвестного препарата. Но это, опять-таки, ни о чем не говорит. Когда пленных передавали из "Кобальта" в ХАД, вид они имели вполне нормальный и пребывали в добром здравии, чего не скажешь об их душевном состоянии - в местной госбезопасности, ХАДе, пленных либо сразу отпускали, либо сразу "шлепали". Другой диалектики там не признавали.

Мы относились к офицерам из "Кобальта" с известной опаской и в то же время с определенным уважением. На боевых выходах они показывали себя с самой лучшей стороны. Это мы ценить умели.

За два года, проведенные в ДРА, я дважды был свидетелем расстрела, и оба раза именно на операциях по реализации разведданных и в присутствии офицеров "Кобальта".

Но вначале небольшая предыстория.

У советского солдата, помимо его основной обязанности или специальности, есть еще несколько - внештатных, так называемая "взаимозаменяемость". Любой старослужащий солдат (если не дебил, конечно) в случае необходимости может принять на себя командование отделением или даже взводом, работать из любого вида стрелкового оружия (в том числе и орудий БМП), провести

несложные реанимационные мероприятия и оказать раненому первую медицинскую помощь, снять простую мину и прочее.

У меня благодаря болезненно-педантичному складу характера была целая гирлянда подобных побочных специальностей и обязанностей, в том числе внештатный санинструктор взвода. Я всегда носил с собой несколько перевязочных пакетов, пяток жгутов, половину командирского промедола и был обязан заниматься всеми ранеными взвода и роты до подхода профессиональных медработников.

В начале февраля 1984 года ко мне подошел фельдшер батальона и предложил принять участие в проводимой шестой мотострелковой и одним из взводов разведроты операции по линии "Кобальта" в качестве штатного санинструктора. У нас во втором МСБ было два медбрата, но оба в это время находились в госпиталях.

Я не помню случая, чтобы солдат одного подразделения официально участвовал в операции чужой роты. Даже временно и даже санинструктором. Ведь все "временное" очень быстро превращается в постоянное, а должность "санинструктор батальона" - тыловая, и у нас к подобным вещам относились ревниво. Я горячей радости идти на операцию "чужаком" не изъявил и, совершенно уверенный, что меня не отпустят, послал фельдшера к старшему лейтенанту Пухову.

Но мои расчеты не оправдались. Прапорщик медслужбы оказался парнем ушлым. Он нашел к Пухову какой-то особый подход, и тот предоставил нам право все решать самостоятельно. Я подумал-подумал и согласился.

Выходили мы ночью. Я пошел налегке, взял лишь бронежилет, пару "эфок", АКС взводного да десяток длинных магазинов. Ротный лично проверил мое снаряжение, отдал собственную коробку обезболивающего и пару пачек цивильного "Ростова". Потом отвел меня ко второму КПП и, быстренько переговорив с командиром шестой роты, сказал:

- Идешь вот за ним. Это крутой мужик - от него ни на шаг. Все! Удачи... и смотри там - осторожно.

К рассвету в ускоренном темпе мы протопали километров десять и выскочили на кольцевой гребень с небольшим, прилепившимся в полукилометре под нами, ободранным кишлачком.

Помимо шестой МСР и разведвзвода в группе шли еще три расчета минометной батареи и отдельный офицерский батальон ХАД - человек пятьдесят. Хадовцы первыми и спустились в кишлак.

Как они его там "шмонали", я не знаю. Скорее всего - никак.

Судя по всему, хадовцы шли не на прочесывание, а за кем-то, ранее им известным. Когда союзнички начали подъем на наши позиции, им в спину дружно ударило с десяток винтовок и несколько АКМов. Хадовцы рванулись назад, засели в крайних усадьбах, обозначили себя ракетами и дымами и завязали бой.

Расстояние в пятьсот - семьсот метров, да еще сверху вниз, для стрелкового оружия - ничто; плюс три миномета да штуки три АГСа... Минут за двадцать подавили большинство огневых точек, и ХАД вновь пошел на прочесывание. Духи тоже даром время не теряли - рассредоточились по кишлаку и стали планомерно выбивать хадовцев одного за другим.

Взять изнутри штурмом населенный пункт в тридцать - сорок домов (даже с мощным блокирующим прикрытием) для пятидесяти человек - просто нереально. Если же перед атакой не были проведены артиллерийские и авиационные удары, а штурмующая команда не имеет снайперов и пулеметов прикрытия, да и сами налегке - ни касок, ни бронежилетов, - то и вовсе дело безнадежное.

Так оно и получилось. Хадовцы не прошли и трети кишлака, как уже потеряли человек пять, да раненых - четверо. Правда, захватили одного духа вместе с "буром".

Начали отход. Взяли восемь мужиков из местных, не моджахедов, поставили их живым щитом сзади и ринулись под шквалом прикрытия вверх. Духи поначалу не стреляли, и батальон почти успел подняться на гребень, но когда хадовцы полностью вытянулись по склону и заграждение уже никого, кроме последних не прикрывало, духи аккуратненько, одиночными, сняли еще несколько человек "на посошок".

У самой вершины ранили последнего - вопли, суета - явно не рядовой боец. Пока смотрели, что и как, слышу крик:

- Санинструктор, твою мать!

А я в горячке и забыл, что тут делаю. Ничего, напомнили...

Пожалев об оставленной в роте каске, я кинулся вниз. Три ХАДовца, накрыв собой четвертого, лежали на снегу, скупо отстреливаясь. Я сразу понял, в чем тут дело: привыкли с пятью магазинами в горы ходить, теперь же - БК на исходе. А самое интересное только начинается...

Я бухнулся рядом, показываю, мол, выползайте - прикрою. А ребятки сами не ранены - ранен тот, что под ними, это они его своими телами прикрывают. Ребятки меня поняли, спорить не стали (а как тут поспоришь - под огнем, что ли, перевязывать?!), подхватили тело на руки, и только пятки засверкали.

Я чуть-чуть потарахтел, у самого патроны на счет. И лишь бойцы скрылись за хребтом, помчался следом. Оно хоть и

пятидесяти метров до своих не будет, а все равно страшно: один, на виду у всего кишлака с духами.

Прибежал, пока отдышался, солдаты уже с раненого, явно - командира, бронежилет стянули и показывают мне дырку в боку. Осмотреть толком не успел, показывают еще что-то на теле. Я перегнулся через раненого и увидел, что под кожей левого подреберья у него катается пуля, да какая! В палец толщиной и сантиметра три-четыре в длину. Раненый только хрипит, от боли даже стонать не может.

Я с ходу сделал ему по очереди сразу две ампулы промедола. Результата никакого. Добавил еще одну. Командир минометчиков невзначай напомнил о пустых капсулах, а ротный, и впрямь крутой мужик, поинтересовался:

- Не многовато, а?

- Да ему уже все равно...

- Что так?

- Через броню - в печень и сквозь весь живот - в левый бок. Пуля с другой стороны, под кожей прощупывается - "бур"... Он труп, считай.

- Ничего нельзя сделать?

- Ну, снега сейчас навалю под свитер, и все. Может, довезут... А кто он?

- Замполит ихний. Он им, что батя...

Тут мы услышали какой-то дикий, перебиваемый скорострельной тарабарщиной, животный визг и, повернувшись, увидели, как солдат афганского батальона, явно в исступлении, кидается на стоявшего на коленях пленного. Его пытаются оттащить двое других ХАДовцев, но у них ничего не получается. Солдат впал в истерику и явно невменяем. Проламываясь через четыре сдерживающих его руки, он откинутым прикладом АКМа молотил пленного по голове.

А тот, не отворачиваясь и не пригибаясь, смотрел на него в упор. И во взгляде одни лишь ненависть, ненависть и презрение...

Припадок бойца остановил короткий властный окрик, раздавшийся позади нас. Мы повернулись. Сзади подходил хадовец-офицер. Мы сразу это поняли, хотя он был и в бронежилете. И еще мы поняли, что этот высокий, крепкий таджик всему здесь Хозяин и что подчиненные почитают его за Господа Бога. Почувствовал это и ротный и невольно подтянулся. Хотя подобное с ним вряд ли случалось часто - шестая МСР и сама ведь не подарок...

На отличном русском языке он кратко спросил о состоянии своего заместителя. Вытянувшись по стойке "смирно" (кто он мне такой, спрашивается?!), я доложил о характере ранения и о

неутешительном прогнозе. Поверил он мне или нет, не знаю. Но комбат тут же крикнул:

- Где врач?!

Через несколько секунд, бросив остальных раненых, к нам примчался взмыленный фельдшер.

Мои предположения он подтвердил. Хадовец выслушал их молча, потом вдруг подошел к брошенной наземь винтовке, передернув затвор, выбросил один патрон, в два приема выломил из него пулю и, повернувшись ко мне спросил:

- Такая?

Я подошел, взял в руку пулю и тоже молча кивнул головой:

- Такая.

Хадовец развернулся и одним легким жестом подозвал двух офицеров "Кобальта". Те не посмели не подчиниться ему и подбежали едва ли не рысью.

Он спросил, все ли у них в порядке и что они еще хотят делать в этом кишлаке. Офицеры ответили, что вертолеты на подходе, "Град" в полку тоже готов, сейчас заберут тела, и можно отходить. Хадовец выслушал их, согласно кивнул и, отвернувшись, уперся тяжким взглядом в раскинувшийся под ногами кишлак.

Офицеры не ушли. Выразительно обменялись многозначительными взглядами. Один, как бы в ответ, легко пожал плечами, а второй, указав на пленного, спросил:

- Ну, так мы этого мудака забираем7

- Нет...

- Но мы же договаривались?!

Хадовец не отвечал...

Пауза затянулась. Один из кобальтовцев пару раз вопросительно зыркнул на меня, мол, чего я тут делаю, а потом опять повернулся к хадовцу:

- Мы утром его вам вернем!

Хадовец еще немного помолчал и все так же, не поворачиваясь, отрезал:

- Все остаются здесь...

Кобальтовцы для приличия перекинулись с ним еще парой фраз и, раздосадованные, отошли в сторону.

Появились вертолеты. Мы загрузили раненых и убитых. С ними улетел один кобальтовец. Второй поманил меня пальчиком и мягонько так выяснил, что я делал рядом с командиром батальона ХАД. Я в ответ тактично прошелся по неуступчивой натуре "восточных деспотов" и традиционно "пожалился" на "руки связаны". Кобальтовец, удовлетворенный моим примерным поведением, согласно закивал головой и, угостив офицерской

сигареткой, сказал:

- Минут через двадцать отчаливаем - держись рядом...

Пока грузили раненых и начали отход, комбат-хадовец допросил пленного. Задал несколько вопросов, потом пару раз прошелся глазами и... не пригибавшийся под ударами автоматного приклада пленный опустил голову. Рядовые хадовцы, сидевшие на снегу в нескольких метрах поодаль, так вообще чуть не попадали ниц.

Комбат отдал им какой-то приказ, и, когда те почти мгновенно исчезли, он вдруг скинул с плеча АКМ, врезал короткой очередью по пленному и, закинув автомат за спину, двинулся следом.

К тому времени я уже достаточно видел покойников, видел и как умирают, но в этой гибели было что-то более страшное, чем смерть сама по себе.

Нет, все произошло без особых конвульсий - пару раз дернулся, и затих. Не было и невыразимого ужаса в глазах, как у кишлачных жителей. Наоборот, увидев, как офицер снимает автомат с предохранителя, пленный даже чуть выпрямился, и расправил грудь.

Меня поразило не столько то, как встретил свою смерть пленный, сколько то, как эту смерть принес комбат-хадовец. Было такое впечатление, что командир "Соколиков" не приговор привел в исполнение, не врага казнил, не человека убил, а сделал что-то будничное, обычное, о чем забыл еще до выстрела. Никаких эмоций в глазах, никаких чувств на лице, вообще ничего словно в воздух выстрелил, подал какой-то сигнал, а не в человека, пусть и духа. Убийство вообще противоестественно, даже на войне - сколько ни смотри на трупы, все равно каждый раз внутри что-то дергается. Но этот расстрел был из ряда вон! Какой-то абсурд, как сон, что ли, - изначально нереальный.

Стоявшие вокруг напряженно молчали, даже офицеры, даже кобальтовец. Проводив ХАД, командир шестой роты многозначительно кивнул на кишлачных мужиков и неизвестно кого спросил:

- Ну... А что с этими ублюдками делать?

Кто-то с натянутым смешком ответил:

- Тебя хадовцы забыли спросить!

Мужички тем временем под шумок подцепили тело и спокойно двинулись восвояси. После командира "Соколиков" слова какого-то ротного для них, наверное, уже мало что значили. Он сам это понял и лишь скривился:

- Ну-ну... идите, голуби, идите...

Но интонации его все равно были слишком выразительны, и

капитан-минометчик, пожилой дядька, недавно сменивший в должности балагура Белова, неопределенно протянул в ответ:

- Да на кой они нужны?! Все равно сейчас накроют...

Ротный на этот счет, судя по всему, имел свою точку зрения и после короткой паузы спросил стоявшего рядом кобальтовца:

- Ну что, старшой, "Град" будем ждать? А?

Тот сделал неопределенный жест, мол, как хотите. Офицеры криво ухмыльнулись и двинулись к краю гребня... Жизнь кишлачных мужичков в тот момент ценилась не выше автоматного патрона. И не пристрели комбат-хадовец у меня на глазах пленного, я, наверное, тоже пошел бы вслед за остальными. А что? У меня оставалось еще три сорокапятипатронных магазина - вполне можно было один потратить! Такая потеха в конце операции...

Но не пошел... Старший лейтенант кобальтовец и командир минометчиков тоже остались на месте. А офицеры, двинувшиеся к краю гребня, через несколько минут возвратились, и особой радости на их лицах я что-то не заметил. Грязненькая в тот день выдалась нам работенка...

А замполита своего хадовцы так до санчасти и не довезли - умер в вертолете.

x x x

Второй эпизод произошел летом восемьдесят четвертого, во время рейда в урочище Аргу.

Где-то в середине операции утром мы встали на блокирование, и тут Звонарева по связи вызывают к стоянке штаба батальона. Серега, оставив две машины на высоте и прихватив с собой несколько человек, на сто сорок девятой рванул к комбату. Там уже нас ждала командирская Пухова и КШМка штаба полка с начальником особого отдела и двумя-тремя незнакомыми офицерами.

Морпех сразу указал Сереге на штабную машину, и через несколько минут тот уже получал инструкции.

- Возьмешь этих ребят, - штабной майор кивнул в сторону двух молодых офицеров, - и смотаешься с ними в кишлачок. Там разведрота, так что ничего военного не предвидится. Заберете одного педрилу, "Кобальт" мне уже плешь натер из-за него...

Серега кивнул, быстро переговорил о чем-то с Пуховым. Тот со своей машины подкинул пару пулеметчиков, кобальтовцы свистнули стоявшему на земле бабаю, тоже офицеру, но только из ХАДа, и через полчаса мы примчались на место.

Крошечный кишлачишко, домишек в десять. Да и то не дома, а так развалюхи. Половина явно нежилые. А вот на самом конце, с краю, прилепившись к склону, стоит настоящий дом, усадьба! Вот туда-то и направлялась наша команда.

Машину и обоих пулеметчиков ротного оставили у границы селения, склон прикрывать, а сами цепью пошли к дому. Опасности вроде бы никакой. Сзади виднелось старое русло реки да на протяжении нескольких километров поле, усыпанное округлыми камнями.

Пришли благополучно. В усадьбе никого. Но офицеры говорят: "Должен быть! Некуда ему деться!" И действительно, через пять минут в одной полуподвальной клуне мы нашли здорового молодого мужика лет тридцати-тридцати пяти. Выходить сам он не захотел, а когда попытались вытащить его оттуда силком, начал брыкаться, кусаться и орать благим матом. Пришлось объясняться с ним по-другому. С двух ударов прикладами его успокоили, и через несколько минут мужик оказался во дворе. Мы окатили его водой из фляг. Мужик стал приходить в себя и хадовец о чем-то его спросил.

Мужик тут же сделал непонимающее лицо и с ходу отрицательно замотал головой. Толмач повернулся к офицерам и перевел:

- Утверждает, что ничего им не говорил.

Один из них, помладше, сказал:

- Да врет, сучара!

Хадовец понимающе кивнул, скинул с плеча автомат, как-то франтовато его в руках перекрутил и неожиданно очень сильно засадил мужику стволом в солнечное сплетение.

Когда тот опять стал что-либо понимать, ему повторили вопрос и, по-моему, что-то еще сверх того пообещали. Причем такое, что бедолагу всего передернуло. Стоя на коленях, он обвел полубезумным взглядом окруживших его людей и в знак согласия мелко затрусил головой.

Ребята из "Кобальта" хором воскликнули:

- Что говорил?!

Афганский гэбист перевел вопрос, внимательно выслушал ответ и подтвердил:

- Так и есть...

Старший со словами: "Ах ты, мразь вонючая!" - от всей души хрястнул мужика носком ботинка в лицо, а когда тот, захрюкав, растянулся на земле, добавил еще разик - промеж ног. Мужик и вовсе завыл и забился в судорогах.

Пока он корчился в пыли, офицеры вкратце объяснили суть происходящего.

Этот дядька вместе с еще несколькими из соседних селений был так называемым "наблюдателем", то есть за определенную плату следил за передвижением духов, выспрашивал, где те прячут свои базы, хранилища и прочее, а потом передавал сведения нашим - шурави. Но вот стало известно, что мужичонка по какой-то причине "сдал" моджахедам то ли связного, то ли важного осведомителя ХАД. Ребята Джумалутдина быстренько его разыскали и каким-то особо изощренным способом прикончили. Кто-кто, а они вообще были мастерами на подобные штучки. А чтобы остальным тоже неповадно было "стучать", за компанию вырезали и всю его семью. Этим они славились не меньше. Кобальтовцы молниеносно "вычислили" инициатора провала ценной агентурной сети и, дождавшись первой оказии, нанесли своему неверному "сотруднику" визит вежливости.

Наконец старший офицер приказал:

- Ладно, поднимайте этого урода, поедем...

Мы попытались поставить мужика на ноги. Но он опять по-собачьи завыл и стал яростно упираться. Ему еще разок хорошенько врезали, на что Васек не удержался и прокомментировал:

- Ой! Оставтя мяня хлопци - дайте памяреть!

Все засмеялись, а старший кобальтовец, холодно улыбнувшись, серьезно сказал:

- Действительно... Женя! Прочти дяде отходную...

Второй кивнул и сделал шаг в направлении хозяина. Тот по Жениному лицу да по нашей реакции понял, что сейчас произойдет и, как-то мгновенно став мельче и еще несчастней, обреченно затих.

Офицер неспешно достал из кобуры ПМ, не торопясь обошел сжавшуюся фигурку вокруг, двумя руками мягко наклонил голову мужика вниз и, сделав полшага назад, вопросительно посмотрел на нас, стоявших на воображаемой линии огня. Лицо у Жени было спокойно, но повадки говорили о каком-то опыте и серьезности намерений, и мы, осознав, что это не шутки, не спектакль, что воображаемая линия имеет все шансы превратиться во вполне реальную, отошли в сторону.

Дядька стоял на коленях с все так же наклоненной, как бы зафиксированной головой и что- то еле слышно бормотал себе под нос. Женя медленно поднял пистолет, аккуратно большим пальцем правой руки сбросил предохранитель, потом взвел курок и, через равный со всеми этими действиями промежуток времени, нажал на спусковой крючок.

Выстрелом мужику размозжило верхнюю половину лица и отшвырнуло тело на метр вперед. Он еще несколько секунд

подергался, посучил ногами по земле и пару раз нелепо изогнулся. Женя опустил пистолет, опять, очень мягко, отпустил курок, потом поставил его на предохранитель, все так же - плавными движениями большого пальца правой руки. Немного бравируя, переступил через затихшее тело и двинулся к нашей машине. Его напарник вместе с афганцем последовали за ним. Ну и нам там больше делать было нечего.

Сейчас, вспоминая этот эпизод, я думаю, что все же это было не так противно, как тогда - в феврале восемьдесят четвертого. Помню, никого этот расстрел особо не шокировал. На обратном пути мы о чем-то оживленно болтали, даже смеялись над покойничком, над тем, как он немужественно хрюкал. С ребятами из "Кобальта" попрощались тепло и за руку. И никто после этих рукопожатий руки о штаны не отирал. Почему так произошло, я, кажется, понял.

Большинство из стоявших вокруг, впервые видели расстрел собственными глазами. Для них - это была казнь. Женя, прострелив затылок, осознавал, что он делает. Какой-то, видимо, у них принятый ритуал соблюдал и даже проявил своеобразный гуманизм - дал приговоренному несколько секунд помолиться, опустил голову так, чтобы пуля прошла сразу через мозговой столб и смерть была не мучительна. А главное, кощунственно это или нет, но у него в глазах было какое-то чувство, - пусть интерес, даже любопытство, но он нечто чувствовал.

А тогда, зимой, убили человека походя, - как таракана, как вошь раздавили и, по-моему, этого даже и не заметили... Страшно, абсурдно, нелогично, но именно так - хлоп, и все. Нет человека. И не было...

НАЕМНИКИ

У нас было много видов боевых операций. Наверное, не меньше десяти. Относились мы к ним по-разному. Одних ждали, и даже иной раз с нетерпением, о других же думали - хоть бы пронесло. Самым ненавистным среди них был, конечно же, рейд, особенно зимний. Наиболее долгожданными считались колонны. Они же были и самыми легкими. Относительно, конечно. Но существовала одна разновидность боевых действий, перед которой меркли даже прелести осенних колонн - "оперативные мероприятия по призыву добровольцев в Народную Армию ДРА". Настоящий праздник в рейдовых частях.

Проводились эти акции два раза в год - месяц после сева, весной, и месяц после уборки, осенью. Помимо разведки, второго батальона и саперов в них обязательно принимали участие подразделения афганского КГБ и МВД, соответственно ХАД и царандой. И всегда, без исключений, с ними действовала наиболее сильная, по-настоящему боеспособная группа "соколиков Бори Карамелькина" ("подпольная" кличка Бабрака Кармаля) - офицерский батальон местного ГБ, бойцы которого, человек пятьдесят в звании от лейтенантов до майоров, в свое время прошли подготовку в высших военных заведениях и спецшколах СССР.

Призывали "добровольцев" следующим образом: утром из расположения части выходила мощная бронегруппа. Она блокировала какой-либо близлежащий кишлачок, туда входила пехота, и представители местных спецслужб, согнав всех жителей на площадку перед мечетью, уводили под конвоем лиц, подлежащих мобилизации. А таких находилось немало. Вечером подразделения возвращались в полк, а утром все повторялось заново, но уже в более дальнем населенном пункте.

По законам ДРА в армии служили два срока. Первый раз три года. Потом солдатам давали двухгодичный отпуск и, если запасник за это время не обзаводился семьей и не "рожал" определенное количество детей, по слухам, двоих, то его забирали еще раз, но уже на четыре года. Где демобилизовавшемуся солдату взять денег на покупку хотя бы одной жены и чем эту жену с двумя детишками прокормить, никого, кажется, особенно не интересовало. Не захочешь служить второй срок - найдешь!

Всех захваченных в ходе прочесываний новобранцев собирали в "призывной пункт" - считай, концлагерь. Чтоб не было никаких инцидентов, его разбили прямо на территории полка сарбозов.

Там в течение двух месяцев новобранцам усиленно промывали мозги: шесь-восемь часов в день политзанятия на тему: "Великие завоевания освободительной Апрельской Революции". Потом более кратко объясняли, как обращаться с оружием и выполнять команды, а также, уже чуть подробней, что за невыполнение этих команд с ними могут сделать. После этого брили (всегда наголо, не считаясь с тем, что в многонациональной стране по религиозным установлениям многим запрещалось оголять голову), мыли, выводили насекомых, вручали форму, автоматы и распределяли по подразделениям. Через полгода две трети призывников сбегали, зачастую с выданными АКМами, или "попадали в плен", тоже почему-то вместе с автоматом. Но к этому времени мы совместно с ХАД и царандоем успевали провести новую акцию, и штаты двадцатого полка Народной Армии были практически всегда полностью укомплектованы.

Дезертиры чаще всего уходили к моджахедам. Потом бежали домой, потом иногда возвращались в свою часть и вновь бросались в бега. Известны случаи, когда один и тот же воин семь-восемь раз менял воюющие стороны и ничего - и у тех и у других это сходило ему с рук. Недаром сарбозы во время боя стреляли, как правило, метров на триста выше целей и обычно после первых же признаков серьезной схватки поднимались в полный рост и, не торопясь, уходили, чуть ли не наступая на наши головы. И что любопытно: когда они не спеша вставали и поворачивались к духам спиной, то те тоже по ним почему-то "не попадали".

Поэтому рассчитывать мы могли только на "Борькиных соколиков". Уж им-то точно терять было нечего. Смертники! В плен "соколиков" не брали. Зато они под прикрытием шурави всегда успешно набирали рекрутов.

Для пехоты такие операции - сущее блаженство. Всегда на машинах и практически никаких обстрелов. Переходы не более одного километра, да и то по равнине. Кишлачки подбирались в относительно мирных районах. (А вот из "немирного" Гузык_Дары или Карамугуля мы ни одного человека так и не призвали). Вдоволь было во время этих походов свежих овощей, фруктов, "беспризорной" живности, всевозможных "бакшишей", а также обилие "плана" для желающих. А самое главное - месяц вольной жизни вдали от нарядов, караулов, хозяйственных работ и уставной нервотрепки. Утром уехали, ночью приехали оружие под койку (молодые бессменного наряда по роте перед подъемом почистят), искупались в Кокче, поели и спать. Утром опять на машины; прямо отпуск при части!

Схема набора "добровольцев" действовала безотказно до

весны 1984 года, а потом начала давать сбои. За пять лет призывной работы объединенной коалиции двух народных армий местное население наконец-то пришло к глубокому умозаключению: если во время облав уйти куда-нибудь подальше, то можно избежать не только второго, но и первого призыва. Всего-то и дел: погулять месяц весной да месяц осенью.

И вот за май 1984 года мы собрали человек десять каких-то доходяг. После трех недель безуспешной беготни нас построили на развод, вышедший перед строем начпо срывавшимся голоском произнес сакраментальную фразу: "План не выполнен..." Действительно - какой ужас! Крах социалистической системы тотального планирования... Подрасстрельная статья!

Отцы-командиры приняли соломоново решение: попаслись на приусадебном участке и хватит! Пора и на дальние пастбища...

Пошли на дальние. За неполную неделю нахватали "добровольцев" еще на один двадцатый полк. Но там все было уже не так гладко, как в ближних кишлаках. Все-таки вотчина самого Вадута. И именно там одному из подразделений нашей части пришлось схлестнуться с полумифическими, ранее никем в живую не виданными настоящими наемниками.

О том, что в провинции Бадахшан есть профессиональные "солдаты удачи", да еще европейцы, нам рассказывали задолго до этого случая. Даже называлась предположительная численность: группа "доктора Шульца" - сборная команда человек в семь, как говорили офицеры, "вольные художники". Потом взвод французских "коммандос", якобы бывших "легионеров", охранявших французский госпиталь Красного Креста с Полумесяцем и лично "папика" Вадута. Поскольку этот госпиталь находился под его покровительством, товарищ Вадут вполне мог позволить себе подобную роскошь.

Слухи об этом госпитале подтвердились в конце 1985 года, когда группа имеющих статус дипломатической неприкосновенности врачей-европейцев неожиданно нагрянула к нам в полк и устроила дикий скандал по поводу применения советским контингентом запрещенных международными конвенциями варварских видов оружия, в частности игольчатой шрапнели и бомб аэрозольного наполнения (мы их называли "вакуумными").

Работу наемников и иностранных военных специалистов мы видели и раньше. Великолепные укрепрайоны и мастерски выполненные огневые точки возводились под их непосредственным руководством. Иногда моджахеды проводили до того удачные огневые налеты по нашим позициям, что мы их тут же приписывали тоже наемникам. Бахаракский погром, по

крайней мере, отнесли на их счет. Правда, многим было непонятно, с чего бы вдруг профи стали использовать устаревшие и не очень-то подходящие для подобных операций "буры"? И вот только тогда, летом восемьдесят четвертого, мы в первый и последний раз встретились с наемниками лицом к лицу. К несчастью, познакомилось с "рэйнджерами" наше тыловое подразделение: третья рота первого мотострелкового батальона, занимавшаяся охраной аэродрома. Ранее она принимала участие в боевой операции только один раз, в начале мая восемьдесят четвертого года, и потеряла там одного солдата.

Проводился подготовительный "прогон" к намечавшемуся через полтора месяца рейду в урочище Аргу. На одном из привалов во время ночного перехода молодой солдатик, видимо, крепко уснул, а когда проснулся - подразделение уже ушло. На следующий день нас бросили на скоростное прочесывание, но солдата мы так и не нашли - пропал без вести. Командира третьей роты на разводе после операции полкач чуть-чуть прилюдно не изнасиловал. И вот новый выход...

x x x

На второй день массовых мероприятий призывной комиссии третья мотострелковая шла по правому краю долины Аргу. Часам к двенадцати поступил приказ перекрыть такой-то кишлак и ждать подхода группы, которая займется его шмоном. (Все же у командования хватило ума не кидать тыловиков на непосредственное прочесывание). Они лишь поднялись на небольшой вытянутый холмик, легли за гребень, но не стали окапываться. По словам бойцов скат был не хуже любого бруствера. Метрах в пятидесяти, через овраг, практически на одной линии с их позициями, находилось маленькое ухоженное селеньице. Можно было и спокойно позагорать на этом бруствере, пока не подойдет натренированная на шмонах группа.

Не успела "кишлачная команда" и на горизонте появиться, как из населенного пункта выехал верхом небольшой отряд: благообразный старик (предположительно, сам хозяин) и четыре мужичка, все в халатах, в традиционных головных уборах и без оружия. Пока офицеры связывались с командованием и решали вопрос, что делать с явно мирными, но, судя по виду, "богатенькими" мужиками, те перешли овражек и спокойно поехали, как раз перпендикулярно тому самому скату, что "не хуже любого бруствера", в сторону от развалившейся на солнышке роты. Командиры решили все же мужиков повернуть: как это так,

их не обшмонали, а они уже уезжают! Не долго думая, взяли да и врезали перед ними пулеметную очередь. И что тут началось!..

Дедушка даже головой не повел... Складывалось впечатление, что он всю жизнь ездит этой дорогой и все шестьдесят лет его по десять раз на дню пытаются остановить из ПК. Как ехал шагом, так и продолжал ехать. Даже не шелохнулся. А вот его спутники, напротив, продемонстрировали завидную сноровку...

Еще не успели по пыльной дороге подняться последние султанчики, как мужики буквально слетели с коней, с них тут же сама собой спала одежда байских сынков, и перед раскрывшими рты шурави предстали четверо молодцов в увешанных всякими интересными штучками бронежилетах и затянутых с головы до ног в серо-бело-защитно-песочные горные камуфляжи. На спинах у них были закреплены небольшие автоматы. И через доли секунды на импровизированный бруствер обрушился настоящий огненный шквал.

По свидетельству моего земляка, младшего сержанта Труфанова, все произошло настолько быстро, что никто не успел даже снять оружие с предохранителей. Рота, в прямом смысле слова, была сметена за склон и на первую секунду боя уже имела четверых раненых. Пока солдаты пришли в себя и, понукаемые офицерами, вновь высунулись из-за склона, диспозиция серьезно изменилась.

Один из телохранителей уводил под уздцы лошадь с восседавшей на ней статуей старика в близлежащую лощину. Трое других успели за эти секунды покрыть почти половину расстояния, а это метров семьдесят, и теперь, перекатываясь через левое плечо, и, выполняя доселе невиданные трюки, на головоломной скорости, зигзагами, неслись прямо на позицию роты. Но это еще не все: охране аэродрома был продемонстрирован "высший пилотаж" воинского искусства - прицельный огонь на полном ходу.

Телохранители были вооружены относительно маленькими автоматами, значительно уступавшими по мощности, дальнобойности и по другим параметрам всем без исключения образцам стоявшим тогда на вооружении нашей армии. Как потом выяснилось, их "машинки" были рассчитаны под девятимиллиметровый пистолетный патрон. Но именно в той ситуации у этих "игрушек" был один плюс - скорострельность, как у авиационной пушки. Решающий плюс... Ну и, конечно же, мастерство, с каким телохранители с ними управлялись.

Не успели солдаты поверить всему увиденному, как по брустверу прокатился новый свинцовый ураган, и еще двое отлетело вниз: один, с забитыми пылью глазами, от страха, и

второй, командир взвода, схлопотавший разрывную пулю в центр бронежилета. Она посекла ему осколками лицо и руки, опалила шею и, нокаутировав, отшвырнула на несколько метров назад. Впрочем, и все остальные "задетые" имели довольно легкие, аналогичные ранения. До сих пор третья МСР знала только один вид боевых действий: неприцельную очередь или одиночные выстрелы с дистанции в один километр по охраняемой территории. Столкнувшись же со столь необычной тактикой, рота в полном составе побежала... За все время боя солдаты и офицеры сделали всего несколько безрезультатных очередей.

Наемники на позиции не появились и в спину рванувшим от них шурави не стреляли. По-видимому, они определили, что для их объекта опасности больше не существует, и отказались от заманчивой возможности безнаказанно перебить деморализованное подразделение.

Когда усиленная шестой мотострелковой (а она и должна была заняться кишлачком) группа бойцов вернулась за брошенными вещами, то верхового отряда уже и след простыл. Правда, были трофеи: солдаты нашли на месте схватки россыпь отработанных гильз да один утерянный при атаке узкий загнутый магазин от автомата импортного производства. В этом рожке еще оставалось патронов пять, и их разобрали на сувениры солдаты нашего батальона.

Я и сейчас хорошо помню эти патроны: двух сантиметров длиной, аккуратненькие, блестящие; латунная гильза и никелированная тупая головка пули. На торце, по кругу, маркировка 9мм PARA, а с противоположной стороны какие-то циферки. Мы попробовали было зарядить ими ПМ, но пострелять не довелось - в нашем великом государстве даже девять миллиметров толще, чем во всем остальном мире (по международным стандартам калибр ПМ соответствует 9,2 мм).

После возвращения в полк была проведена очередная публичная экзекуция. Если бы Сидоров мог, он прямо на разводе задушил бы командира третьей мотострелковой. Но честь советского офицера не позволила ему пасть до душегубства, и он ограничился лишь тем, что долго и со всеми подробностями рассказывал, как трое вооруженных какими-то пукалками "рэйнджопера-засранца" обратили в бегство целую, чуть ли не штурмовую, роту. Будь командир третьей мотострелковой на построении с личным оружием, я уверен, он застрелился бы на месте...

После порки Сидоров объявил о предстоящем выходе "примерно в том направлении, но чуточку в другую сторону", и клятвенно пообещал найти тех "говнюков" и "порвать им в клочья

сраки". Еще он заверил, что за труп наемника, помимо правительственной награды, будет выделен отпуск на родину (поистине - чудо из чудес! За всю службу я был знаком только с одним парнем, побывавшем в неслужебном отпуске - мать умерла). Но, конечно же, "рэйнджоперов" не нашли и задницы им не надрали. Зато во время рейда в Аргу на ночевке разгорелся бурный диспут на тему: "Попадись они не третьей, а любой другой..." Спорили долго и яростно. И, в конечном счете, пришли к соглашению. Скорее всего "рэйнджоперов" бы замочили... Старший лейтенант Пухов в обсуждении не участвовал. Но слушал и под занавес, подводя итог, буркнул:

- Да уж: уделать-то уделали бы... Только чего бы это роте стоило.

ВАСЕК

Одной из самых колоритных фигур в третьем мотострелковом взводе был, конечно же, Вася Либоза.

Родился в Белоруссии, в каком-то заброшенном хуторке под Витебском. И жил там до самого призыва в доблестные ряды Советской Армии в мае 1983 года. Полгода Вася провел в Ашхабадской учебке и только поздней осенью попал к нам в полк в звании младшего сержанта.

Но уже через несколько дней он стал абсолютным лидером в "выхватывании" по морде, оставив далеко позади себя и Генулю Чернобая и Сержика Квасова. И, самое интересное, что, в отличие от легендарных ротных оболтусов, Васька чмырем не был. Чистенький, в меру аккуратный и старательный (даже слишком), иногда (очень редко) расторопный, он имел удивительную, феноменальную способность все и всегда делать невпопад.

В характере Васьки слились воедино две, казалось бы, несоединимые черты: редкая хитрость и еще более редкая "простота". Он хитрил по всякому поводу и без повода, но по простоте своей душевной ничего не мог скрыть и в результате через день заступал в наряды, получая бесчисленные тумаки и затрещины.

Насколько я его помню, по-настоящему Ваську никогда не били, в его увертках и оправданиях было столько детской наивности и деревенской простоты, что его грешки чаще вызывали смех, чем раздражение.

Васька вполне мог, заступая в наряд, перед самым разводом потерять эмблемку, а на вопрос: "Где ты ее посеял?" - совершенно серьезно ответить: "Та вот, только что упала!" - и в подтверждение своих слов кидался на пол и упорно, до потери сознания, начинал искать якобы оброненную эмблемку, хотя сам прекрасно знал, что ее там отродясь не было. Или, еще лучше, - уснул он как-то в карауле. Разводящий подошел к нему вместе со всей сменой. Караульные посмеялись над похрапывающим сержантиком и попытались у него из-под руки тихонько вытащить автомат. Но не получилось - Васька проснулся. Разводящий спрашивает, что ж ты, мать-перемать, сука такая, спишь на посту?! Васек и здесь не растерялся: не успев и глаз протереть, резонно ответил: "А я не сплю! Я задумался..."

И таких номеров Либоза выдавал по два-три на день. Разумеется, на сержантскую должность командира второго отделения третьего взвода, которая ему полагалась по штату, никто Ваську не ставил да, кажется, и не собирался ставить. Взвод

вполне обходился двумя сержантами - "замком" Дмитрием Куделей и поднявшимся из рядовых Колей Олексюком. Правда, хотели было назначить на вакантное место Шурика Хрипко, но тот в самый ответственный момент угодил в свой, пожалуй, сотый "залет", и опять-таки из-за Васьки. Только начал "воспитывать" его за какую-то очередную провинность, как в палатку вошел командир первого взвода, принципиальный и бескомпромиссный старший лейтенант Козаков. Пришлось Шурику отсидеть несколько суток на гауптвахте. Сержантское звание в результате он получил только через полгода.

Командованию роты деваться было некуда, и, в конце концов Ваську назначили командиром отделения. А тут и первая операция. И первая не только для него, но и для нового взводного - Сереги Звонарева. Морпех решил обкатать молодых на приусадебном участке.

x x x

Перед выходом нам объявили, что идем в район кишлака Кури. А Кури - это затрапезное селеньице, находившееся через реку, метрах в трехстах от полка. В общем, все, как и задумал Морпех: тактические занятия, реально приближенные к боевой обстановке, - обкатка для молодых.

В нескольких километрах за селением мы вылезли на какой-то обледенелый гребень. Внизу виднелось узкое ущельеце, на дне его, метрах в тридцати под нами то, что у духов называется дорогой.

Просидели мы там часа три, уже начало светать, и тут слышим отдаленный гул. Сразу определили - идет маленький караванчик. Связались с ротным. Остановить, посмотреть. Что не так - "мочить". Серега волнуется, первый раз как-никак. Спрашивает:

- Что в таких случаях делаете?

Отвечаем:

- Короткую очередь из пулемета перед колонной и осветительную ракету, в склон над головами... Хорошо известно, что с воем врезающаяся в камни сорокамиллиметровка действует на нервы похлеще ПК.

По притихшей цепочке передали приказ: "Приготовить гранаты. Без команды не стрелять!" Взвод деловито закопошился и замер. Ждем...

Наконец появились первые неясные тени. Идут тихо. Видно, что в цепи у них несколько навьюченных животных. А больше

ничего в кромешной тьме скального разлома не разобрать. Когда духи вытянулись прямо под нами, кто-то выпустил ракету, а Зубяра, приложившись патронов на двадцать, удовлетворенно хмыкнул: "Ось, як сма-а-ачно!"

Даже в призрачном свете малиновых трассеров и разбившейся о камни "сороковки" было видно, что это полусонно бредущие на базар мирные дехкане. Внизу сразу заверещали, кто-то из них на ломаном русском заголосил срывающимся фальцетом: "Не стреляйте!" - и тут все крики покрыл яростный вопль Васька: "Получа-айте-е... Фашисты!" - а вслед прогремела длиннющая автоматная очередь...

Магазин у него был забит исключительно трассирующими патронами, неизлечимая болезнь всех молодых, и нам показалось, что заметавшиеся по дну ущелья жалкие фигурки все, как одна, были срезаны этим неправдоподобно длинным и столь же неправдоподобно красивым, светящимся, новогодним пунктиром. Оттарахтев из автомата, Васька хотел довести начатое до конца и уже, привстав, размахнулся, было "эфкой", но тут его праведный гнев был остановлен диким ревом десяти с лишним глоток: "Отставить!"

Куделя, рискуя сорваться с обледенелого склона, кинулся к перепуганному Ваське, и через несколько секунд мы услышали ни с чем не сравнимый звук звонких оплеух и перемежаемый отборным матом крик замкомвзвода:

- Где чека, недоносок?! Сюда давай, мать твою! Ищи... Убью тварь безмозглую! Ищи...

Вскоре чеку нашли, граната была благополучно обезврежена, а к нам на позицию с трудом вскарабкался старейшина - самый ветхий из идущих в караванчике бабаев. Как выяснилось, никто, по счастью, не пострадал. Единственная потеря - пробитый в нескольких местах мешок с рисом, навьюченный на одном из ослов. Но перепуганы чурки были, конечно, до мокрых штанов. Пока мы разговаривали с дедулей, на связь вышел Пухов и, узнав, "о чем стрельба", торжественно пообещал по возвращении в часть Васька "употребить". Следом на связи появился Морпех и, поправив ротного, торжественно заверил, что лично "употребит" всех до единого, начиная с Пухова и Звонарева, и заканчивая их домашними животными, если таковые имеются в наличии.

Серега дал отбой, скривил лицо и, сплюнув, сказал:

- Ну, уж в последнем-то никто и не сомневался!

Мы немного посмеялись, в который раз прошлись по звероподобному комбату и, отпустив старика с караванчиком, подозвали Васька. Тот подбежал, вытянулся и "с прогибом" доложил:

- Товарищ лейтенант! Младший сержант Либоза по вашему приказанию прибыл!

Взводный выдержал изощренно долгую паузу, потом расплылся в язвительнейшей улыбке и кивнул:

- Ну... Докладывай.

- А чаво докладывать-та? Все начали палить... И я начал!

Димка Куделя, давясь от смеха, подкатил глаза и тоскливо протянул:

- Господи! За что мне такой идиот под дембель?! А?!

Серега же просиял еще больше и, еле сдерживаясь, выдавил:

- Да я, Вася, не о том... Доложи командиру, как ты умудрился с тридцати метров влепить в толпу целый магазин и ни разу не попасть?!

О, Это было больно. Васька покраснел, потупился и промямлил невнятно что-то о невезении. Когда же мы поинтересовались: "Кому не повезло?" - он вовсе расклеился, и чуть было не прослезился.

После операции мы разрядили его магазин. Посчитали... Оказалось, что наш "антифашист" выпустил по "душманским извергам" шестнадцать патронов. Долго еще подшучивали в полку над "самой длинной" в истории боев за идеалы Апрельской Революции автоматной очередью.

Но как бы там ни было, а этот случай помог Ваське гораздо больше, чем наряды и побои. И хотя он все еще продолжал "откалывать номера", отношение к нему во взводе изменилось явно в лучшую сторону.

Помню, на операции в урочище Аргу начался мощный обстрел стоянки батальона. После первого гранатометного залпа по нашим машинам полусонный Васька подхватил, как ребенка, стоявший на броне АГС (а это сорок пять килограммов) и сиганул с ним наземь. Резво промчавшись метров двадцать и чуть-чуть не раздавив двух молодят, он бухнулся в чужой окоп и сходу открыл беспорядочный огонь. Вообще. В экстремальных ситуациях Васька молодцевато стрелял исключительно беспрерывными очередями. Но на этот раз ему никто не сказал ни слова, словно так оно и должно было быть.

x x x

Второго февраля 1985 года ушла на дембель "нулевая", из числа рядового состава, партия нашего призыва. За пять месяцев до этого из взвода уволились в запас сержанты Хрипко и Олексюк. Теперь уходили мы - последние "осенники" 1982 года:

пулеметчик Гриша Зубенко и два снайпера Богдан Завадский и я. Тринадцатого февраля в час ночи я приехал домой, а в это время третий мотострелковый в составе батальона выходил на свою последнюю операцию в недоброй памяти район Карамугуль - Гузык-Дара.

Ровно год назад, день в день, тоже тринадцатого февраля, у этих кишлаков проводилась операция, в результате которой практически полностью погиб хозвзвод второго МСБ и прикрывавшая его отход группа солдат минометной батареи. Были раненые и в других ротах. У нас - двое: лейтенант Звонарев, получивший пулевую царапину, и впоследствии комиссованный снайпер Валера Доброхвалов, которому разнесло кость под коленным суставом.

И вот новая операция. По письмам и личным свидетельствам очевидцев мне удалось воссоздать относительно полную картину случившейся там трагедии...

Сценарий был тот же: ночью вышли, поднялись на плато. На рассвете дружественные войска ворвалась в пустой кишлак и вернулась ни с чем, а на отходе появились моджахеды Джумалутдина и, отрезая путь начали лупить батальон. Под "раздачу" попало одно из подразделений. В восемьдесят четвертом это был хозвзвод. В восемьдесят пятом - 4 МСР и, особенно, взвод Звонарева...

Многое в этих двух операциях было похожим, но была и существенная разница. В восемьдесят четвертом при отходе поваров, водителей и связистов вел безмозглый прапорщик, и, в общем-то, по его вине на следующий день пришлось выковыривать погибших из-подо льда и собирать по кускам. В восемьдесят же пятом взвод вел опытный лейтенант, один из лучших в полку. Правда, у него были свои проблемы.

В течение полугода из подразделения в тринадцать человек пехоты демобилизовалось шестеро. Еще двое дембелей вот-вот должны были сесть в вертолеты и на операции, естественно, уже не ходили. На смену же "осенникам" же прибыло пополнение, практически не владеющее русским языком (не говоря уже про все остальное!). Все уроженцы Средней Азии, почти все не выше пулемета Калашникова ростом и к тому же перепуганные насмерть. Из старослужащих у Сереги осталось четверо: замкомвзвода сержант Саша Слободянюк, Васька и двое рядовых - Саша Катаев и Феликс Омаров. Последние, правда, были спецами, но, учитывая ситуацию, ходили в горы как пехота.

Во время последнего боя на помощь взводу пришли старослужащие других взводов роты, опытные, все уже повидавшие сержанты Федоров, Михеев, Волков, Павлович. Если

бы не они из Карамугуля не вернулся бы ни один солдат. А про офицеров роты, в этот раз просто - ни слова говорить не буду....

Когда моджахеды зажали взвод, Звонарев, естественно, не стал повторять ошибки "куска-молдавана" и в ущелье не полез, а засел в скалах уже у самого склона. Тут и разгорелся тот последний для него бой...

Решив зажать обходивших их группу бабаев, Серега вместе с Васьком и прапорщиком Асабиным (замена "Деда" Марчука) спустился вниз, где неожиданно, нос к носу, столкнулся с изменившим направление отрядом духов. Рубили друг друга в упор, заканчивали гранатами. Под конец яростной стычки Звонарев получил сквозное пулевое ранение в голову и погиб, так и не поняв, что уже ВСЕ - война для него кончилась. По свидетельству сослуживцев, выставленное у морга тело командира четыре дня наводило ужас на всех, пришедших попрощаться с погибшими, - развороченный, открытый череп и какая-то неестественная, иронично-жизнерадостная, прямо демоническая улыбка на окровавленном лице.

Как пронесло вновь прибывшего и не слишком боевого прапорщика, остается загадкой. Васек же схлопотал несколько неопасных царапин и одну конкретную пулю из АКМа - в ягодицу. У Судьбы, все же чересчур специфическое чувство юмора...

К моменту гибели Сереги еще несколько человек получили различной тяжести ранения. На выходе погиб Хадеев, сержант-татарин и кто-то еще из вновь прибывших.

На помощь взводу прорвалось человек пять-семь своих с роты вместе со старшим сержантом Димкой Федоровым. Поприжав духов, солдаты стали вытаскивать раненых. Опять потери. Тяжелейшее ранение, сделавшее его впоследствии инвалидом, получил Серега Лаер, однокашник Васька по учебке, сержант из второго взвода.

Тела убитых остались прикрывать трое Федоров, Либоза и Катаев. Когда за ними вернулись, Саша Катаев уже был смертельно ранен в голову. Точно также, как Звонарев, только наоборот - в правый висок с выходом над левых ухом, да череп цел остался. Он еще прожил целых восемь дней и умер, не приходя сознание, уже в Кундузском медсанбате.

Вытащили всех.

Через месяц Вася Либоза вернулся в роту и до самого дембеля молодым козликом скакал по горам Бадахшана. Правда ранение ему аукнулось сразу же. Братья-сержанты Федоров, Михеев и Волков, потешаясь от души, говорили:

- Приедешь в деревню, будешь там первый парень. А как же - воевал, награжден и даже ранен! Вот только рана у тебя, братан,

какая-то неправильная... герои обычно пулю спереди получают, ну, на-крайняк, в бок... а как же это тебя - в жопу-то ранили?

Вася улыбался, сладко жмурился и на шуточки друзей не реагировал.

Он был уже не тот, молодой Васек.

Как-то незаметно изменилось все - стал Вася совсем другим... Простым пацаном, хлебнувшим сполна, полным ртом, того дерьма, что почему-то у нас называется героизмом.

ЛАРИСКА, ОРЕХ И МАНЮНЯ

Жизнь в расположении части в перерывах между боевыми выходами - скучна и монотонна. Все время одно и то же: караул, наряд, хозяйственные работы. Три раза в неделю фильм, либо о революции, либо о войне. Распорядок дня таков, что бездельничать, то есть читать книги, тебе тоже не дадут: два развода. Две поименные переклички, физподготовка и прочие прелести гарнизонного быта. Отгулов, как и выходных, естественно, нет. Но солдаты народ изворотливый и, помыкавшись, отдушину себе, дабы не свихнуться, все же нашли: занялись разведением животных.

Не знаю, как обстояли дела в других подразделениях, но мы начали с одомашнивания крыс. Чего-чего, а этого добра у нас хватало с избытком. Поначалу мы с ними вели самую настоящую войну. Правда, летом крысы на глаза нам почти не попадались. Но как только с наступлением зимы в палатках начинали топить "буржуйки", они тут же приходили "на огонек", и у нас открывался сезон большой охоты.

Оказалось, что крысы народ жизнерадостный и очень предрасположенный ко всякого рода незатейливым играм. Они быстро сообразили, что устройство армейской полевой палатки идеально подходит для проведения популярнейшего крысиного аттракциона, который мы тут же окрестили "американскими горками". Выполнялся он следующим образом: иногда по одной, а чаще парами или даже целыми группами крысы взбирались по наклонному скату до самого верха палатки, а потом с радостным писком съезжали на порядочной скорости вниз. Оттуда они прыгали наземь, перебегали под полом на другую сторону палатки и опять - наперегонки.

Скатывались крысы вниз по третьему, внутреннему слою палатки, так называемому "обелителю", и нам изнутри через выпиравшую тоненькую ткань были прекрасно видны не только их животики и резко бьющие по материалу хвосты, но даже коготки и зубы, которыми крысы пользовались при подъеме - скользко все же!

Время от времени на нас находила какая-то одурь. Мы дружно хватали ремни, сапоги и вообще все, что под руку попало, заскакивали на кровати и, дождавшись очередных гонщиков, остервенело лупили по пологу. Иногда попадали, и, если зверек терял сознание, мы вытаскивали его из-под пола и под дикое улюлюканье добивали.

Так продолжалось довольно долго, пока Валерке

Доброхвалову не пришла в голову одна замечательная идея. Он предложил приручить, "одомашнить" крыс. В течение нескольких минут Валера нарисовал нам совершенно идиллическую картинку: усталый, только что вернувшийся с операции взвод сидит поздним вечером вокруг коробки с милым, всеми любимым зверьком и отогревает себе душу в общении с живой природой. Кто-то из дембелей попробовал сопротивляться:

- Ну, вот еще! Такую тварь у себя держать!

Но тут на помощь рассудительному и немногословному Доброхвалову пришел Саня Катаев и в течение часа подробно рассказывал нам все, что когда-либо слышал и что смог придумать по ходу рассказа о "крысином короле".

Слабое сопротивление антикрысиной коалиции было задавлено в зародыше. Кто-то припомнил о своих земляках в ремроте, и через пару часов у нас появилась старая клетка-ловушка. Ржавчину быстренько отчистили, Димку Куделю "раскрутили" на банку офицерского сыра, а молодых разогнали по койкам: "Сидеть тихо и дышать по очереди!"

Не прошло и двадцати минут, как в притихшей палатке раздался звонкий щелчок захлопнувшейся дверцы и еще более громкий протестующий писк. С триумфом ловушка была тут же извлечена из-под "обелителя", и перед нашими взорами предстала здоровенная особь серо-песочного цвета, метавшаяся из угла в угол, яростно бьющая хвостом и остервенело грызущая стальные прутья длинной парой табачных зубов. По огромным, подпиравшим основание хвоста придаткам было определено, что сие чудо есть мужик, и, соответственно, он сразу же был окрещен в память о выдающемся литературном герое Васисуалием Лоханкиным.

То ли ему имя пришлось не по душе, то ли чересчур пристальное внимание, но Васисуалий вдруг скрутился калачиком посреди клетки и мгновенно уснул. Минут пять его безуспешно пытались разбудить, несколько раз легонько ткнули автоматным шомполом в бок, а потом и вовсе окатили кружкой ледяной воды. Вроде бы подействовало... Васисуалий вскочил, сделал несколько виражей по стенам и крыше, потом как-то заторможенно прошелся из конца в конец, лег на бок, пару раз конвульсивно дернулся и затих. Мы глазам своим не поверили умер! От чего?! Думали, думали и решили - разрыв сердца!

Мы устроили еще одну засаду. Ловушка простояла всю ночь и весь день... Но - безрезультатно. Мы сменили засохшую приманку. На следующее утро встали и слышим - писк. Откинули полог, смотрим: сидит светленькая пеструшка (по глубокомысленному заявлению Катаева - "черепаховый окрас" размером вдвое меньше

своего предшественника и, попискивая, за обе щеки уплетает здоровенный кусок плавленого доппайкового сыра. Под хвостом ничего не выпирает - девочка. Шурик Хрипко тут же прошелся насчет бабской выживаемости и подкинул ей еще кусочек. Подруга взвода, не моргнув, тут же умяла и его. Завидный аппетит!

Через несколько минут после физзарядки молодые приволокли из оружейки пустой деревянный ящик, как раз под размер клетки. Потом откуда-то появилась стружка, потом кто-то из дедушек снял с собственного дембельского ящика навесной замочек (вот уж действительно - подвиг самопожертвования!), а заместитель старшины роты Серега Кот, до этого самый ярый противник идеи содержания крыс в неволе, построил наряд и торжественно объявил:

- Наряд по роте. Внимание! Если с ящиком, стоящим под "главной" койкой, что-либо случится - вешайтесь до моего появления! Всем ясно?!

Деваху назвали Лариской, и с первой минуты появления во взводе она стала центром всеобщего внимания. Проблем с ее содержанием у нас не было. Офицеры с пониманием отнеслись к очередной солдатской блажи и, трезво рассудив, что клуб юннатов лучше, нежели клуб юных любителей анаши, ничего против не имели.

Запаха от нее тоже никакого не было, да и двое назначенных по уходу за любимицей салабонов исправно меняли опилки. Истощение девчушке тем более не грозило - прожорливостью она вполне могла затмить любого из чмырей, и к лету, обогнав по габаритам незабвенного Васисуалия, стала толстенной, матерой крысой.

В руки Ларочка, правда, так и не давалась. Из металлической клетки ее к тому времени уже переселили в снарядный ящик, и при любой попытке даже просто погладить она падала на бок, угрожающе изгибала шею и раскрывала свой розовый ротик. Два нижних зубика у нее были сантиметра по два каждый, и нам на всякий случай каждый раз приходилось отдергивать руку. А так ничего ласковая девочка была...

Однажды нам пришлось серьезно поволноваться за свою боевую подругу. В очередных поисках уклоняющихся от святая святых - физподготовки сачков-старичков, в расположение взвода нагрянул Морпех. И надо же было такому случиться, что ротной "дытынке номер один" Геночке Чернобаю именно в это самое время приспичило в Ларочкином лежбище сменить опилки. Генуля схлопотал пару приличных тумаков и пулей вылетел на кросс. А комбат почему-то задержался...

Мы стояли на передней линейке и мрачно рисовали в своем воображении, что может статься с ненаглядной Ларочкой после встречи с Морпехом.

Первым терпение лопнуло у Косого. С присущей ему бесшабашной дерзостью он ринулся в палатку. Влетев на полном ходу внутрь, он благоразумно остановился у самых дверей и что было сил гаркнул:

- Товарищ капитан! Разрешите начинать утреннюю зарядку?!

Комбат, пораженный столь идиотским вопросом, некоторое время с интересом рассматривал камикадзе, потом, видимо, понял суть происходящего, встал с корточек, медленно расплылся в понимающей улыбке и молча кивнул головой.

Когда Косой отдышался и пришел в себя, то с удивлением выдал нам:

- Заскакиваю... А он сидит перед ней, тычет палец в ящик и говорит: "Уси-пуси..."

Вот уж точно - пронесло!

Но вскоре выяснилось, что кроме Морпеха были у Лорочки и другие ухажеры. Частенько по утрам возле ее ящика мы находили жесткие катышки ночных посетителей, что служило неистощимым источником для шуточек: "Наша цаца лучше всех!" Были даже выдвинуты идеи о продолжении крысиного рода, но потом по соображениям безопасности (а ну как заразится!) мы их отбросили.

Но весной мы Ларочку потеряли. Рота ушла на большой "прогон", а когда через три дня вернулась, насмерть перепуганные дневальные доложили: "Вчера утром открыли ящик, а она готова!"

Пухов, узнав о происшествии, моментально оценил, чем для остававшегося в роте наряда это ЧП может окончиться. Он экстренно построил третий взвод и прочел лекцию о том, что мы, мол, сами виноваты - закормили животное до безобразия, а теперь ищем виновных. Под конец Пухов пообещал "угомонить" любого, кто попытается наказать духов. Отдельно ротный поговорил и со Звонаревым. Серега, естественно, и от себя добавил парочку милых сердцу каждого дедушки обещаний...

Молодят (а весь третий мотострелковый был совершенно уверен в их прямой вине), конечно же, все равно немного побили, но вполне "гуманно". Ни с Пуховым, ни, тем более, со Звонаревым никто по-крупному ссориться не хотел. Офицеры, в свою очередь, тоже оценили сдержанность дедушек и приводить свои угрозы в исполнение не стали.

x x x

Потерю "боевой подруги" мы переживали довольно болезненно. И вполне возможно, что молодята почувствовали бы эти наши переживания на своих шеях, но вдруг в нашей роте объявился толстенький, забавный щенок.

На третий или четвертый день очередного рейда "замок" первого мотострелкового Вовка Блохин в одном из кишлаков вовремя пристрелил кинувшуюся на него огромную псину. Звероподобный волкодав оказался кормящей сукой. Полазив по закромам, ребята нашли упитанного месячного "цуценя". Маленький - не маленький, а уши и хвост заботливый хозяин оттяпать ему уже успел.

Кобелька отнесли на сто сорок первый командирский "борт" и после бурных дебатов назвали его в честь радиопозывного, установленного для четвертой МСР на время проведения операции - Орех.

За три с лишним недели усиленного питания тушенкой и сырым мясом Орех приобрел ярко выраженные округлые формы и по прибытии в часть привел в восторг всех офицеров батальона. И было чем! Довольно короткая для алабая шерсть с несколькими несимметричными серыми и ржавыми пятнами по белоснежному фону, мощный, тяжеловесный костяк, крупная, прямоугольная голова (прозванный Дедом старший прапорщик Марчук, когда видел пса, неизменно говорил ему: "Эй, бродяга! Кирпич выплюнь!"); непропорционально толстые лапы и широченная грудь указывали на то, ЧТО из собачки получится в дальнейшем. Некоторые офицеры вслух сокрушались, мол, жаль такую псину оставлять в полку, а домой, к сожалению, не вывезешь...

На вершину своей армейской славы Орех вознесся после визита к Пухову командира саперной роты старшего лейтенанта Пилипишина. Внимательно оглядев пса, тот предложил передать щенка в "псовую команду". А это уже не просто вершина - пик признания! Скрепя сердце, Пухов отказал. Во-первых, Орех прославил не только себя, но и всю роту. А во-вторых, солдаты и офицеры такого предательства Пухову бы не простили.

Жилось Ореху у нас более чем привольно. Пять раз в день он "от пуза" лопал кашу, на три четверти состоявшую из тушенки, и раз десять в сутки гадил в самых неподходящих местах палаточного городка. Спал Орех там, где ему больше нравилось. Но, как правило, почему-то предпочитал койки не дедушек, а самых последних и запущенных чмырей. Саня Катаев тут же обосновал такое поведение Ореха теоретически, мол, собаки всегда жмутся к дерьму, помойкам и вообще ко всякой падали.

Пример четвертой мотострелковой оказался заразителен, и к середине лета еще в нескольких рейдовых подразделениях полка

появились щенки туркменских овчарок. По слухам, разведрота даже специально провела маленький скоростной шмон в близлежащих кишлаках, лишь бы обзавестись своим волкодавом. Но наш, понятно, - лучший!

Слух о новом повальном увлечении достиг наконец самого Сидорова. Реакция его была мгновенной, а решение безапелляционным: "В течение суток очистить территорию части от неслужебных собак и прочее". Больше всего нам понравилось это "прочее". Не от крыс ли, случайно? Или, может, от вшей?!

Пухов, построил подразделение, довел приказ до общего сведения, в двух-трех словах прошелся по личности любимого командира, но так беззлобно, походя - привыкли уже, а в заключение подвел итог:

- Значит, так... Где хотите, там и прячьте, то есть - в парке. Если найдут и у меня будут неприятности - повешу. Если с псиной что случится расстреляю на месте! Все понятно?

К вечеру в закрытых бронетранспортерах и БМП парка тоскливо поскуливало с десяток незаслуженно обиженных питомцев. Через неделю буря окончилась, щенков вернули в палатки, и все пошло своим чередом.

К концу лета 1984 года четвертая МСР ушла в колонну. Ореха взяли с собой. На второй или третий день где-то под Артенджелау щенка случайно переехали гусеницей сто сорок второй машины. Бедняга даже взвизгнуть толком не успел. Водитель, хоть и не виноват был в случившемся, так расстроился, что его собирались в тот день в колонне заменить. Представляю, что бы было, окажись на его месте кто-либо из молодых механиков.

x x x

Перед самым увольнением в начале января восемьдесят пятого к взводу прибилась молоденькая рыжая кошечка. Прозвали ее Машкой, но потом, оценив привязанность дембелей к этой странной особе, спешно переименовали в Манюню.

Кошка и в самом деле была со странностями. Во-первых, она была однозначно глуха, а потому имела ужасный, гнусаво-скрипучий, надрывный голос. Еще как-то неестественно выгибала голову: если ей надо было посмотреть назад, она просто закидывала ее на спину и перевернутое изображение, судя по всему, Манюне нравилось больше, чем обычное. Передвигалась она тоже не вполне естественно - чуть боком да еще и какими-то нелепыми полускачками. А в остальном Манюня была настоящей кошкой: любила тушенку в неограниченных количествах, обожала

поспать на руках или под бушлатом и настойчиво требовала к себе внимания. Кроме того, Манюня отличалась редкой, просто феноменальной чистоплотностью и еще более удивительной осторожностью. Будучи совершенно глухой, она тем не менее чувствовала начальство еще на подходе, мгновенно исчезала, и я не уверен, знали ли офицеры вообще о ее существовании в подразделении.

Период повального увлечения крысами, собаками и вообще животными к тому времени в полку упал, и особого ажиотажа вокруг Манюни уже не было. Старослужащие кошечку нежили, баловали и всячески ей потакали, а молодежь больше смотрела, как бы ненароком не наступить всеобщей любимице на хвост, когда в самый неподходящий момент она крутилась под ногами. Помню, как-то раз Манюню неловко задел Васек Либоза. На что он там ей наступил, не знаю, но завопила Манюня как всегда - истошно. И хотя Васька был уже дедушка, но по опыту он хорошо знал, что время иногда течет и в обратном направлении. Насмерть перепугавшись, он подхватил дико орущую кошку на руки и с бессвязным лепетом: "Ой, моя птичка! Ой, моя ласточка!" несколько раз с чувством чмокнул ее в нос. Хохот от очередной Васькиной выходки стоял в палатке такой, что его, наверное, слышали и в офицерских модулях.

Второго февраля мы "ушли" домой, и о дальнейшей судьбе Манюни мне, к сожалению, ничего не известно. Но и по сей день я испытываю пристрастие именно к рыжим котам и кошкам, и особенно к сиамским, с их тоскливыми, заунывными, траурными воплями...

СЛАВИК

Его появление в полку было отмечено печатью таинственности и напоминало маленький спектакль для измученной пехоты второго батальона. Правда, спектаклю предшествовала небольшая репетиция, на которую вначале никто не обратил внимания...

Ранней весной 1984 года штаб отдал распоряжение разбить на территории городка спортплощадку для занятий рукопашным боем. Ну, отдали и отдали мало ли какая блажь придет в голову деловитым штабистам. На разводах командиры взводов стали выделять на строительство по три-четыре человека, и те до обеда лениво били ямки под тренажерные столбы. Мы надеялись, что пустыми лунками все и закончится, как не раз заканчивались громкие затеи штабистов. Но вдруг оказалось, что площадка нужна кому-то по-настоящему. И тогда полкач отрядил на строительство ремонтную роту. Та взялась за дело рьяно, по-стройбатовски, и через неделю работы были окончены.

Ремонтники сделали засыпанный песком прямоугольник, примерно пять на три, по нашим предположениям, для спарринга. Потом соорудили несколько стандартных армейских тренажеров и под конец основательно, метра на полтора, вкопали и забетонировали толстенный чуть ли не телеграфный столб, предварительно обмотав его на всю двухметровую высоту пеньковым канатом.

Мы только пальцем у виска покрутили - на кой он нужен?! Это что - ломом по нему лупить? Или чем? Ногами невозможно, на первой же тренировке без них останешься; руками тем более, все суставы и кости попереломаешь: столб ведь ни на миллиметр не амортизирует, а от каната бугры толщиной в два пальца. И вообще, для чего здесь, в Афганистане, нужен рукопашный бой? Пленных увечить? Так много ума для этого не надо, без специальных навыков хорошо получается! И последнее: кто обучать будет?

Одним словом, неделю поговорили, посмеялись и забыли. Никто на площадке, естественно не занимался. А потом появился он...

Батальон ушел на сутки в район кишлака Раджани и далее на восток. За первую ночь сделали марш-бросок по круговому хребту в тридцать шесть километров, утром спустились в долину, прочесали зеленую зону, обшарили парочку селений и по тому же маршруту к следующему утру вернулись в расположение полка.

Какое-то хмурое, озлобленное, не весеннее утро, растянутые

колонны усталых, голодных, тридцать часов не спавших солдат бредут через плац в палаточный городок. В пятой и шестой ротах несколько раненых. Все, как звери, злы, попадешь под руку - удушат. И что видят эти добряки-интернационалисты?

А видим мы, что на площадке для рукопашного боя какой-то чистенький и холеный тип в дорогом эластиковом спортивном костюме медленно отрабатывает простенькую связку на три движения. Ему тут же достаточно громко предложили в следующий раз прошвырнуться с нами и не заниматься на глазах у всех солдат онанизмом, а потом и вовсе обложили в три этажа. Он даже ухом не повел... Ну и нам, впрочем, было не до него, тем более понятно, что офицер - рожу так просто не начистишь.

Вообще добровольные спортивные занятия в свободное от службы время у нас воспринимались не иначе, как тяжкое половое извращение, и тому было серьезное обоснование. Поскольку самыми мучительными для нас были именно непомерные нагрузки, то и физподготовка была соответствующей. По четным дням мы бегали кроссы на шесть-семь, а то и десять километров, по нечетным - три километра в виде разминки и час занятий на спортгородке. Это все только утренняя зарядка. Три раза в неделю проводились отдельные двухчасовые тренировки - полоса препятствий, турники, брусья, канат и прочее. По воскресеньям кросс на время - один километр. Называлось сие - спортивный праздник. Рота, даже уложившаяся в норматив, но пробежавшая хуже остальных подразделений, а также по три человека из каждого взвода вне зависимости от времени, пришедшие последними к финишу, составляли сборную "штрафников-рекордистов". В воспитательных целях штрафники бежали еще раз, но уже после обеда. Плюс ко всему постоянные тактические подготовки и стрельбы, на которые обычно не шагом ходили. Ну и в первую очередь, конечно же, сами операции - всем тренировкам тренировка.

Офицеров все это касалось в меньшей степени - у них своих дел хватало с избытком, и они даже на утреннюю зарядку являлись два-три раза в неделю. И тут - на тебе! Мало того, что спортсмен, так еще и "каратюга"! День-два мы поглазели, а потом махнули рукой - придурок! Тогда же выяснилось, что это прапорщик, да еще и тыловичок - прибыл на артиллерийские склады по расширенному штату. В глазах пехоты - полное ничтожество, моральный урод и покойничек. Сразу крест поставили. Но тыловичок, судя по всему, так не считал - каждое утро после развода и каждый вечер перед отбоем, решительно наплевав на табель о рангах, по два-три часа упорно колотил свои тренажеры.

В армию я пришел уже более-менее опытным боксером и к тому же ярым членом полуподвального каратистского движения. Поэтому я не сразу заинтересовался прапорщиком-тыловиком. Мало ли таких было в части? Придут, недели две помашут ногами, и все - скончалось боевое искусство: служба засосала. Или, еще лучше, начнут заниматься, примитивно пропустят слева по печени и... начинаются разговоры о бесконтактных поединках, пути До, медитациях, энергиях Цы и прочих масонских штучках этой новоявленной религии.

Начало нашего знакомства с прапорщиком положил случай.

Где-то через неделю после операции в Раджани, поздним вечером, я обратил внимание на какую-то странную канонаду. Вечернее многочасовое буханье артиллерии - в полку дело обычное, и поэтому низкие и глухие, монотонные удары я поначалу просто пропустил мимо ушей. А потом вдруг сообразил, что это ведь не стрельба. Тогда что же это могло быть перед самым отбоем, да еще и в течение целого часа?

Как дедушке было ни лень, а все же я встал и выполз из палатки. Ритмичный гул доносился с территории спортгородка. Это уже становилось интересно, и, закурив, я не спеша поплелся по краю плаца к самому концу - к площадке рукопашного боя. И когда дошел, увидел и осознал, что там происходило, то не просто обомлел, а был всерьез напуган всем увиденным.

Раздражавший нас по утрам своим дорогим костюмом, часовыми растяжками медленными и нудными исполнением простейших движений и ударов, прапорщик предстал предо мною в совсем ином, судя по всему, истинном своем облике. И я воочию узрел живую машину для быстрого и эффективного убийства себе подобных. Не было эластика, кроссовок и неспешных движений, но это не главное - ощутимая перемена произошла в самом облике, в самой сути. Нанося просто чудовищные удары, мужик видел перед собой не обмотанный веревками столб, а противника, которому эти удары предназначались. Правда, об этом я узнал чуть позже из слов самого же прапорщика.

Сегодня он был в обыкновенных солдатских х/б и высоких ботинках, но наносил все тот же удар из той же виденной-перевиденной нами связки: корпус вполоборота, наполовину вытянутые, ладонями вниз, расслабленные руки на уровне груди, и сам удар - что-то среднее между прямым и боковым, передним срезом каблука и подошвы в область голени воображаемого противника. Нечто похожее есть в таиландском боксе. И так монотонно, без перерывов, раз за разом - десять правой, поменялся - десять левой, и вновь смена стойки.

Что творилось со столбом. Он дрожал, сотрясался от

бетонированного основания до самой верхушки. Колебался с заметной глазу амплитудой и при этом гудел, как колокол.

Смотреть на все это было страшно: нечеловеческая сила ударов, хладнокровный расчет и, главное, странная какая-то деловитость, рутинная монотонность, с которой прапорщик тренировался.

Я завороженно смотрел на него минут двадцать; прапорщик не обращал на меня никакого внимания и не останавливался. Я представил, что пропускаю такую "комбинашку" на ринге или в бою и почти ощутимо почувствовал хруст собственных костей. Невольно вздрогнул и дал себе слово никогда не иметь с прапорщиком никаких дел и вообще даже не подходить к нему. С этим я и вернулся в палатку. Но на следующее утро я и еще трое моих сослуживцев начали двухнедельную осаду прапорщика.

x x x

Очень редко, но случается, что даже в армии подхалимаж не проходит. Исключительные случаи... и всегда неожиданные.

Сговорившись ночью, мы во время физзарядки отделились от вяло разминающейся братии, и двинулись на площадку. Держались, насколько это возможно для старослужащих, вежливо, и речь наша была вполне нормальной:

- Товарищ прапорщик! Вы бы нас чему научили, а то нам надо... В полку же в этом деле никто не рубит!

Прапорщик развернулся к нам лицом, бегло, но внимательно осмотрел развязные фигурки дедов, задержал на мгновение взгляд на мне, видимо, узнав вчерашнего соглядатая, а потом как-то нехорошо улыбнулся и тихо спросил:

- На шпагат садитесь?

Мы удивленно замялись и не в лад протянули:

- Нет!

Прапорщик неопределенно кивнул, как бы недоумевающе поднял левую бровь и коротко отрезал:

- Свободны!

Нам не оставалось ничего другого, как развернуться и уйти. Мы так и сделали, но на следующее утро вернулись снова. Правда, с просьбами о наставничестве пока не подходили, а стали самостоятельно заниматься рядом, по возможности перенимая, или просто копируя то, что делал он.

За полтора года до армии меня примерно таким же способом отшили каратисты, у которых я потом проходил первые азы искусства реального поединка. Я вовремя вспомнил об этом и

сказал ребятам, что прапорщик нас просто проверял. На самом же деле вопрос о нашем ученичестве практически решен. По моим наблюдениям, у профессионалов есть одно уязвимое место, если профи действительно профи, то он не потерпит рядом с собой дилетанта и либо начнет его выживать, либо станет подтягивать. Оказался прав...

Две недели, не считая одного трехдневного перерыва на операцию, мы каждое утро приходили на площадку и по полтора-два часа тянули связки и молотили столб. До шпагата, правда, было еще далеко, да к тому же на третий-четвертый день интенсивных растяжек мышцы заболели так, что ни я, ни мои друзья уже при прямых ногах не доставали до земли даже кончиками пальцев. Но отступать нам было поздно, и мы, если получалось, приходили на площадку и по вечерам. Теперь даже самые недоверчивые убедились, на что способен прапорщик.

Дней через десять он сдался: подошел утром еще до того, как мы начали свои жалкие потуги, и спросил:

- Сколько вас?

- Трое.

- А еще один где?

- Надоело...

- Вечером свободны?

Мы переглянулись:

- Да че там - свободны!

- Хорошо. Немного разомнитесь, тянуться не надо. Подойдете в девятнадцать ноль-ноль. Ясно?

Кто-то поинтересовался. Как нам к нему обращаться. Он коротко ответил:

- Славик.

Хорошее обращение для армии!

x x x

Тот, кто служил, прекрасно знает, что армия, предельно обостряя интуицию, всерьез и надолго подавляет интеллект. Во всяком случае - у солдат. Поэтому все, что рассказывал Славик о себе, мы принимали за чистую монету и лишних вопросов, как правило, не задавали. Тем более, что это и не принято было: посторонних вопросов он не любил и зачастую попросту на них не отвечал, как будто мы и не спрашивали. Кроме того, Славик был очень немногословен.

Теперь, правда, по прошествии десяти лет, сопоставив разрозненные факты и обрывки разговоров, я кое-что о Славике

для себя уяснил.

Прапорщик Вячеслав Юрьевич Лепилов не был тем, за кого себя выдавал. Я совершенно уверен, что под этим видом скрывался элитный офицер одной из спецслужб. Ориентировочно, исходя из его тридцатилетнего возраста, можно предположить, что он был в чине капитана, а может, и майора, и, скорее всего, представлял разведуправление или войска КГБ. Вполне возможно, что в нашей воинской части этот человек готовился к какой-либо своей операции, а может быть, и что более вероятно, его у нас просто зачем-то спрятали на полгодика - отпуск на курорте "Файзабад" - слишком уж вольготно он провел эти шесть месяцев. Есть много фактов, подтверждающих мои предположения. Но я начну с главного - с его "легенды".

После третьей или четвертой тренировки Славик рассказал нам историю своей жизни. По его словам выходило, что сразу после десятого класса он был призван в армию и попал служить в воздушно-десантные войска. Прошел учебку по специальности "командир разведотделения", потом еще год служил в спецназе какого-то разведбата и на втором году по направлению части поступил в Рязанское высшее командное военное училище (всегда добавлял: имени Ленинского комсомола). Но через три года Славик был отчислен из училища за дисциплинарный проступок, якобы за драку, и вернулся дослуживать в часть. Оттуда он был направлен в школу прапорщиков, и потом несколько лет служил на разных должностях.

Далее начинается головокружительная карьера великого залетчика. Его за очередную драку чуть было не отдают под трибунал, но Славику удается избежать этого и перевестись в погранвойска КГБ СССР. Там он служил тоже прапорщиком, и тоже несколько лет все было спокойно, и вдруг за новую провинность Славика в виде наказания переводят в общевойсковую часть где-то в ТуркВО. И уже оттуда по расширению штатов - к нам.

Тогда все это казалось нам весьма убедительным и заодно снимало много щекотливых вопросов, например об источнике столь обширных познаний в области деятельности войск специального назначения, о феноменальной подготовке простого прапорщика-тыловичка и так далее. Но зато сейчас у меня возникли иные, не менее интересные вопросы.

С чего это вдруг человека, полтора года отслужившего рядовым и три года курсантом, возвращают дослуживать в часть? Насколько я знаю, военное училище - не дисбат. Как бывшего курсанта-дебошира принимают в школу прапорщиков? С чего это вдруг ВДВ делится своими людьми, пусть и залетчиками, с

войсками КГБ, с чего вдруг погранвойска КГБ СССР принимают с распростертыми объятьями к себе такую цацу и как КГБ, который сроду ни с кем и ничем не делился, отдает такого парня Вооруженным Силам?

Кроме того, существовала масса незначительных фактов, которым мы тогда не придавали должного значения. Например, с утра и до вечера Славик ходил по всему полку в своем намозолившем всем глаза спортивном костюме, а если было слишком жарко, надевал вместо куртки обыкновенную черную футболку. Правда, был еще один человек, позволявший себе роскошь пройтись иногда по территории в эластиковом костюмчике - зам. начальника штаба майор Кондратько, который попутно занимал странную должность начальника физической подготовки личного состава части. Но допускал он такую вольность только на время проведения полковых спортмероприятий, максимум на два часа в день.

Да и все остальное поведение Славика было под стать его форме одежды (и обуви! Днем он уставную обувь не признавал, только по вечерам - на тренировках). Честь не отдавал никому, делал исключение лишь для комполка и начальника особого отдела - здоровался с ними за руку! А подполковник Сидоров, к слову, даже комбатам руки не подавал. Никогда! Служебных дел у Славика явно абсолютно никаких не было. И еще пара интересных деталей: человек, который буквально бредил спецназом (благо, "легенда" позволяла говорить на эту тему практически открыто) и войной, ни разу не сходил ни на одну операцию, хотя имел сколько угодно возможностей сделать это в любое время и с любым подразделением, на выбор.

И последнее. Когда Славик в начале ноября 1984 года внезапно исчез из части, мы попытались что-либо узнать о его местопребывании и пошли на склад артвооружений. Капитан, начальник складов, на наш вопрос только недоуменно пожал плечами и ответил, что ему и самому интересно, но перед ним, видите ли, никто не считает нужным отчитываться, даже подчиненные напрямую "куски". Мы покрутились немного и остались ни с чем - не идти же к особисту с расспросами?!

Уже много позже я случайно узнал, что на сленге спецподразделений взять противника живым, якобы, обозначается термином "лепить". Так и говорят: "слепили" такого-то, или - они тогда-то "лепили" того-то. После этого фамилию Лепилов я стал воспринимать не иначе как насмешку.

x x x

Ровно в семь вечера Славик подошел на площадку. В его заурядной внешности не было решительно ничего, что говорило бы о присущих ему внутренних качествах. Ну, может быть, глаза... Взгляд у Славика был действительно необычен. Когда Вячеслав Юрьевич разговаривал, его темно-карие глаза, однажды поймав взгляд собеседника, уже не отпускали его до конца беседы - хочешь отворачивайся и говори в сторону, хочешь, опускай глаза долу - ничего не поможет. Кажется - слушает или говорит с интересом, внимает, а взгляд его каким-то загадочным образам деморализует собеседника. И вот он уже через минуту сбился, запутался и... замолчал. Так мы и занимались, как правило, молча. Славик объяснял нам лишь, как выполнять те или иные приемы.

Правда, обучал он нас довольно странно. Славик нас не тренировал, а просто позволял заниматься вместе с ним на спортплощадке да иногда что-то показывал, разъяснял.

По внешним своим данным Славик был очень крепким парнем, весом за восемьдесят и ростом чуть выше метра семидесяти пяти. Широк в кости, даже немного тяжеловат на вид, но рельефных мышц, подобно тяжелоатлетам, у него не было. Славик никогда не качался и не занимался на гимнастических снарядах, чего и нам не советовал. Откуда бралась такая чудовищная мощь его ударов, мне тогда было совершенно неясно. Еще у Славика было красивое, правильное лицо, короткий ежик темных волос и не очень приятная улыбка. Я думаю, тут все дело заключалось в контрасте: губы у Славика расплывались в улыбке, а глаза всегда оставались холодными и внимательными. Такое складывалось впечатление, что он постоянно примеряется, когда и куда тебя ударить. На того, кто хоть раз видел, как Славик бьет, это действовало неотразимо. Становилось по-настоящему неуютно.

Перед первой совместной тренировкой Славик нас построил и сжато изложил основные постулаты того, что он называл "рукопашный бой". Выглядели они следующим образом:

- Вы сталкиваетесь с противником в ближнем бою. Ваша задача: потратив на каждого не более полутора-двух, максимум трех секунд и применив по одному-два, в крайнем случае, три удара (при условии, что последний добивающий), нейтрализовать противника не менее чем на двадцать минут (к сведению: нокаутированные боксеры встают и приходят в себя самое большое через минуту). Чтобы соответствовать этому стандарту, вы должны каждым ударом либо ломать кость, либо отбивать внутренний орган. Достигается это так: вам подбирают несколько эффективных, подходящих для вас, индивидуальных связок, и в

течение всей жизни каждый из вас их отрабатывает так, чтобы бить быстро, как из ПМа, надежно, как из Калашникова, и сильно, как из гаубицы. Понятно?

Мы промычали, что понятно, и он показал первую такую связку. Та самая "коронка", которую мы уже видели бессчетное количество раз: правой ногой в голень и правым же локтем добивающий боковой удар под углом в сорок пять градусов вниз. В полном контакте по тренажеру, несколько раз и из разных стоек - зрелище устрашающее. Потом еще пару раз медленно, но уже в контакте с нами. В заключение Славик прочел нам коротенькую лекцию о незащищенности и уязвимости ног, о том, сколько килограммов нагрузки выдерживает на излом большеберцовая кость взрослого крупного мужчины, и под каким углом ее лучше ломать. В дополнение еще поведал, почему удар локтем в основание черепа сильнее такого же по амплитуде удара кулаком в челюсть. Рассказал Славик и о том, как лучше выйти на эту связку и как перевести противника в наиболее удобное положение для выполнения задуманной комбинации. О защите же в тот вечер не было сказано ни слова.

Так мы и занимались. По утрам растягивались, разминались и дурачились, а по вечерам сосредоточенно лупили столб или другие тренажеры.

Примерно по тому же графику занимался и Славик. Но он занимался всерьез. Чувствовалось, что для него эти тренировки равны цене жизни. И все же до конца перед нами Славик не раскрывался. А вот когда подразделения расходились по нарядам и территория полка как бы вымирала, он иногда появлялся на спортгородке днем. И именно на таких незапланированных занятиях можно было увидеть весь арсенал технических действий, которым он владел.

Мы раскусили эту маленькую хитрость и стали приходить на спортплощадку после развода, хотя трех тренировок в день для нас было многовато. К этому времени в нашей группе произошел естественный отбор. Миша Павличенко дорвался-таки до свободного столба и минут сорок отчаянно пытался повергнуть его наземь. Даром ему это не прошло. Миша набил себе на голени правой ноги великолепную гематому и вскоре недельки на полторы залег в санчасть. Приходил он на спортплощадку и после выздоровления, но постоянно уже не занимался.

Первый месяц наше ученичество было монотонным и немного скучным. Делали мы, в сущности, одно и то же и никак не могли настроиться, войти в ритм. К тому же приходилось часто прерываться: то операции, то караулы, то еще какая ни будь хрень. Но потом втянулись и вошли во вкус, и постепенно сумели

пробудить у Славика кое-какой интерес к себе. Вот тогда-то и произошел сдвиг в наших взаимоотношениях. Славик перед нами наконец-то раскрылся.

Честно говоря, мы поначалу воспринимали Славика как немного туповатого, целиком поглощенного своей страстью, упертого в рукопашку "куска". Нам и в голову не могло прийти, что все это лишь видимая оболочка и что он просто-напросто водит нас за нос.

Перемена пришла вместе с молодым старлеем, приехавшим по каким-то хозяйственным делам из Бахарака в полк. Старлей считал себя неплохим каратистом и, быстро вычислив Славика, подошел к нему утречком с предложением поспарринговать. Наши глаза сразу загорелись. Ведь Славик ни с кем в контакте не работал, а нам так хотелось посмотреть на него в деле.

Славик сопротивлялся минут пять. Как-то полуграмотно, вяло отнекиваясь, а потом, незаметно улыбнувшись нам своей плотоядной улыбочкой, вдруг согласился, но выставил непременное условие - полный контакт! В эту минуту он произвел на нас впечатление полного недоноска и непроходимого тупицы. Это немало озадачило нас, а старлей почти в открытую дал почувствовать Славику свое превосходство над ним. Но вот они разулись, немного размялись и начали схватку.

Бой длился неоправданно долго - секунд пять. Славик встал в корявенькую стойку уличного бойца и с ходу запустил в партнера достойный разве что обладателя второго юношеского длинный правый прямой, типа - свинг. У меня от удивления глаза на лоб полезли. По лицу старлея промелькнула тень непонимания, он еще несколько секунд, не доверяя грациозно подвигался перед "деревянным" прапорщиком, потом ему, видимо, надоел этот нелепый фарс, и старлей, брезгливо скривив тоненькие губки, быстро и отточено нанес правой ногой удар в голову. "Маваши" он выполнил очень эффектно, ничего не скажу. Меня бы, скорее всего, нокаутировал. Но спарринговал-то старлей не со мной...

Славик в момент нанесения удара мгновенно переместился навстречу и, даже не защищаясь, синхронно с движением офицера, коротко ткнул того основанием правой ладошки в центр подбородка. Несмотря на то, что старлей был сантиметров на десять повыше Славика, имел более длинные ноги и ударил на мгновение раньше, единственное, что он успел сделать, так это чуть-чуть оттянуть голову. Именно поэтому вектор удара Славика пришелся ему точно от бороды до центра затылка. В общем как и учил: "Направляй энергию удара не на рожу или пузо, а в глубину - бей не по телу, а по органу!" - в данном случае - по стволовым отделам головного мозга. И вот, сломавшись сразу в нескольких

шарнирах, старлей, уже без сознания, как поломанная кукла, буквально сложился под Славиком, ткнувшись напоследок носом в землю.

Пришла наша пора показывать свое уменье. Похлопывая офицера по щекам, обрызгивая его водой из фляжек, мы минут за пять кое-как привели каратиста в чувство. И тут Славик произнес свою, пожалуй, самую длинную и уж точно самую красивую лекцию.

Посчитав, что старший лейтенант вполне оправился и в состоянии осмыслить сказанное, Славик встал перед нами в позу императора и сказал:

- Вы, молодой человек, излишне увлечены внешними формами и ложной эстетикой поединка, а вот внутренний нерв боя вы упускаете. А зря! Спросите себя - что главное в рукопашной схватке? И вы увидите простой ответ: главное - победить!

И так в течение чуть ли не пяти минут. Безусловно, это был спектакль-насмешка, но, как потом выяснилось, не только...

Когда лекция была окончена, старлей неловко встал, скомкано поблагодарил за науку, попрощался и ушел. Мы немного посмеялись, бурно выразили свой восторг победой Славика, а потом я, немного помявшись, спросил:

- А что, вторая часть и была знаменитым добиванием?

Славик улыбнулся, тяжело похлопал меня по шее и совершенно серьезно сказал:

- Ничего-то мы и не поняли...

Мне кажется, что именно в тот день и произошел перелом в наших отношениях. На вечерней тренировке Славик кратко повторил утренние свои наставления. Правда, опуская напыщенные фразы и заумные формулировки. А под конец добавил:

- Все, что я говорил старлею, было сказано вам. Если опустить сарказм, то получится - главное.

Мой напарник Гриша Зубенко не сдержался и с ехидным видом переспросил:

- Че опустить?

Славик просиял, играючи, легонько ткнул его в правое подреберье и ответил:

- Печень, солнышко. Печень!

На следующее утро мы уже разучивали новые связки. Мне, как бывшему боксеру, Славик подыскал удивительно коварный и, в общем-то, не очень сложный прием: надо было подсесть под практически любое техническое действие противника и нанести в область половых органов двойной косой апперкот справа не

вставая, а потом выполнить добивающий удар правым коленом, желательно в лицо, еще лучше - с подхватом обеими руками за голову. Если и была в этом какая-то сложность, то исключительно в подходе - комбинация была рассчитана на предельно короткую дистанцию. Я попросил разъяснений. Славик удивленно поднял бровь и спросил:

- А когда сами начнем думать?

Тут уж я удивился и недоумевающе пожал плечами. А Славик явно наслаждался ситуацией:

- Что ты, как гимназисточка, плечиками передергиваешь?

- Не понял...

- Ну, а что непонятного?

- Все непонятно!

- Это потому, что мозгами шевелить лень! - жестко отчеканил Славик и, немного смягчившись, спросил: - Я что вчера показывал?

Тут меня осенило:

- Это что, - разыграть дурака, приблизиться, а потом подсесть и врезать?

- Не обязательно - дурака! Можно сделать полные штаны или, еще лучше, сопли распустить!

- Как это?

Славик совершенно неожиданно радостно рассмеялся и воскликнул:

- Вот так!

То, что произошло мгновение спустя, поразило меня больше, чем вчерашний спарринг. Только что улыбавшийся Славик внезапно скривился, как капризная школьница, а еще через мгновение заголосил, словно рязанская баба. Из его глаз крупными градинами чуть ли не посыпались самые настоящие слезы, щеки покраснели, из носа, выдувая лопающиеся пузыри, обильно потекло, и Славик, неуклюже растирая ладонями влагу по сморщенной физиономии, понес какую-то перемежаемую дерущими душу протяжными всхлипываниями несусветную ахинею.

Пока я хлопал глазами, он очень естественно оказался рядом и неожиданно ударил локтем под ухо. За несколько сантиметров от моей головы его локоточек с резким хлопком буквально впечатался в им же самим подставленную ладонь левой руки. Лицо наставничка было абсолютно безмятежно, и лишь остатки водицы на щеках и под носом говорили о том, что только сейчас этот человек безудержно и горько рыдал. Я, немного оправившись от шока, через силу выдавил:

- Вам надо было в ГИТИС поступать, а не в "ленинского

комсомола"...

Славик только презрительно хмыкнув, занялся с Гришей.

Через неделю он заставил нас разучить еще по одной, как тогда говорили, "связочке", и заодно подробно рассказал и показал прямой удар основанием ладони в голову. У него была пространная и хорошо обоснованная теория о преимуществе удара раскрытой ладонью перед кулаком. И вообще - сжатой в кулак кистью он практически не пользовался. Я один раз поинтересовался почему? И получил весьма любопытный ответ:

- Чтобы ударить кулаком, надо вначале ПМ выкинуть...

Ну что ж, если так, то действительно - вполне логично!

x x x

Теперь мы попеременно разучивали сразу по три комбинации и по несколько вольных ударов. "Разучивали", конечно, не очень точное выражение. Славик процесс тренировки объяснял нам следующим образом:

- Удар вначале ставят, потом отрабатывают, а потом на протяжении всей жизни нарабатывают.

Под термином "нарабатывают" подразумевалось, что делают такое количество раз и с такого обилия всевозможных положений, чтобы в любой ситуации этот удар или техническое действие было проведено в идеальном исполнении.

Часто Славик не давал нам перед тренировкой растягиваться и разогреваться. Вначале мы не понимали - почему? Он объяснил:

- Нарветесь на противника и что скажете: "Ой, подожди, сейчас разомнуся!"

Мы только посмеялись над собой и опять вынуждены были признать, что Славик прав.

К тому времени он вполне вошел в роль наставника и заговорил с нами уже совсем по-другому. По-дружески, что ли? И еще он стал нам доверять. Насколько далеко простиралось это доверие, судить, правда, не берусь. Но именно тогда я впервые услышал от него в специфическом контексте термины: "глубокая разведка", "ликвидация", "акция устрашения".

Помню, один раз возник спор. Славик изложил свою теорию превосходства войск спецназначения над всеми остальными вооруженными силами:

- Если все же начнется... то через двадцать минут от армий одни головешки вонять останутся. Но еще долго, очень долго по руинам будут бродить злые мужики в камуфляже... Будут жрать человечину, продолжать свой род и делать то, что они умеют

делать лучше всего - убивать врага. Если кто-то и победит в той войне, то именно они!

Мы сказали, что если дело только лишь в том, чтобы сражаться малыми группами, то мы такой же спецназ. Ну, может, не так хорошо подготовленный. Он засмеялся:

- Нет... Нет, ребятки. Вы не спецназ... вы дети!

Тут уж мы взвились - хороши дети! И давай ему перечислять на пальцах все, что роднит нас со спецназом. Славик долго слушал. Делал удивленные глаза, непонимающе чесал затылок, согласно кивал головой и в заключение подвел итог:

Все, что вы перечислили - бредятина! Единственное, что вас действительно немного роднит со спецчастями, так это то, что вы действительно зачастую действуете малыми маневренными группами в отрыве от основных сил.

Мы с умным видом важно кивнули. И тут он продолжил:

- Но лучше бы вы сидели по домам! - и, не дав нам и рта раскрыть, добавил: - Одной вашей мобильности достаточно, чтобы заранее на всех крест поставить!

- А чем наша мобильность плоха?

- Тем, что вы тащите своих убитых и раненых.

- Ну, так не бросать же?!

- Не бросать... Но быть готовым - и добить и оставить...

И тон у Славика при этом был таков, что мы поняли - спор окончен.

Примерно тогда Славик показал нам и основные приемы владения холодным оружием. Пользовался он только ножом, причем самым обыкновенным - каким-то укороченным вариантом обоюдоострого штык-ножа от АКМа, так - сантиметров под тридцать вместе с рукоятью. Все то же самое - очень простые, предельно эффективные и внешне неказистые действия, выполняемые с удивительной скоростью и точностью. Они вызывали у нас те же чувства, что и Славиковы удары по столбу - мама!

Он, конечно же, был настоящим мастером своего дела. Все, что он делал, отражало суть его слов: "Простота и эффективность". Стиля, как такового, у него не существовало. Он наверняка никогда не был ни боксером, ни борцом или самбистом, ни уж, тем более, каратистом. Во всяком случае, превалирующей базовой техники в его действиях не просматривалось. Ногами он бил страшно, но не выше паха. Руками, вообще непонятно - в боксе нет таких ударов. Из борцовской техники помню только удушающие и скручивающие на позвонки и пальцы рук.

Кроме всего прочего он был весьма невысокого мнения о

ценности спортивных видов единоборств в прикладном применении. Особо жестоко насмехался над каратистами, явно - не уважал. Из всех олимпийских видов спорта отмечал, как ни странно... фехтование.

Очень хорошо его отношение к спортивной или армейской "классике" иллюстрирует пример, как он доводил некоторые приемы.

Есть в армейском рукопашном бое такое техническое действие, как "Снятие часового". По "науке" выполняется следующим образом. Выходишь на противника сзади, резко толкаешь, вкладывая энергию всего корпуса, плечом в поясницу, одновременно поддергивая руками ноги за щиколотки. Пока противник падает, а ты держишь его за растопыренные ноги, бьешь "пыром" в пах. Потом падаешь ему коленями на почки и одновременно толчком, обеими руками всаживаешь лицом в землю. Лишь после всего этого захватываешь локтевым сгибом за шею и, обхватив туловище сцепленными в замок ногами, перевернувшись на спину, начинаешь душить.

У Славика аналогичный прием выглядел на порядок проще и действенней общее только в подходе сзади. Подошел, резко, толчком наступив ногой под коленный сустав, посадил противника вниз, зацепил сцепленным воротом из двух рук за шею и придушил одним, взаимосвязанным движением. Настолько быстро, просто и... опасно, что даже никогда и не отрабатывали друг на дружке само удушение. Так он и это убийственное действие умудрился "улучшить". Как-то показал все это, только вместо "опорной" руки использовал палку, а вместо удушения, используя винтообразное ускоряющееся движение корпуса, аналогичное известному приему борьбы "рывок за руку", - перелом шейных позвонков.

Вспомнил еще интересную особенность. Славик в своей ножевой технике применял исключительно "прямой" хват и никогда не использовал такой модный в кинобоевиках "обратный", когда гарда лезвия упирается в мизинец. И еще нюанс - при удержании ножа в руке, его указательный палец всегда ложился поверх кольца, выполняющего в штык ноже роль гарды - как за спусковой крючок пистолета держал, прямо. Я до сих пор, рассматривая чужие коллекции, обращаю внимание, - заточено ли основание клинка или нет. До сих пор интересно, как бы Славик с таким аппаратом управлялся бы?

Да и без этих мудреных дел превосходство Славика над нами было тотальным. Причем, не только в рукопашном бою, а и во всех остальных вопросах, часто далеких от армии. О любом предмете Славик имел свое собственное, хорошо обдуманное

суждение.

Один раз зашел традиционный разговор о всеобщем армейском бардаке. Послушав нас, Славик неожиданно сказал:

- Если бы в приказном порядке вооруженные силы в полном составе перешли на немецкий язык, то через три-четыре года был бы у нас полный Ordnung (нем. порядок).

Сказал он это как бы самому себе, но мы с Зубом тогда почувствовали в его словах какую-то, возможно, запредельную правду и, как по команде, заткнулись.

В следующий раз разговор зашел о вечной, можно сказать, теме: "война и мирные жители". Славик опять немного послушал нас и вдруг высказал свое мнение о мирных жителях: "Поддерживаешь - виновен!"

А через минуту подвел итог нашей беседе:

- Спецназ - вне морали!

Честно говоря, я далек от мысли, что в "ленинке", или где там еще Славика натаскивали заниматься подобными внушениями. Скорее всего, это были опять-таки его собственные и, возможно, проверенные на практике идеи.

А в середине октября у Славика вдруг случился залет. Очень странный и непонятный случай.

Около двенадцати ночи, засунув в задний карман своих неизменных штанишек пистолет Макарова, Славик пешком отправился в "столицу". Его спросонья попытался остановить дневальный по КПП. Пока ошарашенный солдатик собирал разбросанные части несколько секунд тому, походя у него отобранного и на ходу разобранного автомата, Славик, послав подальше боевое охранение, двинулся по дороге в город.

От Файзабада до полка было восемь километров уезженной грунтовки, на которой и днем-то бывали засады духов, не говоря уж о ночи. Было на том пути и несколько многострадальных афганских постов, четыре кажется, охранявших исключительно самих себя.

Естественно, что Славика ни на одном из них не остановили, и он благополучно добрался до окраин. Но уже в городской черте, перед группой зданий, занимаемых советскими военспецами и местной "элитой" (а именно туда, по всей видимости, он и направлялся), стояла мощная точка ХАДа, и там его якобы задержали. Что было дальше, я не знаю, но утром с почетным эскортом двадцати с лишним автоматчиков афганской ГБ Славика на открытом грузовике доставили в часть и сдали на гауптвахту.

Неизвестно, что после такой выходки случилось бы, например, с моим ротным - мог бы месяц на губе просидеть, а мог бы и под трибунал попасть или, еще куда лучше угодить. А вот

что случилось со Славиком, известно: не забыв перед сном часок размяться на площадке, он уже в двенадцать часов дня мирно посапывал у себя в комнате.

На следующее утро, не зная, как подступиться к Славику с расспросами, я очень "тонко" пошутил:

- А что это за мода такая пошла - с ПМом на дело ходить? Зашли бы к нам, мы бы чем-либо и посерьезней снабдили бы.

Славик помолчал, а потом, хищно улыбнувшись, спросил:

- А чем тебе мой ПМ не нравится?

- Та... тоже мне оружие.

- Угу... Если тебе кто-то скажет, что Макаров - дерьмо, то пошли его как можно дальше. Не поймет - объясни: подошел, подсел... ну ты знаешь...

Вот такой подробный рассказ получили мы о цели его ночной прогулки.

x x x

В начале ноября 1984 года на одной из вечерних тренировок Славик, немного размявшись, неожиданно сказал:

- Что-то не тянет сегодня... Посидим?

Сели.

Вечер был довольно теплым, мы с Зубом расслабились, закурили и так, лениво болтая, просидели часа полтора. Вообще, ситуация была исключительная - так долго мы со Славиком никогда не разговаривали. Говорили о разном. Например, о маскировке. И я вдруг обратил внимание, что советы Славика касались маскировки лишь в условиях городов, причем, наших городов, советских.

- Если вы будете всегда казаться незаметными, - объяснял он, - то сразу попадетесь. Тем более, если круглосуточно будете в готовности к действию.

Я уточнил:

- Как это?

- Ну, как... Темная свободная универсальная одежда и обувь, набитые руки или неизменные перчатки, очки, стрижка, морда с печатью суровости, специфические движения...

Мы засмеялись.

- Ну а как надо?

Ну, во-первых, иметь вид добропорядочного, но не слишком преуспевающего гражданина - костюм, галстук и прочее... Чуть помятая рубашка, допустим. А во-вторых, желательна яркая, невоенная деталь, чтобы чуточку выделяться, но не слишком -

патлы или, например, борода. И все - ты учитель, инженеришка никакого интереса уже не представляешь.

- ?..

- А кому вы с бородой нужны? Тоже мне - хипарь-диверсант. Смешно! А вот сбрить - дело одной минуты. Кстати, чудаковатые считаются самыми безопасными. Не знали? Да? Многие не знают. Люди... они так наивны...

Поговорили и разошлись. Утром он не пришел. Вечером тоже. На другой день пошли искать. Уехал... Очень своеобразное у нас получилось прощание.

А его теорию о неприметности чудаков я проверил на нем же. Через пару месяцев никто в полку о Лепилове уже и не помнил. И когда я в соседних ротах ради спортивного интереса спрашивал о нем, только немногие, напрягшись и наморщив лбы, с трудом вспоминали:

- А! Помню... Спортсменчик какой-то. Славик, говоришь... Может, и Славик.

- Не помнишь - кто он?

- Он? Та никто... летеха какой-то. Наверное, полный придурок. Ну его, пустое место!

Вот так. Люди... они так наивны!

КАЗАКИ-РАЗБОЙНИКИ

В сентябре 1984 года в разведроте появился новый офицер. Сентябрь, как, впрочем, и март, время перемен - одни люди уходят, на замену им прибывают новые, и поначалу на статного молодого старлея никто в части не обратил внимания. А зря - уже через неделю о нем заговорил весь полк.

У старшего лейтенанта Николая Морозова (фамилия - изменена) были свои взгляды на методы ведения боевых действий в условиях высокогорной партизанской войны. Были и свои, далеко не малые амбиции. Но реализовать все это в должности командира взвода не представлялось возможным. Как выяснилось впоследствии, в штабе армии произошла накладка: Морозов ехал получать роту, а достался лишь взвод. Мириться с такой несправедливостью судьбы он не собирался. Амбиции, опять-таки, не позволяли...

На второй или третий день после прибытия Морозов подошел к своему ротному и изложил идею создания подразделения глубокой разведки. Капитан внимательно выслушал новоиспеченного спецназовца, тяжело вздохнул и послал его к такой-то матери. Но это был не тот человек, который охотно идет туда, куда его посылают. Вечером он переговорил с Мямлей, новым командиром второго мотострелкового батальона, а на следующее утро и с полкачем. К концу недельного срока Морозов был назначен на новую для части должность командира отдельного разведвзвода второго МСБ и сразу, пока не передумали, приступил к его формированию.

Команда у него, честно сказать, сразу получилась не ахти. Да и не мудрено - кто лучшими поделится? Отдавали - так себе... Кроме того, "старые" офицеры сразу скептически отнеслись к новому веянию и соглашались на перевод своих людей крайне неохотно. Например, мой ротный, разругавшись со всеми, не дал ни одного человека. Морозов - сам виноват. Он решил собрать группу только из тех, кто отслужил год. То есть из осеннего призыва восемьдесят третьего. Этим он значительно сузил себе возможность выбора.

Как ни странно, но единственным, кто пожалел горячего старлея, оказался его бывший ротный. Он выделил из разведки троих толковых сержантов и двух рядовых, которые и составили костяк будущего подразделения.

Получив громкое и претенциозное название "спецназ", разведчики и жизнь свою начали соответственно. Первым делом построили себе дом - заняли палатку и оружейку химвзвода,

потеснив их под крышу к зенитно-ракетному взводу ПВО.

Два разных подразделения в одной палатке - это всегда проблема. Но хуже всего в этой истории было то, что химики, несмотря на нейтральное название взвод химической защиты - были как раз чисто боевым подразделением и к тому же весьма ценным. На вооружении у них стоял экспериментальный огнемет "Шмель", представлявший собой две спаренные трубы одноразового гранатомета, с которым на время проведения операций солдат-химиков по одному или по два придавали к каждой группе. И я не помню случая, чтобы кто-то отказался от такого довеска.

Конечно, в каждой роте были и свои гранатометы, и люди, умеющие с ними обращаться, но была одна загвоздка - не знаю, как сейчас, но в то время к гранатомету РПГ-7 существовал только один вид боеприпаса: практически непригодная для применения против пехоты противотанковая кумулятивная граната. И, как следствие, это оружие нами почти никогда не использовалось. А вот "Шмель" имея ряд недостатков: относительно большой вес (что-то около восемнадцати килограммов), всего два выстрела, необходимость возвращать в полк отработанную трубу (а как же! секретность превыше всего!), тем не менее был незаменим против всех видов огневых точек и вообще в кишлаках, так как поражающим фактором у него был высокотемпературный взрыв.

Мне один раз довелось попасть в домик, куда за несколько часов до этого залетела такая "пчелка". Впечатляет...

После первых же совместных походов на операции мы химиков зауважали. Вооруженные монстрами-огнеметами, солдаты химвзвода были нашей единственной маневренной артиллерией. И вот теперь их выкинули из собственного жилища переселили к тыловичкам-зенитчикам. Кому такое понравится?

На новоиспеченных разведчиков все и так смотрели косо, а тут и вовсе, как только у них появилась своя палатка, в родных подразделениях они уже и не показывались. Еще бы, только-только выбились из молодых, и вдруг на тебе - попали в спецназ, как обеими ногами - в тазик с маргарином.

Следующим шагом было вручение боевого оружия. И вновь в батальоне только руками развели...

Весь разведвзвод получил не используемые у нас АКМС калибра 7,62 и ПБСы к ним - приборы бесшумной стрельбы. Тут надо разъяснить, что означает подобный выбор вооружения.

Специфика боевых действий в нашем регионе заключалась в том, что огонь с обеих противоборствующих сторон велся, как правило, с относительно больших расстояний. По этой причине

основной огневой силой пехоты было мощное дальнобойное оружие - пулеметы Калашникова и снайперские винтовки Драгунова. Автоматы же мы называли не иначе как "пукалками" и применяли в основном для ближнего боя, например, в кишлаках. Вооружены ими были либо сержанты и офицеры, либо, в виде личного оружия, те, кто обслуживал тяжелое вооружение - расчеты АГС и 12,7 миллиметровых пулеметов НСВ именуемых у нас "Утесами", а также "спецы" - операторы-наводчики и механики-водители. Официально на вооружении стоял АК- 74 калибра 5,45 имевший прицельную дальность стрельбы в 1000 метров. Ну, это старая советская традиция, у нас на спидометре "Жигулей" тоже по 180 км/ч пишут.

На расстоянии в один километр из этого автомата можно попасть разве что в дирижабль, и то при условии его полной неподвижности. Реально дистанция прицельной стрельбы у него составляла где-то метров пятьсот-шестьсот. На АКМСах, выданных разведвзводу, прицельная дальность еще меньше, но это в обычном режиме, а с надетым на ствол ПБСом и облегченными дозвуковыми боеприпасами максимальное расстояние снижается до 400 метров, а реальное до ста.

Не спорю, для штурма президентского дворца вещь незаменимая, да и вообще - в условиях города лучше не придумаешь, но вот для Памира и Гиндукуша, как ни крути, - слабовато. Это оружие и снаряжение для ближнего боя. И даже более того - для боя в упор. Но, насколько мне известно, в операциях подобного типа участвуют только офицеры и только прошедшие спецподготовку, то есть кадровые профессионалы.

Вместе с оружием разведчики получили и соответствующую амуницию. Морозов, дорвавшись до военных штучек, разгулялся не на шутку. Его подопечные получили вместо обычных вещмешков какие-то ранцы (честно скажу обычный туристский рюкзак), каждому был выдан крайне дефицитный "нож разведчика", подбитые стальными кошками вибрамы, а также маскировочные сети, штормовые комбинезоны, плавжилеты (они использовались для ношения магазинов - очень неудобно!) и прочее, прочее, прочее...

Узнав о подробностях происходящего, мы, недолго думая, пристали с расспросами к тогда еще не исчезнувшему Славику Лепилову. Но он в ответ скорчил такую презрительную физиономию, что ни я, ни Зуб больше ему ни одного вопроса не задали.

Оставалось ждать результатов.

x x x

Ждать пришлось недолго. Морозов был сторонником ускоренной подготовки и уже в середине октября вывел свою команду в горы.

Чем в течение всего сентября он занимался с новоиспеченными разведчиками в неурочное время, для нас осталось тайной. А вот в урочное мы имели возможность наблюдать за общефизической и стрелковой подготовкой разведчиков, а также за их двухчасовыми занятиями рукопашным боем. Правда, с последней дисциплиной сразу произошли накладки.

На участке спортгородка, отведенном для этих целей, занимался Славик, причем каждый день. Морозов один раз туда было сунулся, попытался что-то объяснить упорно игнорирующему его Лепилову, сбегал в штаб, но остался, как и следовало ожидать, ни с чем. Пришлось спецназу отрабатывать удары между полосой препятствий и брусьями. И смотреть на то, КАК они это делали, нам, честное слово, было тошно.

Нет, сам старлей был парень хоть куда. Во-первых, рослый, под метр девяносто, атлетически сложенный и хорошо тренированный. Как выяснилось, он имел около десяти разрядов и званий КМС по различным видам спорта. Последним его увлечением, по слухам, было десятиборье. Охотно верю! Если бы не слишком высокий рост, Морозова можно было принять за хорошего гимнаста, - тонкая кость, специфическая осанка, мощный торс при узкой талии и длинных тонких ногах. Внешностью его Бог тоже не обидел. Одним словом - плейбой в камуфляже. Но вот его люди...

На ежеутреннюю физзарядку Морозов стал выгонять их в бронежилетах. Для себя тоже исключений не делал. Ну, это - старо, мы своих доходяг лечили тем же снадобьем. Правда, выборочно, штучно. А здесь сразу все подразделение и ежедневно? Потом Морозов устроил своим подопечным дополнительные кроссы три километра, после обеда. А уж после всего - отдельные спортивные мероприятия, которые именно и включали в себя пресловутый рукопашный бой.

Готовил Морозов их довольно своеобразно - по учебнику. В каждой роте под грифом "Для служебного пользования" хранилось пособие "Рукопашный бой". Делилось оно на три части: первая, вторая и третья категории, так, кажется. Так вот, первая категория называлась: "Общевойсковые подразделения". И именно этот раздел он им и преподавал. Два удара ногой, три рукой, пару захватов, "снятие часового", чуть-чуть работа с оружием - штык-нож, саперная лопатка. Детский лепет для слабоумных - если все это не отработано до должного уровня, то применять невозможно

в принципе.

И началась ежедневная комедия. В меру крепкие, измученные, только-только год отслужившие, полностью лишенные какого-либо намека на культуру движений мальчики, по сути - дети, стоя голыми по пояс и дергая жиденькими ручонками, пытались изображать некое подобие прямого удара кулаком в голову. Если говорить честно - жалкое зрелище. Морозов на их фоне выглядел прямо-таки героем.

Гриша один раз не выдержал, подошел к нему и от имени Лепилова пригласил на спарринг. Но Морозов оказался неглупым малым и тут же отказался от всех вариантов, даже от последнего: "Один на один... ночью!", то есть без свидетелей. В штабе его наверняка предупредили, а то бы он при его заносчивости согласился. Представляю, какую комедию перед ним свалял бы Славик.

Последние силы, остававшиеся у солдат после занятий спортом, Морозов выжимал на стрельбах. Там он гонял их до умопомраченья, заставлял чуть ли не в сальто-мортале лупить длинными и короткими очередями по мишеням и консервным банкам. Ну, идиот, и только...

И вот через месяц загоняв своих "спецназовцев", похоже, до смерти, он решил: "Пора! Труба зовет!" И в начале октября в ночь с воскресенья на понедельник повел взвод на реализацию разведданных.

Всю свою жизнь я плохо ориентировался в числах и днях недели, тем более в армии, где выходные от будней отличаются разве лишь дистанцией утреннего кросса, но тот вечер запомнил.

x x x

У нас в 860-м ОМП был один культурный объект - клуб. Располагался он до 1984 года там, где ему и полагалось - на отшибе палаточного городка, между умывальником и полковым туалетом. Весной построили новый клуб - возле офицерских жилых модулей возвели ЦРМ, внутри ангара установили импровизированную сцену, повесили экран и расставили стулья. А старую палатку отдали под жилье клубной команде: киномеханик, художник-оформитель, фотограф - человек пять всего. Там же оборудовали фотостудию, лабораторию и еще что-то.

Киномеханик был земляком Зуба, а фотограф полка - Гришка Антрацит моим. А у меня их на всю часть всего трое. Землячество мы ценили и частенько захаживали в гости. Естественно, мы к

ним. В их палатке чуть ли не богемная вольница, "план" иногда... а у нас, что делать, одни автоматы да "эфки".

В ту памятную субботу подходит ко мне после фильма Зуб и говорит:

- Митяй мэнэ "на косяк" запрошуе. Пийдэш?

Ну, а куда ж я денусь? После отбоя двинулись в клуб...

В палатке у ребят дым коромыслом, трехлитровая банка чая в истерике заходится - забыли вовремя "штурмовой" кипятильник выдернуть, кто-то уже спит, кто-то смехом себя изводит - как раз вовремя! Нам рады - усадили, чайку налили, Митяй засуетился, новую сигарету забивает. Вдруг слышим:

- Давай, Дима, и на меня "кропаль"... может - последняя!

Когда ТАК говорят, понятно - не сегодня последняя...

Народ в армии, на войне суеверный и о таких вещах распространяться вообще-то не принято, тем более в отношении самого себя. Все сразу замолчали и повернулись к говорившему.

Им оказался сержант разведроты. Один из тех - переданных в команду Морозова. Имени его я не запомнил, а вот фамилия у сержанта была знатная Румянцев. Мы с Зубом переглянулись и спросили:

- А что так?

- Та... - протянул он неопределенно и, помолчав, с расстановкой добавил: - Завтра ДШК пойдем "снимать"...

Бравада исконно присуща разведке, но не до такой же степени?.. Зуб опять на него покосился и спросил:

- Так якого ж биса ты тут робыш?

Сержант, видимо, до этого хорошо "дернул" и сразу не понял:

- А че?

- Ничого! Вали давай отсюда, вояка!

Сержант после такой отповеди стал кое-что понимать и уже более осознанно уставился на Зуба.

А у того на лице все написано: еще немного и вышвырнет сержантика из палатки за шиворот. Это в лучшем случае...

Пацан не стал дожидаться такого поворота событий, окончательно осознал ситуацию и быстренько исчез.

Мы тоже в тот вечер долго не засиделись. Неохота почему-то было...

Эпизод этот с сержантом вскоре, наверное, вообще забылся бы, если бы история не получила продолжения.

А наступило оно за полчаса до подъема в понедельник.

Самое начало я проспал. Проснулся от злющего толчка в бок и яростного шипения взводного:

- Тебе что, Бобер, особое приглашение требуется? Подъем, морда! Тревога!

По ходу сборов я узнал, что отдельный разведвзвод "в полной жопе" где-то за десять-двенадцать километров от полка в направлении высоты "Две семьсот", именуемой у нас "Зуб". А то вотчина самого Басира! Полторы тысячи штыков, как минимум, поднять сможет при желании. Лучше - не придумаешь. В 1981 году находившийся там укрепрайон брали штурмом и положили в скалах чуть ли не треть батальона. Я тоже побывал на высоте Санги-Дзундзан в марте восемьдесят третьего, воспоминания не из приятных. То еще, бля, местечко...

Вытаскивать спецназ кинули разведроту, усилив ее третьим взводом четвертой МСР и первым пулеметным взводом шестой роты.

По преданию, наш новый ротный, капитан Степанов, заменивший старшего лейтенанта Пухова, на прощальной пирушке клятвенно Виктору Григорьевичу пообещал продолжить традицию и не потерять в подразделении ни одного человека. Помня о своей клятве, он добавил к взводу Звонарева всех старослужащих пулеметчиков и снайперов, а, кроме того, подкинул еще и троих сержантов - дедов. Так что получилось нас почти тридцать человек.

Выходили налегке: октябрь - это еще лето. Сухпай не брали. Правда, боекомплект, по любимому выражению взводного, торчал из одного места. Ну, естественно, мы с Зубом в последний момент, как всегда, "забыли" взять каски. Но Серега настолько был заведен в штабе, что даже не заметил. А "не замечал" он нашего самовольства только в очень серьезных случаях, когда предчувствовал, что ему придется нас куда-то "сунуть". Уже с месяц как "гражданские", мы были его "невнимательностью" весьма обеспокоены. Еще бы! Двадцать пятый месяц службы на исходе, а тут нате вам, подарок - выручать новоиспеченный спецназ.

Сели на машины, поехали. Километра через три, у самого подъема, спешились и полезли вверх. Через час до нас стали отчетливо доноситься звуки очередей. Правда, разобраться в ситуации по этим очередям было трудно: духи тоже были вооружены АКМами. Еще через пару километров начали обстреливать и нас. Но как-то вяло, длинными очередями и с дальней дистанции. Мы даже отвечать не стали. Вот тогда-то и ранили замполита разведроты.

Автоматная пуля на излете попала ему в ягодицу, что вызвало целую бурю всеобщего веселья. Его что-то хлопнуло по заду, и он поначалу даже не понял, в чем дело, а потом, метров через сто, вдруг почувствовал, что по ноге течет. Остановился, приподнял штанину и, увидев кровь, с неподдельным

возмущением, совершенно серьезно сказал:

- Вот бляди, а?.. Коммуниста - и в сраку!

Перевязывать, конечно же, не стали. Потом выяснилось, что пуля даже не застряла в мягких тканях, а вывалилась там же, по дороге. Это послужило в дальнейшем темой для новых шуточек: "Надо же было так "вычислить" - мало того, что в задницу, так еще и сувенира на память не оставили!"

Когда мы выскочили на главный хребет и прошли метров пятьсот, в наушниках радиостанции прозвучал хриплый властный голос:

- "Ворон-3", берите выше. Вы бьете нам через голову!

Я передал этот приказ взводному, и мы, остановив шедшую чуть позади нас разведку, недоуменно уставились на буквально в пятидесяти метрах от нас прогнувшую хребет седловину. За этой седловиной вновь поднимался "наш" гребень, и там вдалеке уже мелькали шустрые фигурки, явно - аллахеры. Слева же, в проеме, метрах в шестистах, был виден параллельный хребет, откуда и велся основной огонь. Били уже хорошо, весьма прицельно, так что наша группа была вынуждена идти не по самому гребню, а на два-три метра ниже - по скату правой стороны. Только перед самой седловиной, когда уже деваться было некуда, мы выставили пулеметы и стали понемножку дружно давить правоверных. Два десятка ПК - мало не покажется! И тут, здрасьте - через голову! Тогда где же, в таком случае, ваши головы?!

Ничего не уяснив, мы дали запрос обозначить себя. Через пару секунд из-под земли, в каких-то тридцати-сорока метрах, вылетела осветительная ракета. Вокруг стояло человек пятьдесят, и, по-моему, у всех глаза на лоб полезли - вот так спецназ!

Более бездарной и безнадежной, более неприспособленной к обороне позиции не было в радиусе как минимум десяти километров. Взвод Морозова, вырыв пять окопов полного профиля и укрыв их маскировочными сетями, сидел посередине тридцатиметровой ямы, подпираемой с трех сторон господствующими высотами.

Им просто трижды повезло. У правоверных в этот раз под рукой не оказалось ни одного сраного минометишки - раз, просто не хватило времени, чтобы добить "спецов" до конца, это - во-вторых. А в-третьих, духи зажали их ночью, и к рассвету разведчики успели вырыть глубокие норы.

Шок от увиденного был настолько силен, что все сразу замолчали, и даже пулеметчики, взявшиеся было за подавление огневых точек, уставились на офицеров. Звонарев ждал команды - руководил операцией командир разведроты. Он-то и нарушил тяжелое молчание.

Капитан взял у своего солдата переговорное устройство и вызвал Морозова. У того, кажется, был позывной: "Сова". Серега, незаметно поманив меня пальцем. Показал жестом, чтобы я перевернул наушник - тоже интересно послушать. Ротный холодно распорядился:

- "Филин" на связи. Докладывай обстановку...

- У нас два трупа и раненых - трое. Сами выйти не можем. Пройдите ниже нас, прикройте пулеметами и киньте несколько человек на помощь. Вытаскивать...

- Ну а сам, как себя чувствуешь?

Старший лейтенант долго не отвечал, потом в наушнике прохрипело:

- Легкое ранение ... в шею. Дойду сам.

- Здесь я решаю. Кто как проходит и куда доходит... и как! Ты меня слышишь? Когда вас вытащат, я надеюсь увидеть три трупа. Ты меня понял?..

Ответа не последовало.

Звонарев подошел к старшим офицерам, минуты три они там вполголоса о чем-то переговорили, и Серега вернулся к нам. Увидев его подобревшее, почти ласковое лицо, Зуб внезапно скорчил такое умное выражение на своей морде, что полвзвода так и прыснуло. А Гриша, не обращая на смех никакого внимания и всем видом показывая, что ему, как всегда, досталась самая опасная и неблагодарная работа, полез с пулеметом наверх. Взводный не выдержал:

- И куда, сучара?!

- Як цэ, куды? Прыкрыватымо! А що?

- Ах ты, гадость такая, а! Ну, иди, чмо, иди... ладно...- И, повернувшись ко мне, начал: - Глебыч...

Дальше можно было и не продолжать. Я кивнул и молча стал стаскивать с себя разгрузку с магазинами, потом сунул винтовку своему подопечному Юре Ткаченко и показал головой Катаеву: "Пошли". Саня и сам знал, что ему делать.

Когда мы были готовы. Звонарев поставил задачу:

- Так, мужики. Вместе с разведкой, "по звонку", кидаетесь в окопы. Твой, Бобер, вот тот, второй слева. Ты поаккуратней, там Мороз, понял? Он ранен. И еще двое; если что - они помогут. А ты, Санек, в последний, пятый. Туда - смело, там два трупа. Возьмешь веревку... ну, ты знаешь. И лбами не стукнитесь вон с тем бабаем, - с тобой идет. Ясно?!

Мы что-то буркнули в ответ, и он закончил:

- Все, удачи! И резво чтоб...

Спасибо огромное! А то мы забыли...

Группа поддержки, отложив оружие и сняв с себя все лишнее,

как спринтеры, изготовилась к рывку в десять-двадцать метров. Разом, беспрерывной очередью грохнули пулеметы, кто-то из офицеров гикнул, и мы, согнувшись пополам и задержав дыхание, рванули по "своим" окопам.

Я влетел ногами вперед; там меня уже ждали и лица, под ошипованные подошвы не подставили. Старший лейтенант сидел, прислонившись к стенке, остальные, поймав и поставив меня на ноги, продолжали собирать свои баулы.

На предложение сделать ему нормальную перевязку Морозов отрицательно покачал головой. Я для приличия спросил:

- Промедол?

Он, вымученно усмехнувшись, выразительно постучал пальцем по нагрудному карману брезентовой "штормовки". Потом, вспомнив о чем-то, сказал:

- Ты, парень, помог бы моим дотащить ранец. - И указал на свой раздутый рюкзак.

Когда я согласно покачал головой, он опять устало улыбнулся и добавил:

- Смотри - тяжелый.

Сделав неопределенный жест, я крикнул своим, что у нас все готовы.

Опять прикрывающий шквал огня над головой - пошла первая группа: раненые и часть разведчиков. Один был тяжелый: сквозное пулевое ранение в бедро, с раздроблением. Его еще раз обкололи обезболивающим, наложили тугую повязку, шину и унесли на плащ-палатке, вчетвером. В этой группе уходил и их командир. Прямо пошел, последним. Ни разу не пригнувшись и не оглядываясь назад. Да уж - красавец...

Затем потащили трупы. Сашка Катаев на пару с переводчиком-таджиком, накинув им удавки на шею и подсаживая закоченевшие тела на бруствер, давали возможность остальным, находившимся под прикрытием гребня, утаскивать убитых к себе. Старый, не раз проверенный способ. И за шею цепляли не от бесчувствия или от наплевательской бесчеловечности, а для того чтобы, когда тащишь волоком, конечности в разные стороны не разъезжались и не цеплялись за камни.

Под занавес пришла и наша очередь уносить ноги. Оставшийся со мной в окопе солдат выпустил остатки патронов в направлении противоположного хребта, сменил магазин и, повернувшись, неожиданно сказал:

- Давай, выкинем рюкзак наверх, потом выскочим. Подцепим за лямки и вдвоем дотащим...

Смерив его исполненным презрения взглядом, я подцепил

ранец за обе лямки и потянул вверх. Но в следующее мгновение понял, что в этой ситуации баран все же не солдат-разведчик, а я. Виновато, как бы извиняясь, улыбнулся и передал ему вторую лямку. Вдвоем мы поднатужились, выкинули мешок на насыпь и, дождавшись очередного заслона, кинулись к своим.

Пришли последними. На местах оставались только пулеметчики, остальные уже были метрах в двухстах. С минуты на минуту на наших позициях должны были появиться правоверные, и каждый солдат старался как можно скорее унести ноги. Тут уж никуда не денешься - такова специфика обратного пути...

Пока мы собирались, разведка подхватила пулеметы и рванула вслед за своими - пять тел на руках, много даже для роты. Там же были и почти все наши. Я отдал радиостанцию Катаеву. Взамен он помог мне взгромоздить на спину ранец, и, подгоняемые взводным, мы помчались следом. Последним, с виноватой мордой, бежал Гриша Зубенко.

Рюкзак Морозова весил не меньше шестидесяти-семидесяти килограммов. Пока силы были свежи и дорога под уклон, мне казалось, что я вполне в состоянии донести его до машин самостоятельно. Отдать ранец разведчикам было стыдно. Они с такими воюют, а нам с горки снести невмоготу! В таких случаях мы говорили: "В падлу!" Лучше всех это, кажется, поняли Зуб и Катаев. Когда я проходил мимо вертолетной погрузки, Саня вдруг предложил:

- Глеб, винтовку давай...

Я, понятно, не отдал...

Но через полчаса я уже проклинал все на свете, в особенности Морозова со всеми разведчастями Советской Армии вместе взятыми. Еще через час Катаев все-таки забрал у меня СВДшку, а Зуб на трехминутном привале, как бы ненароком, вытащил из моих подсумков четыре гранаты Ф-1. На восемь килограммов разгрузили, а это уже кое-что значит.

Когда мы доплелись до машин разведроты, я был примерно в том состоянии, которое в обычной ситуации наступает на восьмом-десятом часу непрерывного высокогорного подъема.

Командир одного из их взводов по незнанию тут же повторил мою ошибку, пытаясь самостоятельно закинуть на ребристор машины брошенный ему под ноги рюкзак. Но потом, недоуменно подергав неподъемный мешок, он засмеялся, подозвал к себе двух солдат и приказал:

- Да что тут у него? А ну - вываливай!

Через пару секунд весь джентльменский набор Морозова лежал в пыли. Вокруг столпилась половина разведроты.

Молчали...

Два запечатанных цинка с боекомплектом к АКМу, - один с простыми, второй с малошумными патронами, одна упакованная в полиэтиленовый пакет куча трассеров - пачек десять, как минимум. И еще две пачки патронов к ПМ отдельно. Десять гранат Ф-1 и столько же РГД-5. Магазины... Маскировочная сеть и две плащ-палатки, десяток автоматных шомполов для их натяжения, сухпай дней на пять, несколько мин разных типов, пятнадцать-двадцать брикетов тротиловых шашек, детонаторы, шнуры... И прочего мусора неизвестно сколько...

Когда пришли в полк, я уже успел немного отойти и сразу поволок Зуба к Лепилову - жаловаться. На спортгородке его не оказалось, и мы кинулись в модуль. По дороге нас развернул какой-то штабист - еще бы! "Что это за мода пошла у солдат второго батальона - разгуливать по территории полка в полном боевом, да еще и с оружием?" Мы вернулись, побросали снаряжение на кровати и опять помчались к Славику. А тот уже на рабочем месте - столб молотит. Подошли и давай плакаться: мол, такой-сякой... Тот слушал-слушал, потом махнул рукой:

- Хватит ныть! Мало дебилов в армии видели?!

Помолчал и неожиданно добавил:

- А Морозову передайте, что я хочу с ним познакомиться... Наизнанку выверну...

Сказал тихо, без нажима, с кривой улыбочкой, но так, что знакомым холодком сразу повеяло.

Мы покурили и пошли в палатку. Я, не раздеваясь, завалился спать и проснулся уже утром, после подъема и зарядки. Знал, что пару дней взводный меня "доставать" не будет. Зуб тоже на зарядке не был, но куда-то уже смотался и, подсунув мне початую пачку "цивильных" и котелок явно не столового чая, спросил:

- А ты учора бачыв, кого вбылы?

Слишком хорошо я эту морду знал, да и кольнуло что-то под сердцем. Говорить первому не хотелось:

- Ну?

- Та нэ нукай! Що, дийсно нэ бачив?

- Дийсно, дийсно... не тяни!

- Та Румянцева вжеж... Чого, не знав?

- Нет...

- Я там розмовляв з одным... Вин говорыть, що колы йих зустрилы, його пэршим же пострилом з гранатомэту завалылы. А того, другого, - поранылы. Вин потим помэр, у нього ще двичи улучылы, вже з автомату... покы уси копалы. Потом, помолчав, добавил: Ось так. А я йому тоди... чуть нэ вмазав...

Нет, Зубяра с виноватой рожей, даже в такой ситуации -

зрелище невыносимое. С трудом сдержавшись, легонько ткнул его кулаком в бок и сказал:

- Ладно плакаться, пойдем разомнемся.

Он не ответил, только хмуро на меня зыркнул, помолчал и, явно обидевшись, бросил:

- Ото тоби гыганькы! Купыла мама коныка...

Встал и, резко развернувшись, куда-то ушел. У него была поразительная способность исчезать так, что никому в части разыскать его было не под силу. Вернулся Гриша уже после обеда и потом ни словом об этом разговоре мне никогда не напоминал. Такое с ним случилось в первый и последний раз.

И еще одна деталь: Зубенко был родом из хутора Малы Будыща Гадячского района Полтавской области Украины, а погибший Румянцев - то ли из самой Москвы, то ли откуда-то из Подмосковья. До этой операции они знакомы не были.

x x x

Последний раз близко встретиться с Морозовым мне довелось в конце ноября, на операции в районе кишлака Веха. К этому времени, так и не познакомившись со старшим лейтенантом "поближе", из части исчез Славик Лепилов. Да уж - не получилось... Все это время командир отдельного разведвзвода провел в Кундузском медсанбате, не такое уж и легкое он, видимо, схлопотал ранение. И вот его второй выход, правда, теперь уже в составе полка, потому что в "свободное плаванье" с таким послужным даже прославленных героев не пускают.

На третий день рейда вышли на финишную прямую, еще километров десять, и мы спустимся к броду через Кокчу. Достопамятное место - месяц назад тут подорвался командир нашего восемьсот шестидесятого отдельного мотострелкового подполковник Сидоров. А теперь нас там ждут машины картошку жарят, наверняка рыбки наловили, позаботились. Пока отдельные подразделения собирались для последнего перехода, третий взвод находился в группе прикрытия - так, махонький боевой заслончик.

Прошлой ночью роте хорошо досталось, попали в засаду и чудом вывернулись - артиллеристы, слава Богу, не подвели. Но Вадутовы подопечные обиделись до невозможности и на место сбора проводили нас с помпой, с засадами и снайперами. Мы тоже в долгу не остались, затеяли с ними соревнование. Вообще-то, подобные состязания снайперов случались редко, но когда все же "сросталось", то обе стороны неписанные правила соблюдали

свято. Условия были просты, как саперная лопатка: обычно на очень большой дистанции сходилось несколько стрелков и вели меж собой дуэль. Два-три выстрела с нашей стороны, потом их очередь. Никаких автоматов-пулеметов, только одиночными.

Сидели мы на неприступной позиции, сзади по хребту растянулись остальные подразделения батальона, времени еще достаточно - час, как минимум. БК для соревнования с духами и без гонцов насобирать не проблема у пулеметчиков по неизрасходованной ленте.

Начали они. Мы с удовольствием приняли приглашение. Сидим, беззлобно плюхаем друг в дружку.

Рядом со мной "группа поддержки" - зрители: Зубяра, как киплинговский Балу, облокотившись на свой ПК, скорчился в метре справа, Саня Катаев растянулся с другой стороны. Покуривают. Время от времени и мне дают потянуть. В нескольких шагах уселся взводный, тоже курит. Ну, ему статус не позволяет залечь. Молодые поначалу так же пристроились сидя, но Саша Слободянюк, по прозвищу Пончик, на них шикнул, и "салабоны" дружно вытянулись компактной цепочкой.

Духи быстренько пристрелялись и стали класть фонтанчики с грязью слишком близко от наших носов. Первым терпение лопнуло у Сашки Катаева:

- Ну что за херня! Трое на одного, не жирно? - Он встал, взял у кого-то из "сынков" СВДшку и улегся со стороны Зубяры, буквально у меня под боком. Получилась уже опасная мишень из трех тел, на два метра. Саня в прицел оценил диспозицию и, повернувшись ко мне, спросил:

- Ну? И сколько там?

Мне, конечно, лестно было самому закончить разбирательство, но делать нечего - не гнать же друга. Нехотя ответил:

- Тысяча триста-четыреста. И ветерок... - потом, включившись, что тот все же не снайпер, добавил: - На рисочку влево.

Катаев засмеялся:

- Ой, спасибо-спасибо! Мне б самому в жизнь не догадаться!

У "товарищей моджахедов" было какое-то преимущество - по звуку ясно, лупят из "буров", а Ли-Энфильд значительно мощней СВД. Да, но зато мы в касках (не "забыли") и бронежилетах, пуля на излете. Так что можно считать поровну.

Только-только разошлись, как раз самое интересное началось - наши партнеры второй раз позиции сменили, все-таки допекли. И тут вдруг, на тебе, слышим над головой:

- Что вы в грязь пузом влипли? Тут больше километра, вояки!

Поворачиваемся. Интересно все же узнать, кто это так

возмущен невоинственными позами советских солдат. И видим "одинокого волка", "снежного барса", старшего лейтенанта Морозова. Если бы он уязвил нас где-нибудь один на один, то мы, наверное, отморозились бы, но сказано было в присутствии взводного, и тут уж смолчать нам было как минимум - подло.

Для снайпера "больше километра" - это как для автогонщика "много лошадиных сил". Вставая, поинтересовался:

- Это сколько - больше?

Но тут же раздался окрик командира взвода Сереги Звонарева:

- Глеб!

Повернулся. На губах Звонарева играла победная улыбка. Ничего не говоря Морозову, он молча посмотрел в направлении уже поднимавшегося батальона, потом скомандовал нам и увел взвод за собой, оставив старлея одного среди камней.